

Psychology. Journal of the Higher School of Economics

ПСИХОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЭКОНОМИКИ

В НОМЕРЕ

Актуальные проблемы
современной психологии

Диспозициональная
аутентичность

fMRI and EEG resting-state
subjective experience

Вера в справедливый мир

Том 17, №3

2020

ISSN 1813-8918 (Print)
ISSN 2541-9226 (Online)

Том 17. № 3
2020

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Учредитель

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Главный редактор

В.А. Петровский (НИУ ВШЭ)

Редакционная коллегия

Дж. Берри (Университет Квинс, Канада)

Г.М. Бреслав (Балтийская международная академия, Латвия)

Я. Вальстер (Ольборгский университет, Дания)

Е.Л. Григоренко (МГУ им. М.В. Ломоносова и

Центр ребенка Йельского университета, США)

В.А. Ключарев (НИУ ВШЭ)

Д.А. Леонтьев (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.Е. Лепский (ИФ РАН)

М. Линч (Рочестерский университет, США)

Д.В. Люсин (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Е.Н. Осин (НИУ ВШЭ)

А.Н. Поддьяков (НИУ ВШЭ)

Е.Б. Старовойтенко (НИУ ВШЭ)

Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.) (ИП РАН)

М.В. Фаликман (НИУ ВШЭ)

А.В. Хархурин (НИУ ВШЭ)

В.Д. Шадрин (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

С.Р. Яголковский (зам. глав. ред.) (НИУ ВШЭ)

Экспертный совет

К.А. Абульханова-Славская (НИУ ВШЭ и ИП РАН)

Н.А. Алмаев (ИП РАН)

В.А. Барабанищikov (ИП РАН и МГППУ)

Т.Ю. Базаров (НИУ ВШЭ и МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.К. Болотова (НИУ ВШЭ)

А.Н. Гусев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Л. Журавлев (ИП РАН)

А.В. Карпов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)

П. Луцисаю (Римский университет Ла Сапиенца, Италия)

А. Лэнгле (НИУ ВШЭ)

А.Б. Орлов (НИУ ВШЭ)

В.Ф. Петренко (МГУ им. М.В. Ломоносова)

В.М. Розин (ИФ РАН)

И.Н. Семенов (НИУ ВШЭ)

Е.А. Сергиенко (ИП РАН)

Т.Н. Ушакова (ИП РАН)

А.М. Черноризов (МГУ им. М.В. Ломоносова)

А.Г. Шмелев (МГУ им. М.В. Ломоносова)

П. Шмидт (НИУ ВШЭ и Гиссенский университет, Германия)

«Психология. Журнал Высшей школы экономики» издается с 2004 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и поддерживается департаментом психологии НИУ ВШЭ. Миссия журнала — это

- повышение статуса психологии как фундаментальной и практико-ориентированной науки;
- формирование новых предметов и программ развития психологии как междисциплинарной сферы исследований;
- интеграция основных достижений российской и мировой психологической мысли;
- формирование новых дискурсов и направлений исследований;
- предоставление площадки для обмена идеями, результатами исследований, а также дискуссий по основным проблемам современной психологии.

В журнале публикуются научные статьи по следующим основным темам:

- достижения и стратегии развития когнитивной, социальной и организационной психологии, психологии личности, персонологии, нейронаук;
- методология, история и теория психологии;
- методы и методики исследования в психологии;
- междисциплинарные исследования;
- дискуссии по актуальным проблемам фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и смежных наук.

Целевая аудитория журнала включает профессиональных психологов, работников образования, представителей органов государственного управления, бизнеса, экспертных сообществ, студентов, а также всех тех, кто интересуется проблемами и достижениями психологической науки.

Журнал выходит 1 раз в квартал и распространяется в России и за рубежом.

Выпускающий редактор *Р.М. Байрамян*

Редакторы *О.В. Шапошникова*, *О.В. Петровская*,

Д. Вонсбро. Корректурa *Н.С. Самбу*

Переводы на английский *К.А. Чистопольская*,

Е.Н. Гаевская

Компьютерная верстка *Е.А. Валуевой*

Адрес редакции:

101000, г. Москва, Армянский пер. 4, корп. 2.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Сайт: <http://psy-journal.hse.ru/>

Перепечатка материалов только по согласованию с редакцией.

© НИУ ВШЭ, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема выпуска: Актуальные проблемы современной психологии

От редакции	389
В.А. Мазилев, А.А. Костригин. Проблема научного объяснения в современной зарубежной психологии	390
Б.П. Медведев, С.Р. Яголковский. Функциональная фиксированность и ее роль в снижении продуктивности творческого мышления	414
И.А. Хватов. Методические и теоретические проблемы исследования эволюции самосознания человека и животных	428
Н.И. Логинов, А.С. Александрова. Современные тенденции в зарубежных исследованиях когнитивных искажений в процессах принятия решений	444
В.Ю. Дурманов. Домохозяйства, владельцы и размеры городских квартир в России (<i>на английском языке</i>)	454

Статьи

М.С. Гусельцева. Практики самодисциплины в транзитивном обществе: стоический ренессанс и скандинавизация потребления	478
С.К. Нартова-Бочавер, Б.Д. Ирхин, С.И. Резниченко. Диспозициональная аутентичность во внутриличностном пространстве	500
И.С. Прусова, О.А. Гулевич. Влияние напоминания о смерти на отношение к другим странам: роль правого авторитаризма	520
Т.Н. Соболева. Формирование профессиональной одаренности и ее детерминация мотивацией успеха и различной степенью свободы в деятельности	537
Е.В. Улыбина. Вера в справедливый мир, мужские нормативные установки и атрибуция вины жертвам преступления	558
В.А. Гершкович, Н.В. Морошкина, А.К. Кулиева. Плохо ли, когда контроля слишком много? Влияние регуляторного фокуса на оценку коротких временных интервалов в ситуации соревновательного давления (<i>на английском языке</i>)	577
Г.В. Портнова, А.О. Тетерева, А.М. Иваницкий, О.В. Мартынова, К.М. Левкович. Влияние экспериментальных условий, размера выборки и продолжительности исследования на субъективные ощущения в состоянии покоя (<i>на английском языке</i>) ..	592

Vol. 17. No 3
2020

PSYCHOLOGY

Journal of the Higher School of Economics

Publisher

National Research University
Higher School of Economics

ISSN 1813-8918; e-ISSN: 2541-9226

Editor-in-Chief

Vadim Petrovsky, HSE, Russian Federation

Editorial board

John Berry, Queen's University, Canada

Gershons Breslavs, Baltic International Academy, Latvia

Maria Falikman, HSE, Russian Federation

Elena Grigorenko, Lomonosov MSU, Russian Federation,
and Yale Child Study Center, USA

Vasily Klucharev, HSE, Russian Federation

Anatolij Kharkhurin, HSE, Russian Federation

Dmitry Leontiev, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation
Vladimir Lepskiy, Institute of Philosophy of RAS, Russian
Federation

Martin Lynch, University of Rochester, USA

Dmitry Lyusin, HSE and Institute of Psychology of RAS,
Russian Federation

Evgeniy Osin, HSE, Russian Federation

Alexander Poddiaikov, HSE, Russian Federation

Vladimir Shadrikov, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian
Federation

Elena Starovoytenko, HSE, Russian Federation

Dmitry Ushakov, Deputy Editor-in-Chief, Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Jaan Valsiner, Aalborg University, Denmark

Sergey Yagolkovskiy, Deputy Editor-in-Chief, HSE, Russian
Federation

Editorial council

Ksenia Abulkhanova-Slavskaja, HSE and Institute of
Psychology of RAS, Russian Federation

Nikolai Almaev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Vladimir Barabanschikov, Institute of Psychology of RAS
and Moscow University of Psychology and Education,
Russian Federation

Takhir Bazarov, HSE and Lomonosov MSU, Russian Federation

Alla Bolotova, HSE, Russian Federation

Alexander Chernisov, Lomonosov MSU, Russian Federation

Alexey Gusev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Anatoly Karpov, Demidov Yaroslavl State University,
Russian Federation

Alfried Løngle, HSE, Russian Federation

Pietro Lucisano (Sapienza University of Rome, Italia)

Alexander Orlov, HSE, Russian Federation

Victor Petrenko, Lomonosov MSU, Russian Federation

Vadim Rozin, Institute of Philosophy of RAS, Russian Federation

Igor Semenov, HSE, Russian Federation

Elena Sergienko, Institute of Psychology of RAS, Russian Federation

Alexander Shmelev, Lomonosov MSU, Russian Federation

Peter Schmidt, HSE, Russian Federation, and Giessen
University, Germany

Tatiana Ushakova, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

Anatoly Zhuravlev, Institute of Psychology of RAS, Russian
Federation

«Psychology. Journal of the Higher School of Economics» was established by the National Research University «Higher School of Economics» (HSE) in 2004 and is administered by the School of Psychology of HSE.

Our mission is to promote psychology both as a fundamental and applied science within and outside Russia. We provide a platform for development of new research topics and agenda for psychological science, integrating Russian and international achievements in the field, and opening a space for psychological discussions of current issues that concern individuals and society as a whole.

Principal themes of the journal include:

- methodology, history, and theory of psychology
- new tools for psychological assessment;
- interdisciplinary studies connecting psychology with economics, sociology, cultural anthropology, and other sciences;
- new achievements and trends in various fields of psychology;
- models and methods for practice in organizations and individual work;
- bridging the gap between science and practice, psychological problems associated with innovations;
- discussions on pressing issues in fundamental and applied research within psychology and related sciences.

Primary audience of the journal includes researchers and practitioners specializing in psychology, sociology, cultural studies, education, neuroscience, and management, as well as teachers and students of higher education institutions. The journal publishes 4 issues per year. It is distributed around Russia and worldwide.

Managing editor *R.M. Bayramyan*

Copy editing *O.V. Shaposhnikova, O.V. Petrovskaya,*

N.S. Sambu, D. Wansbrough

Translation into English *K.A. Chistopolskaya,*

E.N. Gaevskaya

Page settings *E.A. Valueva*

Editorial office's address:

4 Armyanskiy pereulok, build. 2, 101000, Moscow,
Russia.

E-mail: psychology.hse@gmail.com

Website: <http://psy-journal.hse.ru/>

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© HSE, 2020 r.

CONTENTS

Special Theme of the Issue. Actual Problems of Modern Psychology

Editorial (<i>in Russian</i>)	389
V.A. Mazilov, A.A. Kostrigin. The Problem of Scientific Explanation in Modern Foreign Psychology (<i>in Russian</i>)	390
B.P. Medvedev, S.R. Yagolkovskiy. Functional Fixedness and Its Role in Reducing Productivity of Creative Thinking (<i>in Russian</i>)	414
I.A. Khvatov. Methodological and Theoretical Issues of Studying the Evolution of Human and Animal Self-Consciousness (<i>in Russian</i>)	428
N.I. Loginov, A.I. Aleksandrova. Current Trends in International Research on Cognitive Biases in Decision-Making Processes (<i>in Russian</i>)	444
V.Yu. Durmanov. Households, Ownership and Dimensions of Urban Apartments in Russia	454

Articles

M.S. Guseltseva. Self-discipline Practices in a Transitive Society: Stoic Renaissance and Scandinavization of Consumption (<i>in Russian</i>)	478
S.K. Nartova-Bochaver, B.D. Irkhin, S.I. Reznichenko. Trait Authenticity in the Intrapersonal Space (<i>in Russian</i>)	500
I.S. Prusova, O.A. Gulevich. The Influence of Mortality Salience on Attitudes towards Other Countries: The Role of Right-Wing Authoritarianism (<i>in Russian</i>)	520
T.N. Soboleva. The Formation of Professional Talent and Its Determination by the Low and High Motivation for Success under the Influence of Different Degrees of Freedom in Activity (<i>in Russian</i>)	537
E.V. Ulybina. Contribution of Belief in a Just World, Male Attitude Norms and Expectant Attitude to Victim in Attribution of Blame to the Female Victim (<i>in Russian</i>)	558
V.A. Gershkovich, N.V. Moroshkina, A.K. Kulieva. Is It Bad to Control Too Much? The Effect of the Regulatory Focus on the Estimation of Short Time Intervals under Competitive Pressure	577
G.V. Portnova, A.O. Tetereva, A.M. Ivanitsky, O.V. Martynova, K.M. Liaukovich. The Effect of Experimental Conditions, the Sample Size and Session Duration on Resting-State Subjective Experience	592

*Специальная тема выпуска:
Актуальные проблемы
современной психологии*

ОТ РЕДАКЦИИ

Дорогие читатели!

Журнал отмечает юбилей трех авторов публикаций в нашем журнале — М.М. Решетникова, В.А. Петровского, Д.А. Леонтьева. На сайте журнала (<https://psy-journal.hse.ru/news/318502709.html>) читатели могут ознакомиться с необычным для нас опытом опубликования биографических заметок к 70-летию М.М. Решетникова, поздравлений Д.А. Леонтьева, «Надситуативного интервью» В.А. Петровского и откликами коллег. Электронная форма журнала (отныне мы будем освещать юбилей авторов журнальных публикаций на сайте) дает возможность присоединиться к поздравлениям вплоть до следующего юбилея. Читайте, пишите, сорадуйтесь!

Представляем вашему вниманию специальную тему выпуска «Актуальные проблемы современной психологии». Она состоит из статей, каждая из которых содержит подробный анализ теоретических и эмпирических разработок в рамках отдельной психологической проблематики. Масштаб рассматриваемых в этих статьях проблем самый разный: от общих, связанных с научным объяснением в современной психологии или эволюцией самосознания до более частных, связанных с негативной ролью функциональной фиксированности в творческом мышлении, когнитивными искажениями при принятии решений, а также социально-психологических причин государственной жилищной политики.

ПРОБЛЕМА НАУЧНОГО ОБЪЯСНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.А. МАЗИЛОВ^а, А.А. КОСТРИГИН^б

^а Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

^б Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, 117997, Россия, Москва, ул. Садовническая, д. 33

Резюме

В статье обсуждается методологическая проблема научного объяснения в психологии. Отмечено недостаточное освещение данной проблемы в отечественной научной литературе. Авторы обращаются к результатам зарубежных исследований, посвященных проблеме научного объяснения. Выделяются следующие направления исследований в данной области: концептуализация и определение данного понятия, его место в системе методологии науки и психологии, описание случаев применения; различные модели, подходы, схемы объяснения (основанные на средствах и результате; феноменологические, бескомпонентные, механистические и функциональные; редукционизм, механистический анализ, объяснительный плюрализм, теория динамических систем, информационная теория) психологических феноменов, фактов, результатов исследований; методы и техники объяснения (инстанцирование, дедуктивно-номологический метод, метод выведения (наи)лучшего объяснения, реификация, функциональный абстракционизм, функционализация, схематическое доказательство, объяснительная привлекательность, теория объяснительной согласованности); соотношение и сравнение двух ведущих видов объяснения в психологии – механистического и функционального, определение их специфики, а также сфер, в которых они наиболее применимы и эффективны; анализ проблемы объяснения в различных областях психологии (бихевиоризм, эволюционная психология, социальная психология); обсуждение проблемы плюрализма объяснительных моделей в психологии как признание сложности психики и психических явлений. Авторы отмечают, что зарубежные психологические исследования касаются специфичных вопросов теоретических и прикладных проблем, но не занимаются теоретико-методологической перестройкой всей системы психологии. Обоснована важность обсуждения научного объяснения в отношении его потенциала для решения актуальных методологических проблем психологии.

Ключевые слова: методология психологии, психологическое объяснение, научное объяснение, зарубежная психология, модели объяснения, механистическое объяснение, функциональное объяснение, научный метод.

Введение

Объяснение относится к числу вечных проблем философии и науки. Собственно, сама философия возникла как попытка античных мыслителей понять и объяснить мир, в котором жил человек. Объяснение уже тогда было значимой ценностью. К XX в. были сформулированы основные направления объяснительных практик, была прослежена периодизация развития объяснения в истории науки и философии (Конт, 1910).

Специфика решения проблемы объяснения преломляется в предмете, методе, парадигме и истории развития конкретной науки. В философии науки XX в. изначально возникла дедуктивно-номологическая модель объяснения, затем появлялись уточняющие позиции, учитывающие тот или иной аспект анализа феноменов или научных данных, — модель статистической релевантности (значимости), каузально-механистическая модель, унификационистская модель (Glennan, 2002; Newton-Smith, 2000; Salmon, 2006; Woodward, 2019). Данные модели обладают рядом достоинств и недостатков, однако все они в той или иной степени использовались в гуманитарных науках, в частности в психологии.

Мы не ставим задачу детального рассмотрения исторического развития проблемы объяснения в психологии, однако отметим, что в Новое время наблюдается триумф причинно-следственного объяснения. Дело в том, что в эту эпоху происходит бурное развитие естественных наук, которые продуктивно опираются именно на этот вид объяснения. Формулируются законы, которые выражаются языком математических формул. Успехи естествознания подтверждают продуктивность причинно-следственного объяснения.

Как ни удивительно, теория объяснения в психологии представляет актуальную проблему. Приходится констатировать, что удовлетворительная теория объяснения в психологии, к сожалению, отсутствует.

В научной психологической литературе полноценные объяснения встречаются крайне редко. В диссертациях, научных монографиях чаще всего речь идет об интерпретации. Обратимся к классической работе Б.Г. Ананьева, в которой дается классификация методов психологического исследования. Б.Г. Ананьевым, как известно, выделяются следующие группы методов: 1) организационные (в эту группу входят сравнительный, лонгитюдинальный, комплексный); 2) эмпирические (в эту группу входят обсервационные, экспериментальные, психодиагностические, праксиметрические и биографические); 3) обработки данных (количественные и качественные методы анализа); 4) интерпретационные методы (различные варианты генетического и структурного методов) (Ананьев, 1996). В этой классификации методов психологического исследования (лучшей пока не предложено) объяснение не предусмотрено. Такую ситуацию можно *интерпретировать* как неблагоприятную.

Вспомним, что такое объяснение. Объяснение представляет собой главную, основную функцию науки. «Слово “объяснение” употребляется в самых различных смыслах и в повседневной жизни, и в научном языке. Среди этих смыслов можно выделить два основных, которые принимались в качестве

отправных в разработке тех или иных концепций объяснения в эпистемологии и философии науки. Первый смысл связан с представлением о том, что для объяснения некоторого явления необходимо выявить некоторую скрытую за ним “сущность”, “внутреннюю природу”. Такого рода трактовки объяснения были характерны для метафизики, натурфилософии, а также ранних стадий развития науки. По мере развития научного познания такое понимание было вытеснено иным, в котором объяснение предполагает включение явления в структуру некоторых регулярностей, законов, в контекст целостной теории. Эти две общие перспективы могут пересекаться, поскольку возможен такой взгляд на теорию, в котором ее функция видится в раскрытии сущности определенного круга явлений. Однако подобное “эссенциалистское” понимание теории находят ныне все меньше сторонников» (Объяснение в философии науки, 2008, с. 7).

Интерпретация в широком смысле (*лат.* Interpretatio) — «разъяснение, истолкование» — процедура, которая должна быть направлена на достижение лучшего понимания. Уместно вспомнить, что интерпретация была на протяжении многих веков основным методом в философской психологии (Роговин, 1969; Мазилев, 1998). Это гибкий и достаточно универсальный традиционный *психологический* метод. Основные этапы развития интерпретации в философской психологии прослежены в книге М.С. Роговина (1969). Как отмечает В.С. Швырев, «в гуманитарном знании, в науках о культуре понятие “интерпретация” употребляется в значении, близком к понятию понимания, в котором, начиная с Дильтея, стремятся выразить специфику гуманитарного и культурологического познания, направленного на постижение (расшифровку, декодирование) смысла, воплощенного в различных текстах и вообще артефактах культуры. В философской герменевтике (Э. Бетти, Х. Гадамер) проблематика интерпретации выходит за рамки постижения смыслов текстов, оказываясь связанной с познанием бытия человека в мире» (Швырев, 2010, с. 134).

В начале XXI в. в отечественной психологии сохраняется актуальность проблемы причинно-следственного объяснения. Попытки его осуществления зачастую приводят в тупик: использование этого вида объяснения ведет к редукции психического к непсихическому. И это отдельная тема. И поскольку объяснение (или его видимость) в психологии все же должно присутствовать, используется интерпретация, под которой чаще всего имеются в виду *другие виды* объяснения (не причинно-следственные). Их обыкновенно и именуют интерпретацией в научном исследовании. Во избежание возможных недоразумений скажем, что авторы данной статьи отнюдь не являются противниками причинно-следственного объяснения. Напротив, в специальной статье одного из авторов обсуждается вопрос, как вывести решение проблемы использования причинно-следственного объяснения в психологии из возникшего тупика (Мазилев, 2020).

В отечественной психологии проблеме объяснения не уделялось должного внимания. Философской базой науки служила марксистско-ленинская философия, объяснение было прерогативой материалистической диалектики,

которая объясняла все, а инструментом объяснения выступали три закона диалектики и система из 16 основных категорий. Отметим, что и в постсоветский период, когда диалектический и исторический материализм утратил статус «единственного верного», теоретических работ по проблеме объяснения в психологии было опубликовано немного (Залевский, 2008; Юревич, 2006, 2008; Мазиллов, 2008).

В мировой психологии наиболее разработанной была концепция объяснения, разработанная Ж. Пиаже (Piaget, 1963). В настоящее время эту теорию следует признать существенно устаревшей. Критике теории объяснения Ж. Пиаже были посвящены специальные работы (Мазиллов, 2017б, 2018б; Роговин, 1979). В частности, отмечалось, что, согласно Пиаже, следующему картезианской традиции, сознание и поведение разрываются, причинность применяется лишь к поведению: необходимо «допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой — сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, “параллелизм”» (Пиаже, 1966, с. 188). Причинное объяснение, применяемое к поведению, неизбежно приводит к редукционизму, т. е. фактически сводит его либо к биологии, либо к социологии: объяснение сводится к редукции, а формы его обусловлены используемым «субстратом».

Здесь нет возможности развивать эту мысль подробнее, отметим лишь, что классик психологии выступает наследником картезианского дуализма, противопоставляя сознание и поведение. Как следствие, Ж. Пиаже приходит к выводу о неизбежности использования в психологии психофизиологического параллелизма, что явно противоречит позициям и традициям отечественной психологии.

Обсуждая проблему объяснения в психологии, нельзя абстрагироваться от другой важнейшей методологической проблемы психологии — проблемы предмета. В зависимости от того, что предполагают предметом в конкретном психологическом исследовании, подбирается и своя модель объяснения этого предмета. Анализ работы Ж. Пиаже (и других исследований по проблеме объяснения) убедительно показывает, что главным камнем преткновения оказывается именно специфика психологии и многомерность ее предмета (Мазиллов, 2017а, 2018а, 2020).

Обратимся к наиболее востребованным направлениям зарубежной психологии в связи с осмыслением проблемы научного объяснения. В зарубежной науке в последние два-три десятилетия вопросы объяснения затрагиваются в рамках фундаментальной психологии, а также в отдельных психологических отраслях (однако не во всех). Большинство работ посвящено основам разработки психологического объяснения как научного метода, осмыслению различных объяснительных моделей и подходов, применяемых в психологии, приемов и методик внутри психологического объяснения. Это является естественным, так

как проблема объяснения является сугубо научной, теоретической и фундаментальной.

В конкретных отраслях объяснение обсуждается в основном применительно к бихевиоризму, эволюционной психологии и социальной психологии. Эти области нами будут рассмотрены исходя из значимости «эмпирического» материала — по количеству работ. Это, безусловно, является ограничением и показывает отсутствие репрезентативности, но, с другой стороны, выражает положение вещей в теории и методологии в зарубежной (мировой) психологии. Также отметим, что отдельно нами не обозначается объяснение в рамках когнитивной психологии. Это связано с тем, что когнитивная психология является доминирующим подходом в зарубежной психологии, имеет статус общепсихологического. И работы, посвященные когнитивной психологии, войдут в обсуждение теоретических аспектов объяснения.

В нашем теоретическом обзоре представлено комплексное рассмотрение проблемы объяснения в зарубежной психологической литературе: начав с работ по фундаментальной и методологической тематике, мы перейдем к конкретным областям (бихевиоризму, эволюционной психологии и социальной психологии). Это важно, поскольку общенаучные подходы и методы всегда локально преломляются и модифицируются в конкретной сфере в зависимости от предмета исследования и доминирующей в конкретный момент методологии.

Теоретические основы концептуализации и применения объяснения как научного метода

М. Коломбо определяет объяснение как самостоятельный метод (Colombo, 2017). Он считает, что объяснение как научная операция имеет независимое положение и отличается от когнитивной салиентности (cognitive salience — понимания значимости какой-либо вещи), рационального признания приемлемости (rational acceptability) и умозаключения (entailment). Объяснение выполняет важные познавательные функции: создает основу для надежных обобщений, способствует обучению и решению задач, играет важную роль в операциях подтверждения и вывода.

Дж. Мур, ссылаясь на М.Б. Тернера (Turner, 1967), считает, что в научном объяснении необходимо выделять две формы: 1) инстанцирование (instantiation) — событие или явление объяснено, когда его особенности можно описать с помощью какой-либо формулы, закона или суждения; 2) дедукция из покрывающего закона (deduction from covering law) или дедуктивно-номологическое объяснение — событие или явление объяснено, когда его описание является выводом из какого-либо закона и определением набора начальных или ограничительных условий; все вместе это представляет собой умозаключение (Moore, 2000). В психологии примером инстанцирования является объяснение психофизического закона Стивенса — взаимоотношение силы ощущения и раздражителя описывается формулой. Дедуктивно-номологической объяснительной моделью в психологии пользуются в большинстве случаев.

Д. Папино представляет несколько моделей объяснения действий человека в связи с наличием различных убеждений (правдивых или ошибочных). По его мнению, в психологии существует проблема привязки объяснения к двум основаниям: к правдивости и целесообразности (телеологии). Прежде всего, он отмечает следующее положение: «Правдивость или ложность убеждения не соответствует его объяснительной роли» (Papineau, 1990, p. 22). Это означает, что убеждение может объяснять действие вне зависимости от того, является ли оно правдивым или ложным; действие человека будет в любом случае объяснено. Д. Папино формулирует две схемы объяснения:

1. Основанную на средствах

- а) *X* хочет *t*,
- б) *X* убежден, что *s* приведет к *t*,
- в) *X* делает *s*.

2. Основанную на результате

- а) *X* хочет *t*,
- б) *X* убежден, что конкретное действие приведет к *t*,
- в) Это убеждение правдиво,
- г) *X* достигает *t*.

Преимущества схемы, основанной на средствах, заключается в том, что здесь не вводятся дополнительных переменных: с помощью этого средства субъект либо достигнет результата, либо нет. Однако недостатком этой схемы является ограниченность анализа поведения человека и его психических образов и личностных свойств.

Преимуществом объяснительной схемы, основанной на результате, является включение в анализ самих убеждений и целей. Однако присутствует сложность с анализом правдивости убеждений: необходимо вводить дополнительные положения, например, о том, что такое правдивое убеждение — «гарантия того, что действие, основанное на этом убеждении, приведет к достижению результата» (Ibid., p. 27) или «убеждение правдиво, если и только если произойдет *p*» (Ibid., p. 30), как связано правдивое убеждение с достижением результата и удовлетворенностью от него (удовлетворением желания или потребности — «действия, основанные на правдивых убеждениях, удовлетворяют желания/цели, на которые они были направлены» (Ibid., p. 35) или «состояние удовлетворения желания это такое состояние, которое гарантированно случится после действий, соответствующих желанию, если убеждения в основе действий являются правдивыми» (Ibid.) и др.

Д.А. Вейскопф выделяет четыре вида объяснительных моделей: феноменологические, бескомпонентные (noncomponential), механистические и функциональные (Weiskopf, 2011). По его мнению, феноменологические модели не подходят для надежного и прогнозирующего объяснения, только для описания; остальные три модели удовлетворяют критериям научности. Бескомпонентный анализ представляет собой более наукообразное описание психических образов, механистический анализ редуцирует психические явления до механизмов и физиологических процессов, функциональный анализ оперирует когнитивными функциями и процессами как несводимыми к

физиологическим единицам. Также Д.А. Вейскопф описывает техники, с помощью которых работают данные модели: 1) реификация (reification) — овеществление абстрактного понятия (пример: овеществление символических образов через вычислительные системы); 2) функциональный абстракционизм — разложение сложной системы на подсистемы, уровни, слои и др.; 3) функционализация — включение компонентов в систему, которые не соответствуют элементам этой системы, но позволяют системе эффективно функционировать.

М. Марраффа и А. Патерностер считают недостаточными разрозненно существующие объяснительные модели в когнитивных науках: редукционизм, механистический анализ, объяснительный плюрализм, теория динамических систем, информационную теорию и др. (Marruffa, Paternoster, 2013). Они признают, что психические (когнитивные) явления требуют множества и разнообразия объяснительных уровней, которые взаимодействуют между собой через процессы декомпозиции и контекстуализации. Современные достижения в области психологии и когнитивных наук требуют объединения различных теорий и использования плюрализма. По мнению авторов, существующие плюралистические идеи не удовлетворяют всем особенностям психических явлений. М. Марраффа и А. Патерностер предлагают синтез двух подходов — информационного (computationalism) и динамического (dynamicism). Информационный подход полагает, что психика — это вычислительная система, в которой функционирует информация, что выражается в нейронной активности. Динамический подход описывает психику и психические процессы как сложные, нелинейные, самоорганизующиеся, эмерджентные (самовозникающие) системы. Согласно информационно-динамическому подходу, на низших уровнях явления объясняются информационными и механистическими моделями, но на высших они уступают место динамическим: чем сложнее процесс, тем менее он укладывается в механистические, узкие рамки, тем больше он требует к себе нелинейного подхода (Kaplan, Bechtel, 2011). С одной стороны, каждая система имеет части, их изучение осуществляется с использованием информационного подхода, с другой — взаимодействие между частями и системами происходит уже по динамическим закономерностям. Такой подход является интегральным.

Б.Д. Хейг обращается к методу «выведения (наи)лучшего объяснения» (inference to the best explanation, иногда в зарубежной литературе его называют абдукцией, выдвижением гипотез или объяснительной индукцией) как к одному из признанных методов в психологическом объяснении (Haig, 2009). Метод ВНО (выведение (наи)лучшего объяснения) основывается на качественном анализе и рассуждении о научных данных и явлениях. ВНО функционирует как метод, который определяет, насколько та или иная теория хорошо объясняет данные, результаты исследований, феномены и др. (Lipton, 2003). Б.Д. Хейг выделяет три подхода в рамках ВНО: схематическое доказательство (schematic argument), объяснительная привлекательность (loveliest explanation) и теория объяснительной согласованности (theory of explanatory coherence).

Схематическое доказательство представляет собой следующую последовательность рассуждений:

P1, P2... — новые эмпирические феномены и данные,

Теория *T* объясняется *P1, P2...*,

Ни одна другая теория не может объяснить *P1, P2...* так же хорошо, как это делает *T*.

Следовательно, *T* принимается как наилучшее объяснение.

Подход объяснительной привлекательности заключается не столько в вероятности объяснения научных результатов с помощью конкретной теории или гипотезы, сколько в наличии ее объяснительных «достоинств». К последним относятся объединяющая сила, ясность и проработка объяснительных механизмов. Из равных по предсказательной способности теорий выбирается именно та, которая обладает наиболее развитыми перечисленными достоинствами.

Теория объяснительной согласованности сосредоточивается на содержании теорий и гипотез, с помощью которых объясняются результаты. Объяснительная согласованность раскрывается через семь принципов: симметрии, объяснения, аналогии, приоритета эмпирических данных, противоречия, конкурентности, принятия. Чтобы определить степень объяснительной согласованности конкретной теории, необходимо ее рассмотреть на соответствие трем критериям: объяснительной мощности, простоты и аналогии (подобия уже принятым теориям).

Недостатками метода ВНО Б.Д. Хейг считает следующие: 1) выбор теории из уже имеющихся, что не гарантирует высокой степени ее доказательности и истинности; 2) субъективность выбора теории.

М. Колтхарт и М. Дэвис также приходят к выводу о том, что в психологии и когнитивных наук зачастую имплицитно используется метод ВНО (Coltheart, Davies, 2003). Они полемизируют с Дж. Данном и К. Кирснером (Dunn, Kirsner, 2003) относительно того, какие выводы можно делать на основе данных нейropsихологических и когнитивных исследований. Критикуется следующая логическая последовательность (*D* — данные, *T* — теория):

D подталкивают к выводу, что *T* верна,

D поддерживают вывод, что *T* верна,

D означают, что *T* верна,

Если мы наблюдаем *D*, то *T* должна быть верна.

М. Колтхарт и М. Дэвис полагают, что данные не могут быть свидетельством в пользу теорий, тем более призывать, подталкивать или поддерживать их. Данные не могут гарантировать правдивость той или иной теории. Это логическая ошибка. Вывод из данных — это не дедукция и не индукция, а абдукция, т.е. «выведение (наи)лучшего объяснения». Суждение о правдивости теории делается исследователем, а не выводится из данных.

Т. Тео ставит проблему отсутствия признания необходимости опоры на плюрализм в психологическом дискурсе (Тео, 2010). Опираясь на В. Дильтея, он считает, что психология находится на совсем другом онтологическом уровне по сравнению с классической физикой и эволюционной биологией, которые

используют исторически первые сложившиеся объяснительные модели — дедуктивно-номологическую и природно-историческую. Онтологически психические процессы и явления должны изучаться гуманистическими науками (которые представляют собой совсем иную методологию в отличие от естественных наук) с помощью герменевтического метода и с учетом культурно-исторического контекста. Особенности психической жизни обуславливают необходимость применения герменевтики для ее постижения. Отсюда вытекает и плюралистическая методология познания психического: мы не знаем наверняка, как именно устроена психика, это приводит к конструированию моделей и понимающей ориентации, что, в свою очередь, создает множество интерпретаций; более того, дополнительными условиями становятся культурно-исторические особенности и познающего, и познаваемого. Плюрализм должен быть признан априорным принципом в психологии.

Однако М. Коломбо считает плюрализм объяснительных моделей проблемой (Colombo, 2017). По самой своей природе объяснение не может выступать как метод, который приводит к однозначному суждению о предмете или идее. В зависимости от различных факторов для объяснения одного и того же явления могут подойти совсем разные посылки и основания. Таким образом, стоит признать плюрализм объяснения, в том числе и в психологии, однако ожидать от этого каких-либо преимуществ нельзя, необходимо учитывать и делать «поправку на плюрализм».

По нашему мнению, в рассмотренных работах можно выделить две основные проблемы: поиск наиболее подходящей объяснительной модели для психологии и обозначение ошибок в объяснении психологических явлений.

Выбор доминирующей объяснительной модели для психологии является нерешенным вопросом до сих пор. Это связано с тем, что психология находится на стыке гуманитарных и естественных наук. Поэтому, как показывают некоторые авторы, в психологии часто прибегают к механистическому объяснению, редукционизму, к опоре на эмпирические данные, стремлению выразить психические функции с помощью формул, схем, алгоритмов и т.п. На другой стороне располагаются идеи герменевтики, описательного подхода, т.е. полный уход от формального, строгого, детерминистского. Есть и взгляды, соответствующие постмодернизму, — стремлению к плюрализму, для которого главной задачей является *объяснение* (любой ценой, в любом виде). Но наиболее перспективной из предложенных зарубежными авторами является когнитивная объяснительная модель, которая включает информационное объяснение психики через функционирование динамических систем (Marruffa, Paternoster, 2013).

Однако объяснение, хотя и стремится к точности через учет различных принципов, тем не менее содержит множество ошибок, искажений и даже заблуждений. Многие зарубежные авторы отмечают, что необходимо определить роль эмпирических данных в психологических исследованиях (проблема факта), выявить соотношение объективного и субъективного в психических проявлениях человека, а также учитывать субъективные установки и убеждения самих исследователей. Нам известны принципы постнеклассической науки, однако выйти из круга взаимосвязи фактов и интерпретации до сих пор

получается. В любом случае, даже если исследователь принимает какую-либо теорию или модель на основе строгих фактов или расчетов, то на выбор фактов, формул, в конце концов, методологических основ влияет субъективизм выбирающего их ученого. Вероятно, необходимо продолжать обнаруживать ошибки и искажения в психологическом объяснении, так как их наличие в дискурсе не всегда понятно самому субъекту.

Соотношение механистического и функционального объяснения в психологии, когнитивных и нейронауках

Х.Л. де Йонг рассматривает различные объяснительные подходы в психогенетике (поведенческой генетике) и биопсихологии, которые показывают характер взаимоотношений между психологией и нейронауками (психофизиологией) (de Jong, 2002). Он выделяет следующие подходы: 1) классическая редукция — сведение к более простому, объяснение с помощью общих законов или более фундаментальных теорий; 2) функционализм/автономия — разделение феноменов психических и физиологических (хотя психические базируются на физиологических), они обладают специфическими особенностями, изучаются в соответствующих исследовательских областях, и под них разработан особый терминологический словарь; 3) элиминативизм (редукционизм новой волны — *new wave reductionism*) — замена психологической терминологии нейронаучной; 4) объяснительный плюрализм — признание подобия и соответствия психических и физиологических процессов, объединение исследовательских теорий и терминологии для объяснения психических и физиологических явлений (например, теория эвристической идентичности — *heuristic identity theory*), их переплетение, анализ проблематики одной науки с помощью теорий другой, и наоборот, коэволюция и развитие обеих исследовательских областей при помощи друг друга. По оценке Х.Л. де Йонга, ни один из подходов не достигает необходимой стратегии объяснения психического и физиологического (нейронаучного). На этом пути перед объяснительными подходами стоит множество проблем, в том числе проблема множественной реализуемости (*multiple realizability*), суперверности (*supervenience*), взаимоотношения теорий между собой и др.

Г. Пиччинини и К. Крейвер также поднимают проблему различий разных видов объяснения в психологии и нейронауках, в частности — механистического и функционального (Piccinini, Craver, 2011). Они считают, что функциональный подход не является самостоятельным, его можно свести к механистическому. Авторы называют функциональное объяснение «наброском механистического объяснения» (*a sketch of mechanistic explanation* — *Ibid.*, p. 308). Свести функциональное к механистическому можно следующим образом: если функциональное объяснение обращается к внутренним состояниям, то существуют состояния внутренних компонентов, идентификацией и анализом которых уже занимается механистическое объяснение. Даже если функциональное объяснение производить через оперирование черными ящиками (в качестве «ящика» представляется какой-либо психический процесс,

функция, способность или свойство, важен сам факт их осуществления, а не механизмы, по которым они действуют: черный ящик — неизвестно, что внутри, но функционирует; иногда этот подход называется «боксологией» — *boxology*), то каждый ящик — это структурный компонент системы; система функционирует, потому что действуют такие-то сила и свойство. Это объяснение также является разновидностью механистического. Таким образом, если заполнить структурные компоненты функциональной системы механистическим содержанием, то получится уже механистическая система. Но, по мнению Г. Пиччинини и К. Крейвера, важно не низвести функциональный подход, а наметить пути взаимодействия функционального и механистического объяснения. Авторы полагают, что нужно говорить об интегративном объяснении — соединении функционального и механистического. Тогда изучение психического будет процессом сближения функциональных идей (психология) и механистических (нейронауки).

У. Бехтель обращается к преимуществам механистического подхода в психологическом объяснении (Bechtel, 2009). Он полагает, что в XX в. этот подход слабо развивался, так как он исторически ассоциируется с редуционистским (редукция душевных/психических явлений и функций к физиологическим процессам). Однако, по мнению У. Бехтеля, существует важное отличие механистического объяснения от редукции: редуционистское объяснение основывается только на органах (структурах мозга) и их операциях, а механистический подход учитывает организацию и структуру органов и отделов мозга, а также средовые условия, в которых происходил какой-либо психический (психофизиологический) механизм. Таким образом, механистическое объяснение в психологии заключается в трех направлениях: объяснение психического процесса с помощью функционирования конкретных органов, структур мозга (знания о том, какие механизмы происходят в каждой мозговой структуре, каким закономерностям они подчиняются), объяснение с помощью закономерностей функционирования системы мозга (взаимосвязи различных структур между собой, их влияние друг на друга), учет средовых условий (физические стимулы, обстановка и др.). У. Бехтель называет такое механистическое объяснение интегративным многоуровневым подходом.

Противоположную точку зрения занимает Л.А. Шапиро (Shapiro, 2016). Несмотря на то что зачастую функциональный подход сводится к механистическому, автор утверждает, что мы должны признать функциональное объяснение самостоятельным. Механистическое объяснение психических явлений и процессов базируется на обосновании их причинно-следственной обусловленности органами, мозговыми структурами, в конце концов, базовыми психическими механизмами. Функциональный объяснительный подход частично базируется на механистическом (ведь функции, которыми описывается то или иное явление, реализуются на основе конкретных элементов, органов и т.п.), но по большей части сосредоточивает свое внимание на процессуальном аспекте, не сводя функции к конкретным механизмам и элементам. Л.А. Шапиро видит перспективу признания автономности функционализма в отношении изучения и объяснения когнитивных процессов.

Эту же идею разделяет и Д. Бэрретт (Barrett, 2014). Он критикует отождествление функционального и механистического объяснений. Автор рассматривает модель рабочей памяти А. Бэддели и Г. Хитча как пример, когда объяснение психических процессов обходилось без описания нейрофизиологических механизмов и достигало уровня полноценной научной теории. Согласно ученым, рабочая память состоит из зрительно-пространственный наброска, фонологической петли, центрального управляющего элемента, эпизодического буфера и других компонентов. Для понимания функционирования психического процесса не требуется раскрытие физиологических механизмов, так как они не проливают свет на психическое субъективное содержание, а лишь приводят к редукции.

К проблемам механистического и функционального объяснения в психологии обращались и другие авторы (Beaty et al., 2014; Gervais, de Jong, 2013; Illari, 2013; Matyja, 2015; Stinson, 2016).

Соотношение механистического и функционального объяснения действительно является важной проблемой, так как в психологии специалисты рассматривают психический процесс чаще всего именно с естественно-научной точки зрения (психофизиология и нейронауки) и субъективной, собственно психологической (обращение к внутреннему миру человека). Попытки объединить данные подходы в зарубежной психологии (интегративный многоуровневый подход (Bechtel, 2009)), хотя и представляются перспективными, тем не менее не учитывают более фундаментальную проблему психологии — определение ее предмета. Мы должны признать, что до сих пор отсутствует единый взгляд на предмет психологии, а значит, не определено, что является первичным — мозг или психика (внутренний субъективный мир). В зарубежной психологии был предложен вариант решения этого вопроса — разработка когнитивной психологии, в которой психический процесс рассматривается как информационный; он зависит от функционирования мозговых процессов (как субстрата для хранения и циркуляции информации). В таком случае синтез механистического и функционального объяснения является наиболее подходящим для когнитивной психологии, так как аксиоматически признается наличие этих двух аспектов психического. Тем не менее отсутствие обсуждения предмета психологии в подобных работах вызывает настороженность, ведь когнитивная психология разрабатывалась достаточно давно, а сейчас возникают новые факты и обстоятельства пересмотра традиционных точек зрения на психику.

Проблема объяснения в отдельных областях психологии

Бихевиоризм

Выше мы касались того, как сторонник бихевиоризма Дж. Мур определяет ведущие объяснительные модели в психологии — инстанцирование и дедуктивно-номологическое объяснение (Moore, 2000). Однако, по его мнению, эти подходы можно использовать только в необихевиоризме и когнитивной психологии,

но никак не в классическом бихевиоризме и поведенческом анализе (behavior analysis). Дж. Мур поднимает две проблемы: что такое вообще объяснение и как объясняют явления бихевиористы. Поведенческие аналитики рассматривают объяснение не как научную практику, но как часть поведения человека, конкретно — вербальное поведение. «Объяснительное поведение» является сложным оперантным поведением, т.е. анализ «объяснительного поведения» состоит из выявления стимулов, которые побуждают такое поведение, и подкреплений, которые поддерживали его. С точки зрения бихевиоризма, объяснить — значит осуществлять поведение по схеме «стимул — реакция» со всеми подкрепляющими факторами. Стимулом для объяснительного поведения могут быть воспринятые данные, неразрешенный вопрос, человек, который побуждает к объяснению, и др. Подкреплением той или иной объяснительной стратегии (выбора того или иного аргумента) могут стать манипулирование событием или предметом на основе объяснения, предсказание или интерпретация, разрешение вопроса, упорядочение данных и др. Это процесс осуществления объяснения как поведения. Но в самом бихевиоризме к этому анализу добавляются элементы полноценного оперантного анализа — выявление контекста, средовых факторов, а также — одно из ключевых положений — следование прагматизму: полученное объяснение поведения должно быть полезным с прикладной точки зрения.

Другие представители бихевиоризма У. Баум и Дж. Хит противопоставляют бихевиористическое объяснение интенциональному психологическому (Baum, Heath, 1992). Согласно интенциональному объяснению, поведение человека — результат какого-либо психического процесса (например, человек «захотел» что-то сделать). Но такое объяснение, с точки зрения авторов и Б. Скиннера, является «менталистским», психологизированным. Слабое место данного объяснения заключается в том, что оно вымышленное, придуманное (fictional), мы лишь предполагаем, что что-то могло вызвать определенное поведение, наверняка мы не можем знать. Поэтому такой подход — бесплодный и не может быть практичным/прагматичным (к чему стремятся бихевиористы). В противовес интенциональному подходу бихевиористы используют физическое объяснение с элементами исторического. Поведенческие аналитики, во-первых, ищут физические причины какого-либо поведения в окружающей среде, а во-вторых, индивидуально-исторически прослеживают, как конкретное действие могло сформироваться. Человек решил какую-то задачу не потому, что захотел, пришел к ней интеллектуально и т.п., но на него повлияли средовые факторы, он в прошлом уже сталкивался с такой задачей или наблюдал, как ее решают другие. Поэтому бихевиоризм в некотором смысле — это «история поведения» (history of behavior). У. Баум и Дж. Хит видят здесь сближение бихевиоризма с эволюционной биологией и психологией.

Хотя классический бихевиоризм является достаточно устаревшим подходом, обсуждение его объяснительных моделей является важным. Во-первых, мы можем проследить развитие объяснения в психологии (в частности, в зарубежной психологии) и понять, по каким причинам бихевиористическое

объяснение на определенном этапе было доминирующим и до сих остается в американской психологии и почему произошел отказ от него, например, в пользу гуманистического. Во-вторых, бихевиористическое объяснение наиболее соответствует повседневности, а значит, каждый исследователь вне «лабораторных условий», вне эксперимента и исследований пользуется им. Важно понять, как бихевиористическое обыденное объяснение может пересекаться с научным исследовательским и влиять на него. Наконец, рассмотрение объяснительных практик в качестве самостоятельного поведения также открывает нам новые направления исследований: возможно, существование и актуализация определенных условий запускают конкретные объяснительные поведенческие проявления, обстоятельства обуславливают научно-исследовательское поведение, объяснение.

Эволюционная психология

Д. Червоне обращается к эволюционной психологии и полагает, что ее можно использовать для успешного объяснения в психологии личности (Servone, 2000). Базовые посыпки эволюционной психологии следующие: 1) эволюционная теория; организм стремится к приспособлению к окружающей среде; 2) психика — продукт эволюции, состоит из психических органов (модулей); 3) психические органы являются контекстно-специфичными (обрабатывают сигналы только ограниченного ряда стимулов, вырабатывают решения только на конкретные ситуации); 4) каждый отдельный психический модуль занимается только специфической задачей, а не является многозадачным (как это трактуется, например, сторонниками теории черт); 5) поведение рассматривается как взаимоотношение психических механизмов и средовых сигналов; 6) поведение является приспособлением к окружающей среде, поиску ресурсов, т.е. современным выражением поведения на предыдущих стадиях эволюции. Однако существуют и проблемы: пока неизвестно, как формируются психические модули, к каким конкретным ситуациям и стимулам они привязаны, как они выбираются среди аналогичных, является ли мультимодульным сложное поведение человека и др. Автор считает, что некоторые из этих положений реализуются (или заимствованы) в других подходах психологии личности: в когнитивной психологии — модульная организация психики; в социальном бихевиоризме — контекстно-специфическое поведение и др.

Д.М. Басс выделяет несколько эволюционно-психологических концептов, с помощью которых можно интерпретировать личностные свойства и индивидуальный путь личности (Buss, 2009): 1) согласно теории жизненной истории (life-history theory), человеческая жизнь, ее стратегии и сценарии строятся на основе решений относительно того, в какое русло будет направлять свою биологическую энергию человек, каким образом он будет адаптироваться и приспособливаться к биологическим условиям, реализуя человеческий, социальный, интеллектуальный и другие потенциалы; 2) теория высокозатратных сигналов (costly signaling theory) — рассмотрение человека как социальное

животное, которое отправляет сигналы-запросы на получение чего-либо важного для себя, но которое предлагает взамен тоже что-то ценное (например, часто среди иллюстраций такого поведения приводят просоциальное, альтруизм и т.п.); 3) балансный отбор (balancing selection) реализуется через два механизма: средовая гетерогенность (environmental heterogeneity) (требует от определенной личности конкретного набора свойств или качеств) и частотно-зависимый отбор (frequency-dependent selection): наиболее приспособляемой и успешной будет та личность, которая обладает несколькими стратегиями поведения и др. Эволюционно-психологическое объяснение используется даже в прикладных сферах, например, в маркетинге и микроэкономике (Prendergast, Ching, 2013).

Р.Д. Грей, М. Хини и С. Фэйрхол критикуют эволюционно-психологическое объяснение за преувеличение адаптационного принципа, отсутствие анализа лежащих в основе адаптационного поведения когнитивных и нейромеханизмов, модулярную структуру психики и концепцию мономорфической психики (monomorphic mind) (Gray et al., 2003).

Эволюционная методология и объяснительная модель вводят в психологию измерение среды и социума, таким образом, объяснение психических явлений усложняется, так как они встраиваются в более разнообразную и многофакторную систему. С одной стороны, благодаря этому мы приближаемся к пониманию человеческого поведения и психических процессов, с другой — наоборот, теряем шансы объяснить что-либо из-за того, что все учесть не получится. Поэтому эволюционно-психологическая точка зрения имеет множество безусловных принципов и положений. В частности, концепт «жизненной истории» (Buss, 2009) соединяет биологическое, психическое и социальное и объясняет человеческую жизнь через разнонаправленные действия и решения, однако все это является теоретическим конструктом. Как нам представляется, эволюционно-психологическое объяснение может быть перспективным, если сделать попытку осмысления фундаментальной методологии психологии: например, ответить на вопросы, насколько организменными являются психические проявления, насколько они подчиняются эволюционным законам и т.п.

Социальная психология

А. Месуди намечает связь между эволюционной психологией и социальной психологией, полагая, что можно либо организовать новую научно-исследовательскую область, либо укреплять междисциплинарные связи между данными науками (Mesoudi, 2009). По его мнению, эволюционно-психологическая модель объяснения как минимум может быть полезна для социально-психологической интерпретации, а как максимум — может преобразовать уже сложившиеся классические социально-психологические теории. Так, на примере пяти феноменов он показывает, как перекликаются объяснительные модели этих двух наук:

- 1) социальное научение:

- а) социальная психология — приобретение социального и культурного опыта;
- б) эволюционная психология — с помощью наблюдения за поведением других человек меньше затрачивает своих ресурсов и энергии;
- 2) конформность:
 - а) подчинение большинству, социальноодобряемое поведение;
 - б) приобретение качества или мнения, которое наиболее популярно или распространено в популяции;
- 3) установка на следование успешному социальному примеру (социальное подражание) (model-based bias/prestige-success bias):
 - а) следование социальному примеру, так как он наиболее успешен и предпочтителен;
 - б) следование наиболее адаптивному примеру;
- 4) апперцепция (content bias):
 - а) запоминание и понимание только знакомого;
 - б) генетическая предрасположенность к усвоению какой-либо информации;
- 5) межгрупповые процессы:
 - а) социальная идентичность («мы» и «они»);
 - б) эволюционно более сплоченные группы сильнее несплоченных, тенденция к поддержке своей группы, так как она обеспечивает тебя ресурсами и способствует адаптации.

А. Месуди считает, что социальная психология и эволюционная психология должны сотрудничать и обмениваться теоретическими концептами для более успешной интерпретации и понимания научных проблем.

О. Клен определяет глубинные основы и факторы научного объяснения в социальной психологии (Klein, 2009). По его мнению, теории в социальной психологии на протяжении XX в. во многом зависели от политических установок. Как мы знаем, в социальной психологии есть два больших вектора — индивидуальный и групповой. В зависимости от политической ситуации в обществе развивались индивидуалистические (либерализм) или групповые/коллективистские (социализм и т.п.) идеи. Более того, этот фактор влиял и на постановку социально-психологических проблем и на их объяснение. В XXI в. мы столкнулись с повсеместным распространением нейронаук: появилась и социальная нейронаука (social neuroscience), которая, во-первых, постулирует, что человек — это социальное существо (а не изолированный индивидуум), а во-вторых, изучает социально-психологические феномены и ищет их нейронные и физиологические корреляты и основания вместо индивидуально-психологических. Это новая политическая идея в науке. Автор призывает заниматься «интроспекцией», рефлексией своих научных убеждений и установок и быть объективными и в постановке научных проблем, и в их решении и объяснении.

Как видно на примере работ по социальной психологии, объяснение здесь зачастую касается частных случаев, конкретных феноменов (научение, конформность, подражание и др.), что отдаленно связано с общими явлениями

этой области. Вероятно, это достаточно характерно в целом для социально-психологического знания. Более того, намечается усложнение ситуации за счет создания нового исследовательского поля — социальной нейронауки. Не претендуя на истину, отметим, что пока мало обнаружено нейронных коррелятов для сложных индивидуальных психических феноменов, а социально-психологические феномены являются еще более сложными и не локализованными в одном субстрате. К тому же, как отмечают некоторые авторы (Ibid.), социальная психология еще и подвержена политическим и — шире — общественным влияниям на теоретическую и исследовательскую проблематику (хотя, скорее всего, такие влияния можно обнаружить и в других психологических дисциплинах). Можно заключить, что, как и в других проанализированных нами направлениях зарубежной психологии, социальной психологии необходимо поставить задачи рефлексии собственной методологии и объяснительных схем.

Заключение

Современная зарубежная психология и смежные научные области (когнитивные науки, нейронауки и биопсихология) акцентируют внимание на проблеме научного объяснения психологических данных. Однако анализ проблемы сосредоточивается не на основаниях объяснения как специфичной методологии или направлении теоретических исследований, чем занимались крупные теоретики и методологи психологии в XX в. (Cummins, 1983; Dodwell, 1960; Fodor, 1968; Hutten, 1956). Зарубежные ученые обращаются к конкретным вопросам психологического объяснения:

— объяснительные модели (основанные на средствах и результате; феноменологические, бескомпонентные, механистические и функциональные; редукционизм, механистический анализ, объяснительный плюрализм, теория динамических систем, информационная теория);

— методы и техники объяснения (инстанцирование, дедуктивно-номологический метод, метод выведения (наи)лучшего объяснения; реификация, функциональный абстракционизм, функционализация, схематическое доказательство, объяснительная привлекательность, теория объяснительной согласованности);

— проблема плюрализма объяснительных моделей в психологии как признание сложности психики и психических явлений;

— соотношение механистического и функционального объяснения в психологии, когнитивных и нейронауках как элемент доминирующей парадигмы в зарубежной науке;

— проблемы объяснения в отдельных областях психологии: бихевиоризм (оперантный анализ объяснительного поведения и история поведения); эволюционная психология (возможность применения эволюционно-психологических объяснений к личности и индивидуальным различиям — теория жизненной истории, теория высокозатратных сигналов, балансный отбор), социальная психология (междисциплинарное взаимодействие социальной

психологии и эволюционной психологии, факторы социально-психологического объяснения — политика, общественный запрос и нейронауки).

Как видно, в основном зарубежные психологические исследования касаются специфичных вопросов теоретических и прикладных проблем, не сосредоточены на теоретико-методологической перестройке всей системы психологии. Мы должны констатировать, что доминирующими парадигмами в зарубежной психологии до сих пор остаются бихевиоризм и когнитивные науки, добавляются к ним нейронауки. Не намечается выхода из ограниченности и многообразия психологических теорий психики и личности, а лишь решаются ситуационные проблемы. Тем не менее такая изолированность объяснительных моделей в бихевиоризме, когнитивных науках и нейронауках не будет обнаруживать проблем в объяснении и понимании психического и личностного, если будет оставаться в рамках своей области.

Но чрезмерное увлечение когнитивными и нейронауками и подмена ими предмета психологии отмечена и некоторым нашими современникам. М.С. Газзанига размышляет о проблемах современной психологии и нейронаук и пытается представить, как инопланетянин, решивший посетить Землю, наблюдал бы за учеными, изучающими мозг и психику (Gazzaniga, 2010). Инопланетянин видит, что представители нейронаук и психофизиологии умеют измерять все психофизиологические показатели с любого органа, в том числе и мозга, могут добираться в своем теоретическом и эмпирическом анализе до самой низшей микрочастицы в мозге, сосчитать все нейроны, составляют различные системы органов и структур, пытаются понять целое через его части. Однако еще философы XIX в. старались показать, что целое познается не в сумме его элементов, а через выделение и анализ качественно нового образования. Улетая, инопланетянин бы сказал: «Земляне погрязли в трясине. Они не видят, что мозг — это устройство для принятия решений, и он должен быть понят именно в этих терминах с этого уровня описания, никак не ниже. Они только частично эволюционировали. Пройдет еще вечность перед тем, как они найдут нас. И возможно, еще вечность им потребуется, чтобы понять себя» (Ibid., p. 292). И мы добавим: такое положение вещей присутствует не только в нейронауках, но и в самой психологии (ее гуманитарной направленности). Множество редукций или, наоборот, усложнений, эклектизм, «изобретение велосипеда» и т.п. наблюдается сегодня в психологии.

Подводя итоги нашего обзора, можно сделать несколько выводов. С момента публикации упоминавшейся в начале статьи работы Ж. Пиаже прошло более полувека. Констатируем, что общей теории объяснения так и не предложено. Как представляется, причина понятна. Можно предположить, что отсутствие такой теории не в последнюю очередь связано с невниманием зарубежных исследователей к общим вопросам методологии и, в первую очередь, к проблеме предмета психологической науки. В зарубежной психологии отсутствует широкая трактовка предмета как совокупного, позволяющего перенести объяснение (в том числе и причинно-следственное) внутрь предмета. Предложенные объяснительные модели при таком узком подходе неизбежно приобретают характер частных. Попытки отразить реальную

сложность объяснения и неудовлетворенность частными моделями ни к чему, кроме эклектического соединения элементов различных объяснительных моделей, привести не может. Как нам представляется, большие перспективы на успех имеют подходы к объяснению, исходящие из общей трактовки предмета психологии и переносящие объяснение внутрь предмета, трактуемого как внутренний мир человека (Мазиллов, 2020).

Литература

- Ананьев, Б. Г. (1996). *Психология и проблемы человекознания*. М./Воронеж: Институт практической психологии/НПО «МОДЭК».
- Залевский, Г. В. (2008). Объяснение и понимание против «циклопной» психологии. *Методология и история психологии*, 3(1), 41–47.
- Конт, О. (1910). *Дух позитивной философии*. СПб.: Вестник Знания.
- Мазиллов, В. А. (1998). *Теория и метод в психологии*. Ярославль: МАПН.
- Мазиллов, В. А. (2008). Научная психология: проблема объяснения. *Методология и история психологии*, 3(1), 58–73.
- Мазиллов, В. А. (2017, а). *Методология психологической науки: история и современность*. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.
- Мазиллов, В. А. (2017, б). Объяснение как функция психологической науки. *Ярославский педагогический вестник*, 2, 175–186.
- Мазиллов, В. А. (2018, а). Научный факт в психологии: структурно-уровневый подход. *Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки*, 1, 133–142.
- Мазиллов, В. А. (2018, б). Разработка концепции объяснения в психологии. *Ярославский педагогический вестник*, 4, 188–197.
- Мазиллов, В. А. (2020). Предмет психологической науки и проблема объяснения в психологии. Статья первая: трудности объяснения. *Высшее образование сегодня*, 6, 69–76.
- Объяснение в философии науки. (2008). *Методология и история психологии*, 3(1), 7–8.
- Пиаже, Ж. (1966). Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм. В кн. П. Фресс, Ж. Пиаже (ред.), *Экспериментальная психология* (вып. 1–2, с. 157–194). М.: Прогресс.
- Роговин, М. С. (1969). *Введение в психологию*. М.: Высшая школа.
- Роговин, М. С. (1979). *Психологическое исследование*. Ярославль: ЯрГУ.
- Швырев, В. С. (2010). Интерпретация. В кн. *Новая философская энциклопедия* (т. 2, с. 134–135). М.: Мысль.
- Юревич, А. В. (2006). Объяснение в психологии. *Психологический журнал*, 1, 97–106.
- Юревич, А. В. (2008). Объяснение в психологии. *Методология и история психологии*, 3(1), 74–87.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Мазиллов Владимир Александрович — заведующий кафедрой, кафедра общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук, профессор.

Сфера научных интересов: методология психологии, история психологии, психология способностей, психология образования.

Контакты: v.mazilov@yspu.org

Костригин Артем Андреевич — старший преподаватель, кафедра психологии, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство).
Сфера научных интересов: история психологии, наукометрические и цифровые исследования психологии, социальная психология.
Контакты: artdzen@gmail.com

The Problem of Scientific Explanation in Modern Foreign Psychology

V.A. Mazilov^a, A.A. Kostrigin^b

^a Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 108/1 Respublikanskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

^b Kosygin Russian State University, 33 Sadovnicheskaya str., Moscow, 117997, Russian Federation

Abstract

The article discusses the methodological problems of psychology, in particular, the problem of scientific explanation. Insufficient coverage of this problem in the Russian scientific literature is noted. The authors turn to the results of foreign studies, devoted to the problem of scientific explanation. The following areas of research in this field are determined: conceptualization and definition of this concept, its place in the system of methodology of science and psychology, description of application cases; various models, approaches, schemes of explanation (based on means and result; phenomenological, componentless, mechanistic and functional; reductionism, mechanistic analysis, explanatory pluralism, theory of dynamical systems, information theory) of psychological phenomena, facts, research results; methods and techniques of explanation (instantiation, deductive-nomological method, inference to the best explanation, reification, functional abstractionism, functionalization, schematic proof, explanatory appeal, theory of explanatory consistency); correlation and comparison of the two leading types of explanations in psychology — mechanistic and functional, determining their specificity, as well as the areas in which they are most applicable and effective; analysis of the problem of explanation in various fields of psychology (behaviorism, evolutionary psychology, social psychology); discussion of the problem of pluralism of explanatory models in psychology as an acknowledgment of the complexity of the mind and mental phenomena. The authors note that foreign psychological research deals with specific issues of theoretical and applied problems, but does not engage in theoretical and methodological restructuring of the entire system of psychology. The importance of discussing scientific explanation is grounded in relation to its potential for solving urgent methodological problems of psychology.

Keywords: methodology of psychology, psychological explanation, scientific explanation, foreign psychology, explanation models, mechanistic explanation, functional explanation, scientific method.

References

- Ananiev, B. G. (1996). *Psikhologiya i problemy chelovekoznaniya* [Psychology and problems of human knowledge]. Moscow/Voronezh: Institute of Practical Psychology/NPO "MODEK". (in Russian)
- Barrett, D. (2014). Functional analysis and mechanistic explanation. *Synthese*, *191*(12), 2695–2714. doi:10.1007/s11229-014-0410-9
- Baum, W. M., & Heath, J. L. (1992). Behavioral explanations and intentional explanations in psychology. *American Psychologist*, *47*(11), 1312–1317. doi:10.1037/0003-066X.47.11.1312
- Beaty, R. E., Benedek, M., Wilkins, R. W., Jauk, E., Fink, A., Silvia, P. J., ... Neubauer, A. C. (2014). Creativity and the default network: A functional connectivity analysis of the creative brain at rest. *Neuropsychologia*, *64*, 92–98. doi:10.1016/j.neuropsychologia.2014.09.019
- Bechtel, W. (2009). Looking down, around, and up: Mechanistic explanation in psychology. *Philosophical Psychology*, *22*(5), 543–564. doi:10.1080/09515080903238948
- Brown, R. (1963). *Explanation in social science*. Chicago, IL: Aldine.
- Buss, D. M. (2009). How can evolutionary psychology successfully explain personality and individual differences? *Perspectives on Psychological Science*, *4*(4), 359–366. doi:10.1111/j.1745-6924.2009.01138.x
- Cervone, D. (2000). Evolutionary psychology and explanation in personality psychology: How do we know which module to invoke? *American Behavioral Scientist*, *43*(6), 1001–1014. doi:10.1177/00027640021955720
- Colombo, M. (2017). Experimental philosophy of explanation rising: The case for a plurality of concepts of explanation. *Cognitive Science*, *41*(2), 503–517. doi:10.1111/cogs.12340
- Coltheart, M., & Davies, M. (2003). Inference and explanation in cognitive neuropsychology. *Cortex*, *39*(1), 188–191. doi:10.1016/S0010-9452(08)70099-6
- Comte, A. (1910). *Dukh pozitivnoi filosofii* [The spirit of positive philosophy]. Saint Petersburg: Vestnik Znaniya. (in Russian)
- Cummins, R. (1983). *The nature of psychological explanation*. Cambridge, MA: A Bradford Book/ The MIT Press.
- De Jong, H. L. (2002). Levels of explanation in biological psychology. *Philosophical Psychology*, *15*(4), 441–462. doi:10.1080/0951508021000042003
- Dodwell, P. C. (1960). Causes of behaviour and explanation in psychology. *Mind. New Series*, *69*(273), 1–13.
- Dunn, J. C., & Kirsner, K. (2003). What can we infer from double dissociations? *Cortex*, *39*(1), 1–7. doi:10.1016/S0010-9452(08)70070-4
- Fodor, J. A. (1968). *Psychological explanation. An introduction to the philosophy of psychology*. New York: Random House Inc.
- Gazzaniga, M. S. (2010). Neuroscience and the correct level of explanation for understanding mind: An extraterrestrial roams through some neuroscience laboratories and concludes earthlings are not grasping how best to understand the mind–brain interface. *Trends in Cognitive Sciences*, *14*(7), 291–292. doi:10.1016/j.tics.2010.04.005
- Gervais, R., & de Jong, H. L. (2013). The status of functional explanation in psychology: Reduction and mechanistic explanation. *Theory and Psychology*, *23*(2), 145–163. doi:10.1177/0959354312453093
- Glennan, S. (2002). Rethinking mechanistic explanation. *Philosophy of Science*, *69*(3), S342–S353. doi:10.1086/341857

- Gray, R. D., Heaney, M., & Fairhall, S. (2003). Evolutionary psychology and the challenge of adaptive explanation. In K. Sterelny & J. Fitness (Eds.), *From mating to mentality: Evaluating evolutionary psychology* (pp. 247–268). London/New York: Psychology Press.
- Haig, B. D. (2009). Inference to the best explanation: A neglected approach to theory appraisal in psychology. *The American Journal of Psychology*, *12*(2), 219–234.
- Hutten, E. H. (1956). On explanation in psychology and in physics. *The British Journal for the Philosophy of Science*, *7*(25), 73–85.
- Illari, P. (2013). Mechanistic explanation: Integrating the ontic and epistemic. *Erkenntnis*, *78*(2), 237–255. doi:10.1007/s10670-013-9511-y
- Kaplan, D. M., & Bechtel W. (2011). Dynamical models: An alternative or complement to mechanistic explanations? *Topics in Cognitive Science*, *3*(2), 438–444. doi:10.1111/j.1756-8765.2011.01147.x
- Klein, O. (2009). From Utopia to Dystopia: Levels of explanation and the politics of social psychology. *Psychologica Belgica*, *49*(2–3), 85–100. doi:10.5334/pb-49-2-3-85
- Lipton, P. (2003). *Inference to the best explanation*. London/New York: Routledge.
- Marraffa, M., & Paternoster A. (2013). Functions, levels, and mechanisms: Explanation in cognitive science and its problems. *Theory and Psychology*, *23*(1), 22–45. doi:10.1177/0959354312451958
- Materialisty Drevnei Gretsii [Materialists of Ancient Greece]. (1955). Moscow: Gospolitizdat. (in Russian)
- Matyja, J. R. (2015). The next step: mirror neurons, music, and mechanistic explanation. *Frontiers in Psychology*, *6*, 409. doi:10.3389/fpsyg.2015.00409
- Mazilov, V. A. (1998). *Teoriya i metod v psikhologii* [Theory and method in psychology]. Yaroslavl: MAPN. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2008). Scientific psychology: the problem of explanation. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii* [Methodology and History of Psychology], *3*(1), 58–73. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2017, a). *Metodologiya psikhologicheskoi nauki: istoriya I soveremennost'* [Methodology of psychological science: history and modernity]. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2017, b). Explanation as a function of psychological science. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, *2*, 175–186. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2018, a). The scientific fact in psychology: a structural-and-level approach. *Vestnik Rossiiskogo Fonda Fundamental'nykh Issledovaniy. Gumanitarnye i Obshchestvennye Nauki*, *1*, 133–142. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2018, b). Development of the concept of explanation in psychology. *Yaroslavskii Pedagogicheskii Vestnik*, *4*, 188–197. (in Russian)
- Mazilov, V. A. (2020). Predmet psikhologicheskoi nauki i problema ob"yasneniya v psikhologii. Stat'ya pervaya: trudnosti ob"yasneniya [The subject of psychological science and the problem of explanation in psychology. First paper: difficulties of explanation]. *Vyssee Obrazovanie Segodnya*, *6*, 69–76. (in Russian)
- Mesoudi, A. (2009). How cultural evolutionary theory can inform social psychology and vice versa. *Psychological Review*, *116*(4), 929–952. doi:10.1037/a0017062
- Moore, J. (2000). Varieties of scientific explanation. *The Behavior Analyst*, *23*(2), 173–190. doi:10.1007/BF03392009
- Newton-Smith, W. H. (2000). Explanation. In W. H. Newton-Smith (Ed.), *A companion to the philosophy of science* (pp. 127–133). Malden, MA: Blackwell Publishers. doi:10.1002/9781405164481.ch19

- Ob"yasnenie v filosofii nauki [Explanation in the philosophy of science]. (2008). *Metodologiya i Istoriya Psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 3(1), 7–8. (in Russian)
- Papineau, D. (1990). Explanation in psychology: Truth and teleology. *Royal Institute of Philosophy Supplements*, 27, 21–43. doi:10.1017/S1358246100005026
- Piaget, J. (1963). L'explication en psychologie et le parallélisme psychophysique [Explanation in psychology and psychophysiological parallelism]. In P. Fraise, J. Piaget & M. Reuchlin (Eds.), *Traité de psychologie expérimentale: Vol. 1. Histoire et méthode* [History and method] (pp. 121–152). Paris: Presses universitaires de France. (in French)
- Piaget, J. (1966). Charakter ob"yasneniya v psikhologii i psikhofiziologicheskii parallelism [Explanation in psychology and psychophysiological parallelism]. In P. Fraise & J. Piaget (Eds.), *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental psychology] (Iss. 1–2, pp. 157–194). Moscow: Progress. (in Russian)
- Piccinini, G., & Craver, C. (2011). Integrating psychology and neuroscience: Functional analyses as mechanism sketches. *Synthese*, 183(3), 283–311. doi:10.1007/s11229-011-9898-4
- Prendergast, G., & Ching, L. C. (2013). An evolutionary explanation for shopping behavior. *Journal of Consumer Marketing*, 30(4), 366–370. doi:10.1108/JCM-02-2013-0456
- Rogovin, M. S. (1969). *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to psychology]. Moscow: Vysshaya shkola. (in Russian)
- Rogovin, M. S. (1979). *Psikhologicheskoe issledovanie* [Psychological research]. Yaroslavl: YarGU. (in Russian)
- Salmon, W. C. (2006). *Four decades of scientific explanation*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press.
- Shapiro, L. A. (2016). Mechanism or bust? Explanation in psychology. *The British Journal for the Philosophy of Science*, 68(4), 1037–1059. doi:10.1093/bjps/axv062
- Shvyrev, V. S. (2010). Interpretatsiya [Interpretation]. In *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia] (Vol. 2, pp. 134–135). Moscow: Mysl'. (in Russian)
- Stinson, C. (2016). Mechanisms in psychology: ripping nature at its seams. *Synthese*, 193(5), 1585–1614. doi:10.1007/s11229-015-0871-5
- Teo, T. (2010). Ontology and scientific explanation: Pluralism as an a priori condition of psychology. *New Ideas in Psychology*, 28(2), 235–243. doi:10.1016/j.newideapsych.2009.09.017
- Turner, M. B. (1967). *Philosophy and the science of behavior*. New York: Appleton-Century-Crofts.
- Weiskopf, D. A. (2011). Models and mechanisms in psychological explanation. *Synthese*, 183(3), 313–338. doi:10.1007/s11229-011-9958-9
- Woodward, J. (2019). Scientific explanation. In E. N. Zalta (Ed.), *The Stanford encyclopedia of philosophy* (Winter 2019 Edition). Retrieved from <https://plato.stanford.edu/archives/win2019/entries/scientific-explanation/>
- Yurevich, A. V. (2006). Explanation in psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 27(1), 97–106. (in Russian)
- Yurevich, A. V. (2008). Explanation in psychology. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 3(1), 74–87. (in Russian)
- Zalevskii, G. V. (2008). Ob"yasnenie i ponimanie protiv "tsiklopoi psikhologii" [Explanation and understanding against the "cyclopean" psychology]. *Metodologiya i Istoriya Psikhologii* [Methodology and History of Psychology], 3(1), 41–47. (in Russian)

Vladimir A. Mazilov — Head of General and Social Psychology Department, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, DSc in Psychology, Professor.
Research Area: methodology of psychology, history of psychology, psychology of abilities, psychology of education.
E-mail: v.mazilov@yspu.org

Artem A. Kostigin — Senior Lecturer, Psychology Department, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art).
Research Area: history of psychology, scientometric and digital studies in psychology, social psychology.
E-mail: artdzen@gmail.com

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ФИКСИРОВАННОСТЬ И ЕЕ РОЛЬ В СНИЖЕНИИ ПРОДУКТИВНОСТИ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Б.П. МЕДВЕДЕВ^а, С.Р. ЯГОЛКОВСКИЙ^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

В современной психологии наметилась и усиливается тенденция к интенсивному исследованию креативности человека. Появились многочисленные теории и модели этого феномена, анализирующие и объясняющие его с самых разных сторон. При этом важным исследовательским направлением в этой области являются выявление и анализ психологических факторов, препятствующих творческому мышлению. Одним из них является функциональная фиксированность. Этот феномен, с одной стороны, достаточно хорошо представлен в научно-психологической литературе, с другой, нуждается в более глубоком анализе в связи с быстро изменяющимися условиями творческой деятельности современного человека. Функциональная фиксированность ограничивает творческие потенции человека и во многом предопределяет стереотипность его мышления. Этот термин был введен К. Дункером (Duncker, 1945), который рассматривал функциональную фиксированность в качестве одного из основных «врагов» творческого мышления. Появились многочисленные синонимы этого термина, зачастую акцентирующие частности: «установка» (Kearsley, 1975), «ригидность» (Leach, 1967), «трудность в реструктурировании» (Wertheimer, 1959) и пр. При этом в научно-психологической литературе недостаточно полно представлены работы, систематизирующие результаты упомянутых выше, уже ставших классическими исследований функциональной фиксированности. Настоящая работа в значительной степени восполняет указанный пробел. В ней выделены и кратко проанализированы те аспекты и факторы творческого мышления субъекта, которые являются наиболее важными для понимания природы и негативной роли функциональной фиксированности. Рассмотрены основные подходы к определению феномена функциональной фиксированности, различные теории и модели, объясняющие природу этого феномена, а также формы проявления функциональной фиксированности в самых разных сферах деятельности субъекта. Продолжением указанной исследовательской работы будет анализ психологических методов снижения функциональной фиксированности, ограничивающей творческие возможности субъекта.

Ключевые слова: функциональная фиксированность, творческое мышление, установка, ассоциации, дивергентность.

Креативность и творческое мышление являются конструктами, которые активно исследуются в современной психологии. При этом важным исследовательским направлением в этой области являются выявление и анализ психологических факторов, препятствующих творческому мышлению. Одним из таких факторов является функциональная фиксированность — феномен фиксации субъекта на конкретной функции (и связанных с этой функцией свойствах и характеристиках) некоторого объекта, препятствующий его всестороннему рассмотрению и нахождению новых способов обращения с ним. Активизация этого негативного фактора во многих случаях детерминирована самой природой мыслительной деятельности человека, которая в значительной степени направлена на адаптацию человека к окружающей его действительности. Зачастую новые и инновационные решения, являясь «прорывными» на этапах формирования, постепенно становятся рутинными мыслительными образованиями. Они формируют у человека привычку стандартно решать рутинные задачи, но при этом ограничивают его возможности взглянуть на ситуацию «свежим» взглядом — увидеть необычное в обычном, отыскать новую творческую задачу и решить ее. Таким образом, функциональная фиксированность, с одной стороны, помогает человеку быстрее и с меньшей затратой когнитивных ресурсов решать стандартные задачи, а с другой, мешает продуцировать новые творческие идеи и решения. Эта двойственная роль функциональной фиксированности во многом связана и с некоторой двойственностью природы творчества: творчество создает новый продукт и в то же время являет собой развитие уже имеющихся у человека знаний и технологий. Таким образом, изучение природы фиксированности невозможно без анализа феномена творческой деятельности человека.

Творческое мышление

Одним из направлений в психологии, которое внесло наибольший вклад в исследование творческого мышления, является гештальтпсихология. Оно рассматривалось как продуктивный процесс, определяющийся через возможность получения нового для субъекта решения, которое не детерминировано полностью его прошлым опытом и в котором ключевую роль играет его неосознаваемая компонента — инсайт (Вертгеймер, 1987; Дункер, 1965). Основными проблемами в психологии мышления, на которых фокусировались исследователи, работавшие в рамках указанного направления, являлись вопросы, связанные с природой и критериями творческого мышления, механизмами возникновения инсайта, а также факторами, препятствующими творческому мышлению.

Проблематике творческого мышления уделялось пристальное внимание в отечественной психологии. Основные разработки в этой области основываются на социокультурной и процессуально-деятельностной парадигмах. Существенный вклад в расширение научных представлений о природе и закономерностях творческой деятельности внесли работы Л.С. Выготского, Я.А. Пономарева, А.В. Брушлинского, Д.Б. Богоявленской, В.А. Петровского, В.Н. Дружинина и многих

других отечественных психологов. Одним из направлений отечественной психологии, давшим толчок развитию анализируемой проблематики, является смысловая теория мышления, предложенная О.К. Тихомировым (Тихомиров, 1975, 2007).

Отличительной чертой этой теории является акцент на конкретных механизмах творчества, а также новообразованиях, формирующихся в процессе творческой деятельности субъекта. Положения смысловой теории мышления, связанные с процессами целе- и смыслообразования, ролью эмоций и когнитивных факторов в творческом процессе, в настоящее время интенсивно развиваются учениками О.К. Тихомирова (например: Babaeva et al., 2013). Развитие идет и в сравнительно новых областях исследования особенностей творческой деятельности субъекта в условиях взаимодействия с компьютером (например: Бабаева, Войскунский, 2003; Voiskounsky et al., 2017).

В последние годы стремительно вырос исследовательский интерес к конструкту «творческий потенциал», появился целый ряд работ, анализирующих этот конструкт (например: Varbot et al., 2016; Bourgeois-Vougrine et al., 2018; Lubart, 2018; Runco, 2016). Творческий потенциал представляет собой фактор, связанный с интеллектом, знаниями, когнитивными стилями, мотивацией, эмоциями, а также социокультурным контекстом. Сочетание указанных компонентов творческого потенциала во многом формирует индивидуальный профиль креативности субъекта.

Одним из основных показателей творческого потенциала является дивергентность мышления (Runco, 2017). Действительно, дивергентное мышление традиционно рассматривалось как основа для творческой деятельности, которая обеспечивает такой ее важный показатель, как вариативность результатов (Дорфман, Балева, 2014; Campbell, 1960; Eysenck, 1995; Guilford, 1967, 1968; Martindale, 2007; Simonton, 2011). Однако сама по себе вариативность не обеспечивает успешного творческого решения задачи. Так, различные решения не являются равноценными и равнозначными, многие из них оказываются банальными или нерелевантными актуальной задаче, и только некоторые могут оказаться действительно оригинальными, необычными и полезными (Runco, 1991).

Другим важнейшим аспектом творческого мышления, связанным с вариативностью, является его ассоциативный базис. Именно особенности процесса активации ассоциаций в значительной степени определяют новизну генерируемых субъектом идей. Так, еще в середине XX в. С. Медником (Mednick, 1962) было выдвинуто предположение, что индивидуальные различия в креативности субъектов во многом определяются характером их ассоциативных иерархий.

В психологической литературе достаточно широко представлены работы, посвященные изучению ассоциативной памяти (например: Gruszka, Necka, 2002; Kenett et al., 2014; Lindell, 2010; Nijstad, Stroebe, 2006).

Таким образом, творческое мышление, с одной стороны, предполагает определенную вариативность, которая обеспечивает как оригинальность итогового продукта, так и способность субъекта адаптироваться к изменяющимся

условиям задач; а с другой — опирается на ассоциативный материал, который сформирован в опыте субъекта.

Две эти стороны творчества определяют важность выявления и последующего анализа тех факторов творческой деятельности, которые ограничивают или снижают его эффективность. Одним из таких факторов является функциональная фиксированность, которая может существенно снижать оригинальность создаваемых субъектом творческих продуктов. При этом корни функциональной фиксированности находятся в мыслительном опыте этого субъекта, тесно связанном с ассоциативными процессами.

Функциональная фиксированность как фактор, препятствующий творческому мышлению

Впервые термин «функциональная фиксированность» был предложен К. Дункером (Duncker, 1945), для описания феномена, проявляющегося в неспособности человека увидеть в предмете возможность выполнять функции, релевантные актуальной задаче, если предыдущие применения закрепили за ним другую функцию. Результаты проведенных им экспериментов, показывающих негативное влияние функциональной фиксированности на творческое мышление, многократно воспроизводятся в других исследованиях (например: Adamson, 1952). Это способствовало признанию психологическим сообществом важности и значимости данного феномена.

В некоторых обзорных работах (например: Корнилов и др., 2012) отмечается, что на данный момент в рамках психологического знания не представлено достаточно полной объяснительной модели феномена функциональной фиксированности, которая бы могла ответить на все вопросы о природе ее возникновения и функционирования.

Тем не менее, на наш взгляд, в рамках уже существующих подходов предлагается достаточное количество теорий и концепций для того, чтобы сформировать всестороннее представление о природе феномена функциональной фиксированности, а также способов обращения с ним.

В рамках исследований, посвященных рассмотрению решений задач, можно выделить общую тенденцию к изучению того, как именно некоторый прошлый опыт субъекта влияет на возможности его творческого мышления.

Одним из наиболее общих понятий в этой области является «перенос аналогии» (analogical transfer). Такой перенос может облегчать решение актуальной задачи (позитивный перенос) в том случае, если ранее приобретенные навыки и знания релевантны текущей задаче. В работах М. Гика и К. Хольоака (Gick, Holyoak, 1980, 1983; Holyoak, 1984) высказывается предположение, что данная способность основывается на возможности человека не только воспринимать то, как дана задача непосредственно, но и выделять ее схему или структуру, которая, в свою очередь, базируется на возможностях абстрактного мышления субъекта.

Однако в ряде случаев такой перенос оказывается препятствием на пути решения текущей задачи (негативный перенос). Это происходит тогда, когда

из-за «поверхностного» восприятия проблемной ситуации субъект воспринимает схожими те задачи, которые на самом деле сильно различаются, (Gentner, 1983). Таким образом, предшествующее решение схожих задач может препятствовать решению задач актуальных.

Ф. Ди Веста и Р. Уоллс в своем исследовании (Di Vesta, Walls, 1967), посвященном возможностям переноса решения из одной задачи в другую, выделяют три возможных уровня этого процесса. На первом уровне, когда правила решения новой и старой задачи почти полностью аналогичны, перенос играет исключительно фасилитирующую роль, позволяя ускорить решение новой задачи. На втором уровне, когда способ решения первой задачи должен быть значительно модифицирован для успешной реализации в новой задаче, также наблюдается возможность интеграции опыта, однако данный процесс осложняется требованиями к формированию новых ассоциаций. На третьем же уровне правила решения у двух задач кардинально различаются, что приводит к возникновению интерферирующего эффекта, затрудняющего выполнение новой задачи.

Таким образом, на первом и втором уровне мы имеем дело с позитивным переносом, а на третьем — с переносом негативным.

Функциональную фиксированность иногда предлагают рассматривать как частный случай негативного переноса, в рамках которого опыт предыдущей реализации функции предмета препятствует открытию в нем новых функций, релевантных актуальной задаче (Chrysikou, Weisberg, 2005).

С функциональной фиксированностью связан и феномен прайминга. В общем смысле прайминг также является изменением способности субъекта к опознанию или извлечению из памяти объекта в результате предшествующей встречи с ним (Schacter, Buckner, 1998).

Во многих случаях прайминг может быть использован для стимулирования креативности субъекта. Так, В.Ф. Спиридонов и Е.А. Абисалова (Спиридонов, Абисалова, 2012) исследовали, как семантический прайминг (прайминг, опирающийся на смысловое сходство целевого стимула и предшествующего ему стимула-прайма) может повлиять на степень оригинальности итогового вербального продукта. Они продемонстрировали, что человек, получая в качестве праймов редкие категории, будет создавать более оригинальную собственную вербальную продукцию. Сходные результаты были получены в исследованиях С.Р. Яголковского (Yagolkovskiy, 2016), где было показано, что предъявление субъекту высокооригинальных стимульных идей приводит к повышению уровня оригинальности его собственных творческих продуктов.

Одним из наиболее близких функциональной фиксированности понятий является установка при решении задач (problem solving set). В целом под установкой традиционно понимается некоторая тенденция к реагированию на последующие стимулы на основе старых стимулов, которая может формироваться относительно структуры предыдущего опыта или же быть создана инструкцией к задаче (Kaplan, Schoenfeld, 1966; Rees, Israel, 1935; Safren, 1962).

Природа феномена функциональной фиксированности

Вследствие изначально предложенного Дункером описания функциональной фиксированности как неспособности увидеть возможности для альтернативного использования некоторого объекта данный феномен иногда рассматривается через воздействие на восприятие человека — в результате предшествующего использования предмета его восприятие становится ограниченным конкретной функцией, которая была реализована. Другими словами, субъект становится ограничен в восприятии различных свойств, присущих элементам актуальной задачи. Функциональная фиксированность может быть рассмотрена как одно из проявлений предметности нашего восприятия (Асмолов, 1982). В этом случае данный феномен может проявлять себя как особая организация восприятия предметов деятельности субъекта, в котором образуются их новые системные качества, связанные с теми целостными системами, в рамках которых реализуются их функции.

Можно также рассматривать функциональную фиксированность как операциональную установку, которая лежит в основе конкретных способов осуществления действий и проявляется в установочных искажениях восприятия, ошибках привыкания, ожидания, привычной направленности при решении мыслительных задач.

Однако следует отметить, что в рамках исследований функциональной фиксированности данный феномен не всегда рассматривается как связанный исключительно с неспособностью индивида воспринять некоторый предмет по-новому, в такой перспективе, которая оторвана от обычного способа его использования. Существуют и другие стороны анализируемого феномена, а также способы его описания. Так, С. Глюксберг (Glucksberg, 1962) в своей работе предпринял попытку рассмотреть функциональную фиксированность в рамках бихевиористской традиции, когда субъект предпочитает реализовывать поведенческую реакцию, связанную с основной функцией предмета, и не с какой-либо другой.

Ф. Муньос-Рубке, Д. Олсон, Р. Уилл и К.Х. Джеймс (Munoz-Rubke et al., 2018) предложили рассматривать феномен функциональной фиксированности как когнитивное искажение, основой которого является «функциональное знание» — знание о том, как именно можно использовать тот или иной предмет. Им удалось обнаружить ряд интересных фактов относительно природы функциональной фиксированности.

- Способ приобретения знаний о том, как пользоваться предметом, не влияет на вероятность возникновения эффекта функциональной фиксированности и силу его воздействия. Другими словами, феномен функциональной фиксированности может сформироваться вне зависимости от того, как именно субъект познакомился с функцией целевого предмета (смотрел(-а) на его использование, читал(-а) о его использовании или использовал(-а) его сам(-а)).

- Функциональная фиксированность играет важную роль при решении достаточно простых задач и не играет такой существенной роли в решении более сложных и комплексных задач.

- Эффекты функциональной фиксированности исчезают после первоначальных неудач в поиске решения задачи (в дальнейшем появлению решения могут мешать другие факторы).
- Акцентирование внимания человека на функции предмета не является необходимым условием для возникновения феномена функциональной фиксированности.
- Индивидуальные различия в интуитивных знаниях о предмете могут оказывать воздействие на степень проявления функциональной фиксированности в области изучения этого предмета.

В научной литературе по проблематике функциональной фиксированности представлены исследования социокультурной, возрастной и других видов детерминации функциональной фиксированности. Так, например, Т. Герман и К. Баррет (German, Barrett, 2005) не обнаружили значимых различий во времени решения задач с индуцированной функциональной фиксированностью у представителей технологически отсталых и развитых сообществ. А в исследовании Т. Германа и М. Дефайтера (German, Defeyter, 2000) было показано, что функциональная фиксированность может проявляться уже у детей в возрасте шести-семи лет (при решении дункеровской задачи со свечой они значительно медленнее приходят к пониманию того, что коробку можно использовать в качестве опоры, в случае, если им была продемонстрирована ее стандартная функция). Однако дети более младшего возраста (пятилетние) оказываются не столь восприимчивы к воздействию этого опыта (вне зависимости от того, была ли им продемонстрирована стандартная функция коробки, скорость решения задачи не изменялась). Более того, скорость решения задачи в условиях предварительного знакомства со стандартной функцией коробки оказалась выше в группах детей младшего возраста. На основании этих результатов авторы сделали вывод о том, что функциональная фиксированность развивается с возрастом как интуиция относительно функций предмета, которая обуславливает влияние прошлого опыта на решение актуальных задач.

Формы и сферы проявления функциональной фиксированности

Феномен функциональной фиксированности проявляет себя практически во всех сферах деятельности человека, которые предполагают необходимость творческого мышления. Он обнаруживается в условиях выполнения задач, когда человек испытывает затруднения в восприятии их элементов вне рамок их прошлого использования.

Однако результаты некоторых исследований демонстрируют, что феномен функциональной фиксированности может проявляться и в тех задачах, где не требуется нахождение единственного наилучшего решения с использованием конкретных элементов.

Так, С. Смит, Т. Вард и Дж. Шумахер (Smith et al., 1993) показали, что эффекты фиксированности наблюдаются при решении невербальных задач. Они обнаружили, что предыдущий опыт препятствует созданию новых и оригинальных

изображений. При этом данный эффект наблюдается как в случае, когда испытуемые сами рисовали некоторую картину до выполнения задания, так и тогда, когда визуальный пример им просто предъявлялся.

Схожие результаты были обнаружены и в ряде других исследований, проведенных в сфере инженерного проектирования (например: Purcell, Gero, 1996; Purcell et al., 1993). В них также было показано, что представление субъекту примеров дизайна решенной проблемы является достаточным для того, чтобы привести к возникновению фиксации на элементах предыдущего опыта. Д. Янссон и С. Смит (Jansson, Smith, 1991) одними из первых показали, как возникает фиксация в рамках инженерно-проектного задания. В своем исследовании они проверили гипотезу о том, что фиксация дизайна может быть вызвана теми примерами, которые сопровождают предъявление субъекту задачи. Таким образом, если речь идет об «открытых» творческих задачах, то функциональная фиксированность зачастую формируется еще на этапе инструктирования субъекта. Уделение повышенного внимания этому этапу может позволить сохранить баланс между направляющей и проясняющей функцией примера и теми ограничениями на свободу мыслительного процесса, которые этот пример может сформировать.

Негативные последствия функциональной фиксированности могут проявляться с особой силой, если внимание субъекта обращается на тенденцию отдавать свое предпочтение уже отработанным примерам в противовес тщательному следованию рабочей инструкции. В ряде исследований было показано, что при решении задач субъект склонен опираться не столько на инструкции, сколько на свой прошлый опыт (например: Chi et al., 1981; LeFevre, Dixon, 1986; Pirolli, Anderson, 1985). Таким образом, под влиянием эффекта функциональной фиксированности, сформировавшейся под воздействием предыдущего опыта, субъект зачастую может неосознанно игнорировать ту часть инструкции, в которой говорится о необходимости создания чего-то по-настоящему оригинального и творческого. С этим может быть связан эффект криптомнезии или неосознанного плагиата (Brown, Murphy, 1989). Так, проявлением криптомнезии можно считать ситуацию, когда субъект неосознанно воспроизводит некоторую общую идею (с которой он ознакомился ранее) при обсуждении новой задачи, будучи при этом полностью уверенным в том, что идея принадлежит ему.

На основе приведенных выше примеров может сложиться впечатление, что функциональная фиксированность проявляется исключительно в рамках творческой деятельности. Однако этот феномен может возникать и вне условий творчества. Так, например, Р.Д. Робнетт (Robnett, 2017) высказывает интересное предположение о том, что повседневная природа использования имен создает некоторое «слепое пятно» в рамках их восприятия: мы настолько часто используем имена, что становится очень трудно обратить внимание (в том числе исследовательское) на те культурные функции, которые заложены в них с разной степенью явности и очевидности.

Р.Х. Эштон в своем исследовании (Ashton, 1976) продемонстрировал верность гипотезы, высказанной в свое время Й. Иджири, Р. Джедике и К. Найтом

(Ijiri et al., 1966), о том, что некоторые проблемы, возникающие, например, при работе с банковскими данными, являются следствиями проявления феномена функциональной фиксированности. Например, специалист, принимающий решение, может привыкнуть использовать какие-либо данные для одной конкретной функции (например, для принятия решений о ценообразовании), и это может препятствовать обнаружению им других возможных функций этих данных (например, для принятия управленческих или технологических решений).

Таким образом, проведенный анализ научных разработок в области исследования феномена функциональной фиксированности как одного из основных антагонистов творческого мышления показал следующее.

1. Функциональная фиксированность — это частный случай явления переноса, который связан с интерференцией предыдущего опыта индивида с информацией об актуальной задаче.

2. Изначально функциональная фиксированность может проявляться в ограничении восприятия проблемной ситуации; однако впоследствии имеет тенденцию приобретать статус конкретной поведенческой привычки.

3. В формировании функциональной фиксированности важную роль играет приобщение индивида к культурному, предметному миру; в связи с этим ее проявление характерно в большей степени для взрослых и детей старше 5 лет.

4. Функциональная фиксированность возникает не только в процессе решения мыслительных задач, но и в различных формах свободного самовыражения субъекта, что позволяет говорить о неспецифичности данного феномена.

Закономерным продолжением проведенного обзорного исследования научно-психологических работ по проблематике функциональной фиксированности будет являться анализ психологических способов снижения и нейтрализации этого фактора, оказывающего существенное негативное влияние на творческую деятельность человека.

Литература

- Асмолов, А. Г. (1982). Основные принципы психологического анализа в теории деятельности. *Вопросы психологии*, 2, 14–27.
- Бабаева, Ю. Д., Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. М.: Сканрус.
- Вертгеймер, М. (1987). *Продуктивное мышление*. М.: Прогресс.
- Дорфман, Л. Я., Балева, М. В. (2014). Взаимосвязь креативности и вариативности. *Психологический журнал*, 35(2), 57–67.
- Дункер, К. (1965). Качественное (экспериментальное и теоретическое) исследование продуктивного мышления. В кн. А. М. Матюшкин (ред.), *Психология мышления* (с. 21–85). М.: Прогресс.
- Корнилов, Ю. К., Владимиров, И. Ю., Коровкин, С. Ю. (2012). Функциональная фиксированность. Анализ истории проблемы и современного состояния исследований. В кн. А. В. Карпов (ред.), *Много голосов – один мир* (с. 137–139). Ярославль: Изд-во НПЦ «Психодиагностика».

- Спиридонов, В. Ф., Абисалова, Е. А. (2012). Изменение показателей креативности с помощью семантического прайминга. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(3), 122–130.
- Тихомиров, О. К. (1975). *Психологические исследования творческой деятельности*. М.: Наука.
- Тихомиров, О. К. (2007). *Психология мышления*. М.: Академия.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Медведев Богдан Павлович — аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: креативность, персонология, психология сознания.

Контакты: bmedvedev@hse.ru

Яголковский Сергей Ростиславович — старший научный сотрудник, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: креативность, групповое творчество, методы стимуляции креативности.

Контакты: syagolkovsky@hse.ru

Functional Fixedness and Its Role in Reducing Productivity of Creative Thinking

B.P. Medvedev^a, S.R. Yagolkovskiy^a

^a *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

There is a tendency in contemporary psychology to intensify research on creativity. Numerous theories and models examine this phenomenon. An important direction in creativity research is the identification and analysis of psychological factors, which inhibit creative thinking. One of them is functional fixedness. This phenomenon has attracted researchers' attention for a long time. On the other hand, it should be examined in more depth because human life is changing intensively in contemporary world. Functional fixedness restricts person's creative abilities and supports the stereotypical way of thinking. This concept was introduced by K. Duncker (1945), who considered functional fixedness as one of the most powerful "antagonists" of creative thinking. In academic literature, numerous synonyms of this term have been introduced, such as "problem-solving set" (Kearsley, 1975), "rigidity" (Leach, 1967), "difficulty in re-structuring" (Wertheimer, 1959). At the same time, there is a lack of research systematizing results of the classic theoretical and empirical studies on functional fixedness. The present study seems to partially fill this gap. The authors reveal and analyze the most important aspects and factors of creative thinking, which can help to understand the nature and negative role of functional fixedness in creative thinking. Different definitions of functional fixedness, most influential theories

and models addressing this phenomenon, as well as forms of manifestation of functional fixedness in various spheres of individual productive activity are considered. This work is continued by the analysis of psychological methods to loosen functional fixedness.

Keywords: functional fixedness, creative thinking, problem-solving set, associations, divergent thinking.

References

- Adamson, R. E. (1952). Functional fixedness as related to problem solving: a repetition of three experiments. *Journal of Experimental Psychology*, *44*(4), 288–291. doi:10.1037/h0062487
- Ashton, R. H. (1976). Cognitive changes induced by accounting changes: Experimental evidence on the functional fixation hypothesis. *Journal of Accounting Research*, *14*, 1–17. doi:10.2307/2490443
- Asmolv, A. G. (1982). Osnovnye voprosy psikhologicheskogo analiza v teorii deyatel'nosti [The main issues of psychological analysis and theory of activity]. *Voprosy Psikhologii*, *2*, 14–27. (in Russian)
- Babaeva, Y. D., Berezanskaya, N. B., Kornilova, T. V., Vasilyev, I. A., & Voiskounsky, A. E. (2013). Contribution of Oleg K. Tikhomirov to the methodology, theory and experimental practice of psychology. *Psychology in Russia: State of the Art*, *6*(4), 4–23. doi:10.11621/pir.2013.0401
- Babaeva, Y. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniyi rebenok za komp'yuterom* [The gifted child at the computer]. Moscow: Skanrus. (in Russian)
- Barbot, B., Besançon, M., & Lubart, T. (2016). The generality–specificity of creativity: Exploring the structure of creative potential with EPoC. *Learning and Individual Differences*, *52*, 178–187. doi:10.1016/j.lindif.2016.06.005
- Bourgeois-Bougrine, S., Richard, P., Lubart, T., Burkhardt, J. M., & Frantz, B. (2019). Do virtual environments unleash everyone's creative potential? In S. Bagnara, R. Tartaglia, S. Albolino, T. Alexander, & Y. Fujita (Eds.), *Congress of the International Ergonomics Association* (pp. 517–552). Cham: Springer. doi:10.1007/978-3-319-96071-5_134
- Brown, A. S., & Murphy, D. R. (1989). Cryptomnesia: Delineating inadvertent plagiarism. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, *15*(3), 432–442. doi:10.1037/0278-7393.15.3.432
- Campbell, D. T. (1960). Blind variation and selective retentions in creative thought as in other knowledge processes. *Psychological Review*, *67*(6), 380–400. doi:10.1037/h0040373
- Chi, M. T. H., Feltovich, P. J., & Glaser, R. (1981). Categorization and representation of physics problems by experts and novices. *Cognitive Science*, *5*(2), 121–152.
- Chrysikou, E. G., & Weisberg, R. W. (2005). Following the wrong footsteps: fixation effects of pictorial examples in a design problem-solving task. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, *31*(5), 1134–1148. doi:10.1037/0278-7393.31.5.1134
- Di Vesta, F. J., & Walls, R. T. (1967). Transfer of solution rules in problem solving. *Journal of Educational Psychology*, *58*(6), 319–326. doi:10.1037/h0025191
- Dorfman, L. Y., & Baleva, M. V. (2014). Correlation between creativity and variability. *Psikhologicheskii Zhurnal*, *35*(2), 57–67. (in Russian)
- Duncker, K. (1945). *On problem-solving* (Psychological Monographs, No. 270). American Psychological Association.

- Duncker, K. (1965). Kachestvennoe (eksperimental'noe i teoreticheskoe) issledovanie produktivnogo myshleniya [The qualitative (experimental and theoretical) study of productive thinking]. In A. M. Matyushkin (Ed.), *Psikhologiya myshleniya* [Cognitive psychology] (pp. 21–85). Moscow: Progress. (in Russian)
- Eysenck, H. J. (1995). *Genius: The natural history of creativity* (Vol. 12). Cambridge University Press.
- Gentner, D. (1983). Structure-mapping: A theoretical framework for analogy. *Cognitive Science*, 7(2), 155–170. doi:10.1016/S0364-0213(83)80009-3
- German, T. P., & Barrett, H. C. (2005). Functional fixedness in a technologically sparse culture. *Psychological Science*, 16(1), 1–5. doi:10.1111/j.0956-7976.2005.00771.x
- German, T. P., & Defeyter, M. A. (2000). Immunity to functional fixedness in young children. *Psychonomic Bulletin and Review*, 7(4), 707–712. doi:10.3758/BF03213010
- Gick, M. L., & Holyoak, K. J. (1980). Analogical problem solving. *Cognitive Psychology*, 12(3), 306–355. doi:10.1016/0010-0285(80)90013-4
- Gick, M. L., & Holyoak, K. J. (1983). Schema induction and analogical transfer. *Cognitive Psychology*, 15, 1–38. doi:10.1016/0010-0285(83)90002-6
- Glucksberg, S. (1962). The influence of strength of drive on functional fixedness and perceptual recognition. *Journal of Experimental Psychology*, 63(1), 36–41. doi:10.1037/h0044683
- Gruszka, A., & Necka, E. (2002). Priming and acceptance of close and remote associations by creative and less creative people. *Creativity Research Journal*, 14(2), 193–205. doi:10.1207/S15326934CRJ1402_6
- Guilford, J. P. (1967). *The nature of human intelligence*. McGraw-Hill.
- Guilford, J. P. (1968). *Intelligence, creativity, and their educational implications*. Edits Pub.
- Holyoak, K. J. (1984). Analogical thinking and human intelligence. *Advances in the Psychology of Human Intelligence*, 2, 199–230.
- Ijiri, Y., Jaedicke, R., & Knight, K. (1966). The effects of accounting alternatives on management decisions. In R. Jaedicke, Y. Ijiri, & O. Nielsen (Eds.), *Research in accounting measurement* (pp. 186–199). [Madison, WI]: American Accounting Association.
- Jansson, D. G., & Smith, S. M. (1991). Design fixation. *Design Studies*, 12(1), 3–11.
- Kaplan, I. T., & Schoenfeld, W. N. (1966). Oculomotor patterns during the solution of visually displayed anagrams. *Journal of Experimental Psychology*, 72(3), 447–451. doi:10.1037/h0023632
- Kearsley, G. P. (1975). Problem-solving set and functional fixedness: A contextual dependency hypothesis. *Canadian Psychological Review/Psychologie canadienne*, 16(4), 261–268. doi:10.1037/h0081813
- Kenett, Y. N., Anaki, D., & Faust, M. (2014). Investigating the structure of semantic networks in low and high creative persons. *Frontiers in Human Neuroscience*, 8, 407. doi:10.3389/fnhum.2014.00407
- Kornilov, Y. K., Vladimirov, I. Y., & Korovkin, S. Y. (2012). Funktsional'naya fiksirovannost'. Analiz istorii problemy i sovremennogo sostoyaniya issledovaniya [Functional fixedness. The analysis of the history of the problem and the contemporary state of the research]. In A. V. Karpov (Ed.), *Mnogo golosov – odin mir* [Many voices – one world] (pp. 137–139). Yasroslavl: NPTs “Psikhodiagnostika”. (in Russian)
- Leach, P. J. (1967). A critical study of the literature concerning rigidity. *British Journal of Social and Clinical Psychology*, 6, 11–22. doi:10.1111/j.2044-8260.1967.tb00494.x
- LeFevre, J. A., & Dixon, P. (1986). Do written instructions need examples? *Cognition and Instruction*, 3(1), 1–30. doi:10.1207/s1532690xci0301_1

- Lindell, A. K. (2010). Lateral thinkers are not so laterally minded: Hemispheric asymmetry, interaction, and creativity. *Laterality*, *16*, 479–498. doi:10.1080/1357650X.2010.497813
- Lubart, T. (2018). Creativity across the Seven Cs. In R. J. Sternberg & J. C. Kaufman (Eds.), *The nature of human creativity* (pp. 34–146). Cambridge University Press.
- Martindale, C. (2007). Creativity, primordial cognition, and personality. *Personality and Individual Differences*, *43*(7), 1777–1785. doi:10.1016/j.paid.2007.05.014
- Mednick, S. (1962). The associative basis of the creative process. *Psychological Review*, *69*(3), 220–232. doi:10.1037/h0048850
- Munoz-Rubke, F., Olson, D., Will, R., & James, K. H. (2018). Functional fixedness in tool use: Learning modality, limitations and individual differences. *Acta Psychologica*, *190*, 11–26. doi:10.1016/j.actpsy.2018.06.006
- Nijstad, B. A., & Stroebe, W. (2006). How the group affects the mind: A cognitive model of idea generation in groups. *Personality and Social Psychology Review*, *10*(3), 186–213. doi:10.1207/s15327957pspr1003_1
- Pirolli, P. L., & Anderson, J. R. (1985). The role of practice in fact retrieval. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, *11*, 136–153. doi:10.1037/0278-7393.11.1.136
- Purcell, A. T., & Gero, J. S. (1996). Design and other types of fixation. *Design Studies*, *17*(4), 363–383. doi:10.1016/S0142-694X(96)00023-3
- Purcell, A. T., Williams, P., Gero, J. S., & Colbron, B. (1993). Fixation effects: Do they exist in design problem solving? *Environment and Planning B: Planning and Design*, *20*(3), 333–345. doi:10.1068/b200333
- Rees, H. J., & Israel, H. E. (1935). An investigation of the establishment and operation of mental sets. *Psychological Monographs*, *46*(6), 1–26. doi:10.1037/h0093375
- Robnett, R. D. (2017). Overcoming functional fixedness in naming traditions: A commentary on Pilcher's Names and "Doing Gender". *Sex Roles*, *77*(11–12), 823–828. doi:10.1007/s11199-017-0838-8
- Runco, M. A. (1991). *Divergent thinking*. Norwood, NJ: Ablex Publishing Corporation.
- Runco, M. A. (2016). Commentary: Overview of developmental perspectives on creativity and the realization of potential. *New Directions for Child and Adolescent Development*, *2016*(151), 97–109. doi:10.1002/cad.20145
- Runco, M. A. (2017). Comments on where the creativity research has been and where is it going. *The Journal of Creative Behavior*, *51*(4), 308–313. doi:10.1002/jocb.189
- Safren, M. A. (1962). Associations, sets, and the solution of word problems. *Journal of Experimental Psychology*, *64*(1), 40–45. doi:10.1037/h0040742
- Schacter, D. L., & Buckner, R. L. (1998). Priming and the brain. *Neuron*, *20*(2), 185–195. doi:10.1016/S0896-6273(00)80448-1
- Simonton, D. K. (2011). Creativity and discovery as blind variation: Campbell's (1960) BVSR model after the half-century mark. *Review of General Psychology*, *15*(2), 158–174. doi:10.1037/a0022912
- Smith, S. M., Ward, T. B., & Schumacher, J. S. (1993). Constraining effects of examples in a creative generation task. *Memory and Cognition*, *21*(6), 837–845. doi:10.3758/BF03202751
- Spiridonov, V. F., & Abisalova, E. A. (2012). Changes in creativity indices as a result of semantic priming. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, *9*(3), 122–130. (in Russian)
- Tikhomirov, O. K. (1975). *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoi deyatel'nosti* [The psychological studies of creative activity]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Tikhomirov, O. K. (2007). *Psikhologiya myshleniya* [The psychology of thinking]. Moscow: Akademiya. (in Russian)

- Voiskounsky A. E., Ermolova T., Yagolkovskiy S. R. & Khromova V. M. (2017). Creativity in online gaming: individual and dyadic performance in Minecraft. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(4), 144–161. doi:10.11621/pir.2017.0413
- Wertheimer, M. (1987). *Produktivnoe myshlenie* [Productive thinking]. Moscow: Progress. (in Russian; transl. of: Wertheimer, M. (1959). *Productive thinking*. New York: Harper & Row.)
- Yagolkovskiy, S. R. (2016). Stimulation of individual creativity in electronic brainstorming: Cognitive and social aspects. *Social Behavior and Personality*, 44(5), 761–766. doi:10.2224/sbp.2016.44.5.761

Bogdan P. Medvedev — PhD student, National Research University Higher School of Economics.

Research Area: creativity, personology, psychology of consciousness.

E-mail: bmedvedev@hse.ru

Sergey R. Yagolkovskiy — Senior Research Fellow, National Research University Higher School of Economics, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: creativity, group creativity, methods of stimulating creativity.

E-mail: syagolkovsky@hse.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ САМОСОЗНАНИЯ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

И.А. ХВАТОВ^а

^а НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа» 121170, Россия, г. Москва, Кутузовский проспект, д. 34, стр. 14

Резюме

Самосознание — это способность субъекта к распознаванию себя как отдельного индивида, отличного от других субъектов и внешнего мира. Самосознание является одним из ключевых компонентов сознания как высшего уровня фило- и онтогенетического развития психики. Традиционно для изучения предпосылок самосознания у животных применяется методика на самоузнавание в зеркале. Долгое время считалось, что способность к самоузнаванию тесно связана со способностью понимать других, стало быть, с социальной природой сознания. Однако свежие эмпирические данные свидетельствуют о том, что эта способность обнаруживается у животных, обладающих качественно иной жизнедеятельностью и психикой, нежели человек и систематически близкие ему виды. В статье предлагается критический анализ классической методики на самоузнавание, а также ее альтернатив. Выдвигается тезис, что любые живые системы, наделенные психикой, обязательно учитывают характеристики своего тела — обладают самоотражением (термин ранее введен автором статьи). Самосознание же является качественно специфической формой самоотражения, свойства которого не могут быть обнаружены только лишь путем изучения узнавания животным своих частных проявлений (зеркального отражения, запаха, границ тела и т.д.), они обязательно должны рассматриваться в системной связи с рядом других свойств сознания, на которые обратили внимание классики советской психологии и которые в настоящий момент активно изучаются в рамках современной эволюционной психологии. Автор полагает перспективной задачей создание новой концепции эволюции самосознания, учитывающей все современные данные.

Ключевые слова: самосознание, самоотражение, эволюция психики, сознание, схема тела, самоузнавание в зеркале.

Проблема эволюционных предпосылок возникновения сознания тщательно разрабатывается в психологии уже не первый десяток лет (Burghardt, 1985). Главная трудность изучения этого вопроса обусловлена тем, что до сих пор отсутствует общепризнанное четкое определение сознания, позволяющее вывести ряд объективных критериев для выявления наличия данного феномена у тех или иных животных (Frackowiak, Mazziotta, 1997). С другой стороны,

в настоящее время активно проводятся эмпирические исследования отдельных аспектов сознания животных как в области этологии и зоопсихологии (Зорина, Полетаева, 2003; Зорина, Смирнова, 2006), так и в нейронауках (Frackowiak, Mazziotta, 1997).

В отличие от зарубежной науки, в отечественной психологии имеется более четкое понимание сознания, оно рассматривается в качестве специфического для человека уровня эволюции психики (Филиппова, 2012). В связи с этим в российской зоопсихологии часто ведется речь не о сознании животных, а о филогенетических предпосылках сознания человека (Зорина, Полетаева, 2003). Эта тема детально разрабатывалась в трудах отечественных психологов (Леонтьев, 1981; Фабри, 2004; Филиппова, 2012). Леонтьев определяет сознание как такое отражение предметной действительности, в котором выделяются ее объективные устойчивые свойства вне зависимости от отношений к ней субъекта. Толчком для формирования сознания является труд как специфическая коллективная деятельность, предполагающая разделение функций между несколькими участниками, что, в свою очередь, обуславливает возникновение языка, порождаемого складывающимися в процессе труда отношениями человека к другим людям (Леонтьев, 1981).

Одним из существенных аспектов сознания независимо от того, ведется ли речь о сознании человека или животного, является самосознание (Филиппова, 2012). Самосознание — это способность субъекта к распознаванию себя как отдельного индивида, отличного от других субъектов и внешнего мира в целом (Там же). Самосознание является одним из ключевых компонентов сознания как высшего уровня филогенетического развития психики присущего человеку и отличающего его от других видов животных (Леонтьев, 1981; Филиппова, 2012).

В англоязычной литературе самосознание обычно обозначается двумя терминами: «self-awareness» и «self-consciousness». Self-awareness — это способность индивида воспринимать свое тело, свои психические свойства отдельно от характеристик внешнего мира и/или других индивидов (Ferris, 2012). Self-consciousness предполагает высокую степень озабоченности индивида своими характеристиками и сопряжено с недостатком гордости или низкой самооценкой (Campbell, 1995). Между тем зачастую эти термины используются как синонимы.

В зарубежной психологии авторы весьма свободно применяют термин «самосознание» (англ. self-awareness) к животным, эмпирически выявляя в их психике определенные признаки, схожие с самосознанием человека (Хант, 2004; De Waal, 2019; Gallup, Anderson, 2020). Следует отметить, что также и классики советской психологии выделяют филогенетически древние предпосылки человеческого самосознания у животных; к примеру, В.В. Столин (1983) описывал феномен «принятия себя в расчет» в качестве фундамента самосознания. Тем не менее, с нашей точки зрения, самосознание, будучи сложным многогранным явлением, имеющим социально-культурную обусловленность (Леонтьев, 1981), не может быть редуцируемо до своих эволюционных предпосылок и/или отдельных компонентов. В настоящей статье ставится цель определить подход для снятия теоретических и методических

противоречий, накопившихся к настоящему моменту в рамках данной темы. На основе анализа ряда результатов эмпирических исследований (в том числе собственных) мы предлагаем в качестве обобщающей категории концепцию «самоотражения», понимая под ним субъективное представление животным или человеком любых собственных характеристик, необходимое для ориентации своего поведения. Самоотражение является обязательным компонентом любой психики, даже наиболее простой и филогенетически древней. Самосознание же в данном случае выступает в качестве специфической формы самоотражения, характерной для человека. Таким образом, предметом нашего исследования является феномен психического самоотражения у животных как эволюционная предпосылка и сторона функционирования самосознания.

Начнем с обзора основных эмпирических исследований предпосылок самосознания. Традиционно наиболее распространенным методическим приемом их изучения является тест с зеркалом (англ. «mirror test»).

В 1970 г. Гордон Гэллап-младший экспериментально исследовал возможность самопознания в зеркале у двух наивных самцов и двух наивных самок диких шимпанзе (*Pan troglodytes*). Предварительно каждого шимпанзе сажали в экспериментальную комнату на два дня. Затем в комнату помещалось зеркало в полный рост животного на 80 часов. Далее фиксировались различные поведенческие паттерны в ходе взаимодействия обезьян с зеркалом. Первоначально шимпанзе делали угрожающие жесты в адрес своих собственных отражений, якобы видя в них ответную угрозу. К концу экспериментальной серии шимпанзе использовали свои собственные отражения для ориентаций действий с самими собой, такими как уход за частями своего тела, ранее не наблюдаемыми без зеркала, ковыряние в носу и т.п. Гэллап расширил исследование, манипулируя с внешностью шимпанзе и наблюдая за их реакцией на отражение в зеркале (Gallup, 1970). Гэллап ввел шимпанзе в состояние легкого наркоза, а затем нанес спирто-растворимый краситель на край брови и на верхнюю половину противоположного уха. Когда краситель высох, он практически не имел обонятельных или тактильных оттенков. Затем Гэллап вернул шимпанзе в клетку (с удаленным зеркалом), они пришли в полное сознание. Затем он зафиксировал частоту, с которой шимпанзе самопроизвольно касались отмеченных участков кожи. Через 30 минут зеркало было снова введено в комнату, и снова была определена частота касания отмеченных областей. Частота прикосновений к отмеченным участкам тела была в четыре-десять раз выше при наличии зеркала, нежели при его отсутствии.

На основе полученных результатов делался вывод, что шимпанзе помнили свой облик и замечали в нем изменения, а также понимали, что изображение в зеркале эквивалентно их собственному телу.

Позже аналогичные исследования проводились более чем на 150 шимпанзе при том, что лишь 30% из них продемонстрировали самоузнавание в зеркале (Povinelli et al., 1993). Также самоузнавание было выявлено у других человекообразных обезьян: орангутанов (Suárez, Gallup, 1981) и горилл (Allen, Schwartz, 2008).

Считается доказанным наличие самоузнавания в зеркале у слонов (Plotnik et al., 2006). Исследование проводилось в Обществе охраны дикой природы с использованием слонов в зоопарке Бронкса в Нью-Йорке. Три азиатских слона стояли перед зеркалом 2.5×2.5 м. Сло니ха Хэппи неоднократно прикасалась к нарисованной на ее голове X-образной метке — знаку, который можно было увидеть только в зеркале. Хэппи проигнорировала еще одну метку, сделанную бесцветной краской на лбу, что свидетельствовало в пользу того, что она не реагировала на кинестетическое раздражение или запах.

Дельфины афалины также демонстрировали самоузнавание в зеркале (Reiss, Marino, 2001). После нанесения меток на их тела дельфины значительно замедлялись, проплывая перед зеркалом, повернувшись к нему стороной с отметкой, а также совершали круговые движения. Была также установлена способность к самоузнаванию у касаток (Delfour, Marten, 2001).

Евразийская сорока — первый представитель птиц, прошедший тест с зеркалом (Prior et al., 2008). Исследователи нанесли маленькие метки красного, желтого, черного цветов на горло пяти евразийским сорокам таким образом, что птицы могли видеть их только в отражении. Затем птицы получили доступ к зеркалу. Наличие наклеек на теле не вызывало кинестетических раздражений у птиц. Однако, когда птицы с цветными наклейками увидели себя в зеркале, они принялись царапать горло — явный признак того, что они распознали изображение в зеркале как свое собственное. Те птицы, которые получили черную наклейку, невидимую на черных перьях шеи, не реагировали подобным образом.

Все вышеперечисленные факты свидетельствовали в пользу гипотезы о том, что способность к самоузнаванию в зеркале говорит о высоком уровне эволюционного развития психики животного: о способности к обобщению и абстрагированию. Таким образом, данный критерий стал использоваться для выделения особой группы животных, чья психика максимально приближена к сознанию человека. Многие животные показали отрицательный результат по тесту на самоузнавание в зеркале, в их числе: гиббоны (Suddendorf, Collier-Baker, 2009), макаки (Ma et al., 2015), колобусы (Shaffer, Renner, 2002), капуцины (Ma et al., 2015), бабуины (Ibid.), тамарины (Hauser et al., 2001), морские львы (Delfour, Marten, 2001), гигантские панды (Ma et al., 2015), галки (Soler et al., 2014), большие синицы (Kraft et al., 2017) и осьминоги (Mather, Kuba, 2013). Некоторые животные способны использовать зеркало для обнаружения спрятанных объектов, видимых только в отражении, например, свиньи (Vroom et al., 2009). Считается, что эта способность является своего рода ступенью, предшествующей самоузнаванию в зеркале (Povinelli, 1989).

Недавно были получены факты самоузнавания в зеркале рыбы губаначистильщика (Kohda et al., 2019). Исследователи поймали 10 диких губанов и поместили их в отдельные резервуары, которые были оснащены зеркалами. Вначале рыбы вели себя агрессивно в отношении собственных зеркальных отражений, что позволило предположить, что они могли рассматривать свое отражение как другую особь своего вида. Затем рыбы начали подходить к

своему отражению по-разному, например, подплывать к нему, перевернувшись брюхом вверх. Это было расценено как проверка, совершаемая рыбой с целью выявить, движется ли отражение точно так же, как она сама, или иначе. После того как рыбы познакомились с зеркалами, исследователи ввели безвредный коричневый гель под кожу рыбы. Некоторые из этих инъекций находились в таких местах, которые недоступны наблюдению без использования зеркала, например на горле. Рыбы, вероятно, идентифицировали цветные метки в качестве паразитов и начинали использовать любые поверхности вокруг, чтобы соскрести эти метки со своего тела. Это свидетельствует о том, что рыбы распознали собственное отражение с отметкой в зеркале как себя. Когда на рыбах имелась цветная метка, но зеркало отсутствовало, они не пытались соскоблить ее. То же самое наблюдалось в ситуациях, когда рыбам вводили прозрачный гель.

Обнаружение факта самоузнавания в зеркале у рыбы-чистильщика произвело эффект разорвавшейся бомбы в сообществе исследователей эволюционных предпосылок самосознания человека. Дело в том, что к настоящему моменту сложилось устойчивое представление, что способность узнавать себя в зеркале тесно связана с нашей способностью понимать других, стало быть, с социальной природой сознания (Krachun et al., 2019). Для ряда исследователей крайне сложно было допустить, что рыба-чистильщик находится на том же уровне развития самосознания, что и человекообразные обезьяны (Kohda et al., 2019). В качестве альтернативы самоузнаванию высказывались аргументы, что рыба, осуществляющая скребущие движения, может пытаться манипулировать другой рыбой, которую она хочет очистить, или же продемонстрировать другой рыбе, что у нее имеется паразит на теле (Ibid.). С другой стороны, авторы высказывают сомнения в том, что способность к самоузнаванию в зеркале является критерием высокого уровня развития самосознания (Ibid.).

Следует отметить, что рыбы-чистильщики не единственные представители с гипотетически «низким уровнем организации психики», обнаружившие способность к самоузнаванию. В 2015 г. была опубликована статья, в которой сообщалось, что три вида муравьев (*Myrmica sabuleti*, *Myrmica rubra* и *Myrmica ruginodis*) прошли тест с зеркалом (Cammaerts, Cammaerts, 2015). Однако достоверность этих данных подвергается сомнению (Смирнова и др., 2019).

Тем не менее прецедент с рыбой катализировал два направления дискуссий, назревавших уже давно: методического и интерпретационного характера. Обсудим их последовательно.

Методические проблемы исследования самосознания животных

Методика диагностики самосознания с помощью метки и зеркала подвергается критике уже довольно давно. Во-первых, данную методику применяют по отношению к животным, у которых зрительная модальность не является ведущей (у большинства млекопитающих) (Coren, 2004). Во-вторых, как

животные, так и человек могут не проявлять интереса к отметинам на собственном теле, так как не распознают данную метку как что-либо ненормальное (Fox, 1982; Asendorpf et al., 1996). В-третьих, для некоторых животных может быть некомфортно смотреть на «другого» в зеркале, поскольку это провоцирует агрессию (Anderson, 1984; Couchman, 2011).

В связи с возрастающей критикой методики на самоузнавание в зеркале все больше авторов предлагают альтернативные методические приемы выявления способности к самоузнаванию. В частности, начинает исследоваться феномен распознавания собственных химических следов на окружающих объектах — так называемое обонятельное зеркало (англ. «olfactory mirror») (Gatti, 2016). К примеру, в работе 2017 г. авторы предъявляли домашним собакам канистры с различными запахами: одни канистры содержали запах их собственной мочи (обонятельное зеркало), другие — модифицированное обонятельное зеркало, где к их собственному запаху добавлялся инородный. Результаты показали, что собаки различают обонятельный образ самих себя, что выражается в большем времени обследования канистр с модифицированным запахом. Экологическая обоснованность этого представления о запахе проверялась путем представления субъектам запахов других известных или неизвестных им собак: собаки тратили больше времени на изучение запаха других собак, нежели на свой собственный. Авторы полагают, что данная методика может использоваться в качестве альтернативы самоузнавания в зеркале для тех видов, чей ведущей модальностью является обоняние, а не зрение (Horowitz, 2017).

Другим направлением исследований психического отражения индивидом самого себя является изучение феномена схемы тела. При ориентации в окружающем пространстве для осуществления локомоции и манипуляции животным необходимо учитывать физические характеристики собственного тела: границы, объем, массу — и соотносить их с физическими характеристиками внешних объектов. Схема тела — это модель собственного тела как единого целого, включающая также совокупность представлений о физических характеристиках своего тела (его границах, весе, плотности и т.д.) и его отдельных частей, позволяющая осуществлять и планировать различные движения (Gallagher, Cole, 1995). Существует точка зрения, согласно которой схема тела («принятие себя в расчет») является филогенетически наиболее ранней ступенью развития всех прочих представлений о себе, включая самосознание (Столин, 1983).

Главным образом современные авторы изучают особенности схемы тела человека. Недавние исследования показали, что схема тела обладает высокой пластичностью и способна интегрировать в свою структуру внешние объекты, находящиеся в физическом контакте с индивидом, например орудия, используемые им (Carlson et al., 2010; Gozli, Brown, 2011; Ritchie, Carlson, 2013; Costantini, Haggard, 2007; Garbarinia et al., 2015; Moeller et al., 2016; Meraz et al., 2018). Эти факты согласуются с идеей рассмотрения орудия как зонда (Леонтьев, 2005; Тхостов, 2002). Сообразно изменению схемы тела происходит и модификация субъективного восприятия окружающей реальности

(Costantini et al., 2007). Лишь отдельные исследования посвящены изучению особенностей схемы тела приматов (Maravita, Iriki, 2004; Johnson-Frey, 2004). Схема тела представителей других видов позвоночных не исследовалась. К сожалению, в большинстве случаев авторы не связывают феномен схемы тела с вопросом эволюции самосознания, не рассматривают схему тела в качестве эволюционно наиболее ранней формы самосознания. Между тем исследование способности различных животных учитывать физические параметры своего тела представляется весьма перспективным в связи с вышеуказанными ограничениями mirror-test.

Относительно недавно исследователи начали уделять внимание феномену осознания своего тела (англ. «body-awareness») — способности животных учитывать отношения собственного тела с объектами окружающей среды и воспринимать свое тело в качестве препятствия для решения различных задач. Существуют свидетельства того, как различные животные в естественных условиях учитывают свое тело целиком или отдельные его части при преодолении препятствий. Ряд авторов полагают, что эта способность уже является признаком самосознания (Shettleworth, 1998). В исследовании 2017 г. (Dale, Plotnik, 2017) азиатские слоны (*Elephas maximus*) должны были наступить на коврик и взять палку, прикрепленную к нему веревкой, а затем передать эту палку экспериментатору. Чтобы сделать последнее, слоны должны были воспринять (осознать) свое тело в качестве препятствия на пути к успеху и сначала убрать свой вес с мата, прежде чем пытаться перенести палку. Слоны сходили с мата в тесте значительно чаще, чем в контрольной группе, где сходить с мата не было нужно.

Аналогичное исследование проводилось на детях 18–24 месяцев. Авторы применили целую батарею методик для изучения способности детей осознать свое тело. Задача на выбор двери, в которой ребенок должен был выбрать одно из двух отверстий (проницаемое и непроницаемое для его тела), чтобы добраться до родителя с другой стороны. Задача с коляской, в которой ребенок должен был осознать, что его собственное тело, расположенное на одеяле, является препятствием для передвижения коляски, к оси которой данное одеяло было прикреплено. В третьей задаче ребенку необходимо было сойти с коврика для того, чтобы передать его экспериментатору. В среднем дети разных возрастов совершали 2.5 ошибки в ходе решения данных задач (Brownell et al., 2007).

В ходе наших исследований, проводившихся с 2004 г., мы изучали феномен body-awareness у различных видов животных (Хватов, 2011; Хватов и др., 2016а, 2016б; Хватов, Желанкин, 2018; Khvatov et al., 2019). Животные решали задачу на соотнесение границ собственного тела с размерами отверстий в экспериментальной установке для проникновения в определенный отсек. Независимыми переменными в экспериментах являлись: границы тела животного; границы объектов внешней среды — диаметр отверстий в экспериментальной установке. Границы тела животных увеличивались различными способами. У змей это достигалось путем скармливания им пищевых объектов (крыс различного возраста) (Khvatov et al., 2019). У остальных животных это

достигалось путем крепления на их тело различных инородных объектов: с помощью приклеивания (тараканы, сцинки) (Хватов, 2011; Хватов и др., 2016а), с помощью надевания попоны (жабы) (Хватов, Желанкин, 2018), с помощью внедрения в череп (крысы) (Хватов и др., 2016б). Результаты экспериментов показывают, что способность учитывать физические границы собственного тела, а также гибкость изменения поведения в зависимости от введения различных экспериментальных переменных могут использоваться в качестве сравнительного критерия для анализа уровня эволюционного развития психики животных. Здесь мы не будем более подробно освещать данные исследования, отметим лишь, что предложенная нами методика является перспективной альтернативой как для классического самоузнавания в зеркале, так и для обонятельного зеркала. Это обусловлено тем, что, на наш взгляд, способность учитывать физические границы, как и в целом физические параметры собственного тела в ходе взаимодействия с внешними объектами, является более универсальной (актуальной для жизнедеятельности большинства видов животных), нежели абстрагированное представление собственного визуального образа или узнавание собственного запаха. Однако и данная методика имеет существенные ограничения: она применима преимущественно к видам, для которых экологично решать задачу на проникновение (например, в укрытие), и малоприменима к видам, перемещающимся на больших открытых пространствах (лошади).

Таким образом, на настоящий момент существует несколько альтернативных взаимодополняющих методик исследования самосознания у животных. Накоплен достаточно богатый эмпирический материал об особенностях самосознания различных видов животных. Однако полученные данные столь разнообразны и противоречивы (в первую очередь это определяется разнообразием самих методических подходов), что главной проблемой является их непротиворечивая интеграция и интерпретация.

Проблемы интерпретации результатов исследований самосознания животных

Некоторые авторы высказывают сомнение в том, действительно ли самоузнавание в зеркале свидетельствует о самосознании (Asendorpf et al., 1996). Франс Де Вааль высказывает предположение, что самосознание как в фило-, так и в онтогенезе формируется поступенно — слой за слоем. Поэтому имеет смысл говорить не о наличии или отсутствии, а о степени развития самосознания. Для оценки развития самосознания следует развивать и применять комплексы тестов (De Waal, 2019).

На наш взгляд, обсуждаемая проблема может быть разделена на два вопроса:

1. В какой мере и в какой форме животным различных видов необходимо принимать себя (собственное тело) в расчет?
2. Следует ли способность различных животных принимать себя в расчет считать самосознанием или же самосознание является специфичным именно для человеческой психики?

При ориентации в окружающем пространстве для осуществления локомоции и манипуляции животным необходимо учитывать физические характеристики собственного тела (границы, объем, массу) и соотносить их с физическими характеристиками внешних объектов. Иначе говоря, животным необходимо принимать себя в расчет (Столин, 1983). Данный тезис прекрасно обосновывается активно развиваемой в современной мировой психологии концепцией «Воплощенного познания» (англ. «Embodied cognition») (Varela et al., 1991). Базовым положением данной концепции является тезис о том, что психика вызревает, существует и развивается как результат взаимодействия целостного физического тела (а не только мозга или нервной системы) с физическими объектами во внешней среде — сюда же относятся и социальные контакты. В частности, это означает, что познание укоренено в среде — разворачивается в контексте окружающего мира; автономное (оторванное от окружающей среды) познание основывается на телесном опыте индивида (Wilson, 2002).

Близким направлением, развиваемым в рамках отечественной психологии, является онтологический подход (Барабанщиков, 2002), в рамках которого психика рассматривается как результат со-бытия организма и внешней среды. В структуре целостного психического образа могут быть условно выделены: отражение субъектом самого себя и отражение объектов внешней среды. Субъективное представление себя мы обозначали термином «самоотражение» — субъективное представление живым организмом любых собственных характеристик (в первую очередь характеристик собственного тела), необходимых ему для психической регуляции собственного взаимодействия с внешним миром. Любой организм, обладающий психикой, наделен также и самоотражением, специфика которого обусловлена особенностями его морфологии, экологии и потребностей.

Мы полагаем, что вышеописанными особенностями и обусловлены различия в прохождении различных тестов на самосознание. Так, в возрасте 18 месяцев половина детей узнает себя в зеркале (Lewis, 1979). Дельфины же узнают себя уже в возрасте 7 месяцев (Morrison, Reiss, 2018). Большинство млекопитающих показывают отрицательный результат по тесту с зеркалом (Gallup, Anderson, 2018). С другой стороны, при решении задачи на соотнесение физических границ своего тела с объектами окружающей среды дети 18–24 месяцев совершают в среднем 2.5 ошибки (Brownell et al., 2007). Крысы же при решении аналогичной задачи вовсе не совершают ошибок (Хватов и др., 2016б). Эти различия в особенностях самоотражения животных разных видов, очевидно, обусловлены различиями тех задач, которые являются экологичными для этих животных.

Другой принципиальный вопрос: допустимо ли все эти различия в самоотражении животных различных видов рассматривать в качестве уровней развития самосознания? На наш взгляд, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Все эти особенности свидетельствуют о различных направлениях эволюции психики различных животных, образующих не сплошную линию, а скорее древо возможных форм самоотражения, каждая из которых наилучшим

образом «заточена» под те поведенческие задачи, которые решает конкретный вид. Человеческое самосознание также является одной из форм самоотражения — подчеркиваем, не высшей формой, а специфической для человека формой, возникшей сообразно специфике человеческого поведения и деятельности. Обоснуем данный тезис.

В сущности, такое обоснование уже было дано классиками советской психологии, понимавшими сознание как особую форму психики, обслуживающую специфический для человека вид деятельности — труд, предполагающий разделение функций между разными участниками таким образом, чтобы каждый из них открывал для себя смысл своей промежуточной цели как ее отношение к конечному мотиву, преследуемому всеми участниками (Леонтьев, 1981). Такое понимание сознания как сложного психического феномена, предложенное Леонтьевым, может быть операционализировано через целый ряд отдельных критериев-модулей. К их числу, судя по основным направлениям исследований в современной эволюционной психологии, следует отнести следующие: эпизодическую память (Tulving, 2002), модель психического (Premack, Woodruff, 1978), язык (Fitch, 2011), волевой контроль для получения отложенного удовольствия (англ. «delayed gratification») (Ethan et al., 2011), мораль и нравственность (Green, 2004), а также самосознание и Я-концепцию (Столин, 1983). В каждом из этих аспектов проявляется суть человеческого сознания, однако только при условии наличия всей системы сознания, т.е. при наличии всех других связанных между собой элементов. В отдельности каждый из этих модулей встречается в психике различных видов животных. Таковы модули эпизодической памяти (Correia et al., 2007; Fugazza et al., 2016), модели психического (Premack, Woodruff, 1978; Ristau, 1991; Horowitz, 2008; Bugnyar et al., 2015), использования языков-посредников (Зорина, Смирнова, 2006), волевого контроля получения отложенного удовольствия (Stevens et al., 2005; Kalenscher, 2007; Hillemann et al., 2014). При этом присутствие одного или даже нескольких из них еще не свидетельствует о наличии сознания у данных видов. Аналогично дело обстоит и с самоузнаванием в зеркале, обонятельным зеркалом или учетом физических свойств своего тела: в отрыве от других признаков эти феномены не свидетельствуют о наличии самосознания (как и сознания в целом), но лишь позволяют судить об особенностях самоотражения конкретного вида.

Заключение

На настоящий момент существует достаточно много различных подходов к изучению специфики того, как животные представляют себя самих, — специфики их самоотражения. Однако ни одна из этих методик не позволяет изучать самосознание, так как последнее является частью системы сознания и не существует в отсутствие других элементов, объединенных ради регуляции совместной трудовой деятельности. Таким образом, перспективной задачей является создание концепции, комплексно объясняющей предпосылки возникновения самосознания, а также в целом ход эволюции самоотражения

(восприятия индивидом самого себя). Это имеет принципиальное значение как для сравнительной и эволюционной психологии, так и для общей психологии в целом.

Литература

- Барабанчиков, В. А. (2002). *Восприятие и событие*. СПб.: Питер.
- Зорина, З. А., Полетаева, И. И. (2003). *Зоопсихология: элементарное мышление животных: Учебное пособие для вузов*. М.: Аспект Пресс.
- Зорина, З. А., Смирнова, А. А. (2006). *О чем рассказали «говорящие» обезьяны?* М.: Языки славянских культур.
- Леонтьев, А. Н. (1981). *Проблемы развития психики* (4-е изд.). М.: Изд-во Московского университета.
- Леонтьев, А. Н. (2005). *Деятельность. Сознание. Личность*. М.: Смысл.
- Смирнова, А. А., Калашникова, Ю. А., Самулеева, М. В., Зорина, З. А. (2019). Оценка способности серых воронов (*Corvus cornix*) узнавать свое отражение в зеркале. *Зоологический журнал*, 98(11), 1223–1232.
- Столин, В. В. (1983). *Самосознание личности*. М.: Изд-во Московского университета.
- Тхостов, А. Ш. (2002). *Психология телесности*. М.: Смысл.
- Фабри, К. Э. (2004). *Основы зоопсихологии* (3-е изд.). М.: УМК «Психология».
- Филиппова, Г. Г. (2012). *Зоопсихология и сравнительная психология*. М.: Академия.
- Хант, Г. Т. (2004). *О природе сознания. С когнитивной, феноменологической и трансперсональной точек зрения*. М.: Изд-во АСТ.
- Хватов, И. А. (2011). Специфика самоотражения у вида *Periplaneta americana*. *Экспериментальная психология*, 4(1), 28–39.
- Хватов, И. А., Желанкин, Р. В. (2018). Особенности научения жаб *Bufo viridis* в поведении, требующем учета границ собственного тела. *Экспериментальная психология*, 11(4), 5–16. doi:10.17759/exppsy.2018110401
- Хватов, И. А., Соколов, А. Ю., Харитонов, А. Н. (2016, а). Учет границ собственного тела сцинками *Tiliqua gigas*. *Экспериментальная психология*, 9(3), 54–71. doi:10.17759/exppsy.2016090305
- Хватов, И. А., Соколов, А. Ю., Харитонов, А. Н., Куличенкова, К. Н. (2016, б). Схема собственного тела у грызунов (на примере крыс *Rattus norvegicus*). *Экспериментальная психология*, 9(1), 112–130. doi:10.17759/exppsy.2016090109

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Хватов Иван Александрович — заведующий кафедрой, кафедра общей психологии; заведующий научно-образовательным центром биопсихологических исследований, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», кандидат психологических наук. Сфера научных интересов: зоопсихология, сравнительная психология, эволюционная психология, этология.
Контакты: ittkrot1@gmail.com

Methodological and Theoretical Issues of Studying the Evolution of Human and Animal Self-Consciousness

I.A. Khvatov^a

^a *Moscow Institute of Psychoanalysis, 34 build. 14 Kutuzovsky Prospekt, 121170, Moscow, Russian Federation*

Abstract

Self-awareness is the ability of a subject to discriminate itself from other subjects and the external world as a whole. Self-awareness is a key component of consciousness, the latter being the highest level of phylogenetic and ontogenetic development of the mind. Traditionally, the technique of self-recognition in the mirror is used to study the preconditions of self-awareness in animals. For a long time it has been an almost common belief that the ability of self-awareness is closely related to the ability to understand others, and therefore, to the social nature of consciousness. However, recent empirical evidence suggests that this ability may be discovered in the animals with qualitatively different mind and life activities than humans and species that are systematically close to humans. We describe our specific approach to the study of the self-awareness phenomenon. Basing on generalization of a number of data we conclude that any animals take into account the characteristics of their bodies when regulating their behavior. In order to avoid terminological confusion, we use the term self-reflexion to denote this phenomenon. The author also highlights the main trends in the evolution of self-reflexion.

Keywords: self-awareness, self-reflexion, evolution of the mind, consciousness, body schemata, mirror self-recognition.

References

- Allen, M., & Schwartz, B. L. (2008). Mirror self-recognition in a Gorilla (*Gorilla gorilla gorilla*). *Journal of Integrated BioSciences*, 5, 19–24. doi:10.1037/e603982013-032.
- Anderson, J. R. (1984). Monkeys with mirrors: Some questions for primate psychology. *International Journal of Primatology*, 5(1), 81–98. doi:10.1007/bf02735149
- Asendorpf, J. B., Warkentin, V., & Baudonniere, P.-M. (1996). Self-awareness and Other-awareness II: Mirror Self-recognition, social contingency awareness, and synchronic imitation. *Developmental Psychology*, 32(2), 313–321. doi:10.1037/0012-1649.32.2.313.
- Barabanshchikov, V. A. (2002). *Vospriyatiye i sobytiye* [Perception and event]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Broom, D. M., Sena, H., & Moynihan, K. L. (2009). Pigs learn what a mirror image represents and use it to obtain information. *Animal Behaviour*, 78(5), 1037–1041. doi:10.1016/j.anbehav.2009.07.027
- Brownell, C. A., Zerwas, S., & Ramani, G. B. (2007). “So big”: The development of body Self-awareness in toddlers. *Child Development*, 78(5), 1426–1440. doi:10.1111/j.1467-8624.2007.01075.x
- Bugnyar, T., Reber, S. A., & Buckner, C. (2015). Ravens attribute visual access to unseen competitors. *Nature Communications*, 7, 10506. doi:10.1038/ncomms10506

- Burghardt, G. M. (1985). Animal awareness: Current perceptions and historical perspective. *American Psychologist*, *40*(8), 905–919.
- Cammaerts, M.-C., & Cammaerts, R. (2015). Are ants (Hymenoptera, Formicidae) capable of self recognition? *Journal of Science*, *5*(7), 521–532.
- Campbell, J. (1995). The body image and self-consciousness. In J. L. Bermúdez, A. J. Marcel, & N. Eilan (Eds.), *The body and the self* (pp. 29–42). Cambridge, MA: The MIT Press.
- Carlson, T., Alvarez, G., Wu, D.-W., & Verstraten, F. A. J. (2010). Rapid assimilation of external objects into the body schema. *Psychological Science*, *21*(7), 1000–1005. doi:10.1177/0956797610371962
- Coren, S. (2004). *How dogs think: Understanding the Canine mind*. New York: Free Press.
- Correia, S. P., Dickinson, A., & Clayton, N. S. (2007). Western scrub-jays anticipate future needs independently of their current motivational state. *Current Biology*, *17*(10), 856–861. doi:10.1016/j.cub.2007.03.063
- Costantini, M., & Haggard, P. (2007). The rubber hand illusion: sensitivity and reference frame for body ownership. *Consciousness and Cognition*, *16*(2), 229–240. doi:10.1016/j.concog.2007.01.001
- Couchman, J. J. (2011). Self-agency in rhesus monkeys. *Biology Letters*, *8*(1), 39–41. doi:10.1098/rsbl.2011.0536
- Dale, R., & Plotnik, J. M. (2017). Elephants know when their bodies are obstacles to success in a novel transfer task. *Scientific Reports*, *7*, 46309. doi:10.1038/srep46309
- De Waal, F. B. M. (2019). Fish, mirrors, and a gradualist perspective on self-awareness. *PLoS Biology*, *17*(2), e3000112. doi:10.1371/journal.pbio.3000112
- Delfour, F., & Marten, K. (2001). Mirror image processing in three marine mammal species: Killer whales (*Orcinus orca*), false killer whales (*Pseudorca crassidens*) and California sea lions (*Zalophus californianus*). *Behavioural Processes*, *53*(3), 181–190. doi:10.1016/s0376-6357(01)00134-6
- Ethan, K., Walter, M., & Yichi, Sh. (2011). “Enabling Self-control”. In J. E. Maddux & J. P. Tangney (Eds.), *Social psychological foundations of clinical psychology* (pp. 375–394). Guilford Press. ISBN 978-1-60623-689-5
- Fabri, K. E. (2004). *Osnovy zoopsikhologii* [The basics of animal psychology] (3rd ed.). Moscow: UMK “Psikhologiya”. (in Russian)
- Ferris, J. (2012). Self-awareness with a simple brain. *Scientific American Mind*, *23*(5), 28–29. doi:10.1038/scientificamericanmind1112-28
- Filippova, G. G. (2012). *Zoopsikhologiya i sravnitel'naya psikhologiya* [Animal psychology and comparative psychology]. Moscow: Akademiya. (in Russian)
- Fitch, W. T. (2011). Unity and diversity in human language. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological Sciences*, *366*(1563), 376–388. doi:10.1098/rstb.2010.0223
- Fox, M. (1982). Are most animals «mindless automatons»? A reply to Gordon G. Gallup. *American Journal of Primatology*, *3*, 341–343.
- Frackowiak, R. S. J., & Mazziotta, J. C. (Eds.). (1997). *Human brain function*. Academic Press Inc.
- Fugazza, C., Pogány, B., & Miklysi, B. (2016). Recall of Others' actions after incidental encoding reveals episodic-like memory in dogs. *Current Biology*, *26*(23), 3209–3213. doi:10.1016/j.cub.2016.09.057
- Gallagher, S., & Cole, J. (1995). Body schema and body image in a deafferented subject. *Journal of Mind and Behavior*, *16*, 369–390.
- Gallup, G. G. Jr. (1970). Chimpanzees: Self recognition. *Science*, *167*(3914), 86–87. doi:10.1126/science.167.3914.86

- Gallup, G. G. Jr., & Anderson, J. R. (2018). The “olfactory mirror” and other recent attempts to demonstrate self-recognition in non-primate species. *Behavioural Processes*, *148*, 16–19. doi:10.1016/j.beproc.2017.12.010
- Gallup, G. G. Jr., & Anderson, J. R. (2020). Self-recognition in animals: Where do we stand 50 years later? Lessons from cleaner wrasse and other species. *Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice*, *7*, 46–58.
- Garbarinia, F., Fossataro, C., Bertia, A., Gindria, P., Romanod, D., Piaa, L., ... Neppi-Modona, M. (2015). When your arm becomes mine: Pathological embodiment of alien limbs using tools modulates own body representation. *Neuropsychologia*, *70*, 402–413. doi:10.1016/j.neuropsychologia.2014.11.008
- Gatti, R. C. (2016). Self-consciousness: beyond the looking-glass and what dogs found there. *Ethology Ecology and Evolution*, *28*(2), 232–240. doi:10.1080/03949370.2015.1102777
- Gozli, D. G., & Brown, L. E. (2011). Agency and control for the integration of a virtual tool into the peripersonal space. *Perception*, *40*(11), 1309–1319.
- Green, C. (2004). *Letters from exile: Observations on a culture in decline*. Oxford, UK: Oxford Forum.
- Hauser, M., Miller, C., Liu, K., & Gupta, R. (2001). Cotton top tamarins (*Saguinus oedipus*) fail to show mirror guided self exploration. *American Journal of Primatology*, *137*, 131–137. doi:10.1002/1098-2345(200103)53:3<131::AID-AJP4>3.0.CO;2-X
- Hillemann, F., Bugnyar, T., Kotrschal, K., & Wascher, C. A. F. (2014). Waiting for better, not for more: Corvids respond to quality in two delay maintenance tasks. *Animal Behaviour*, *90*, 1–10. doi:10.1016/j.anbehav.2014.01.007
- Horowitz, A. (2008). Attention to attention in domestic dog (*Canis familiaris*) dyadic play. *Animal Cognition*, *12*(1), 107–118. doi:10.1007/s10071-008-0175-y
- Horowitz, A. (2017). Smelling themselves: Dogs investigate their own odours longer when modified in an “olfactory mirror” test August. *Behavioural Processes*, *143*, 17–24. doi:10.1016/j.beproc.2017.08.001
- Hunt, H. T. (2004). *O prirode soznaniya. S kognitivnoy, fenomenologicheskoy i transpersonal'noy tochek zreniya* [On the nature of consciousness: Cognitive, phenomenological and transpersonal perspectives]. Moscow: AST. (in Russian; transl. of: Hunt, H. (1995). *On the nature of consciousness: Cognitive, phenomenological and transpersonal perspectives*. New Haven, CT: Yale University Press.)
- Johnson-Frey, S. (2004). The neural bases of complex tool use in humans. *Trends in Cognitive Sciences*, *8*(2), 71–78. doi:10.1016/j.tics.2003.12.002
- Kalenscher, T. (2007). Decision making: Don't risk a delay. *Current Biology*, *17*(2), 58–61. doi:10.1016/j.cub.2006.12.016
- Khvatov, I. A. (2011). Specific self-reflexion in cockroach *Periplaneta Americana*. *Experimental Psychology (Russia)*, *4*(1), 28–39. (in Russian)
- Khvatov, I. A., Sokolov, A. Yu., & Kharitonov, A. N. (2019). Snakes *Elaphe radiata* may acquire awareness of their body limits when trying to hide in a shelter. *Behavioral Sciences*, *9*, 67. doi:10.3390/bs9070067
- Khvatov, I. A., Sokolov, A. Yu., & Kharitonov, A. N. (2016, a). Modifying body schemata in skinks *Tiliqua gigas*. *Experimental Psychology (Russia)*, *9*(3), 54–71. doi:10.17759/exppsy.2016090305 (in Russian)
- Khvatov, I. A., Sokolov, A. Yu., Kharitonov, A. N., & Kulichenkova, K. N. (2016, b). Body scheme in rats *Rattus norvegicus*. *Experimental Psychology (Russia)*, *9*(1), 112–130. doi:10.17759/exppsy.2016090109 (in Russian)

- Khvatov, I. A., & Zhelankin, R. V. (2018). Features of learning in toads *Bufo viridis* during behavior that requires taking into account the limits of their own bodies. *Experimental Psychology (Russia)*, *11*(4), 5–16. doi:10.17759/exppsy.2018110401 (in Russian)
- Kohda, M., Hotta, T., Takeyama, T., Awata, S., Tanaka, H., & Asai, J.-y. (2019). If a fish can pass the mark test, what are the implications for consciousness and self-awareness testing in animals? *PLoS Biology*, *17*(2), e3000021. doi:10.1371/journal.pbio.3000021
- Krachun, C., Lurz, R., Mahovetz, L., & Hopkins, W. D. (2019). Mirror self-recognition and its relationship to social cognition in chimpanzees. *Animal Cognition*, *22*(6), 1171–1183. doi:10.1007/s10071-019-01309-7.
- Kraft, F. L., Forštová, T., Utku Urhan, A., Exnerová, A., & Brodin, A. (2017). No evidence for self-recognition in a small passerine, the great tit (*Parus major*) judged from the mark/mirror test. *Animal Cognition*, *20*(6), 1049–1057. doi:10.1007/s10071-017-1121-7
- Leontiev, A. N. (1981). *Problemy razvitiya psikhiki* [Problems of development of the mind] (4th ed.). Moscow: Moscow University Press. (in Russian)
- Leontiev, A. N. (2005). *Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl. (in Russian)
- Lewis, M. (1979). *Social cognition and the acquisition of self*. New York: Plenum Press.
- Ma, X., Jin, Y., Luo, B., Zhang, G., Wei, R., & Liu, D. (2015). Giant pandas failed to show mirror self-recognition. *Animal Cognition*, *18*(3), 713–721. doi:10.1007/s10071-015-0838-4
- Maravita, A., & Iriki, A. (2004). Tools for the body (schema). *Trends in Cognitive Sciences*, *8*(2), 79–86.
- Mather, J. A., & Kuba, M. J. (2013). The cephalopod specialties: complex nervous system, learning, and cognition. *Canadian Journal of Zoology*, *91*(6), 431–449. doi:10.1139/cjz-2013-0009
- Meraz, N. S., Sobajima, M., Aoyama, T., & Hasegawa, Y. (2018). Modification of body schema by use of extra robotic thumb. *ROBOMECH Journal*, *5*, 3 (2018). doi:10.1186/s40648-018-0100-3
- Moeller, B., Zoppke, H., & Frings, C. (2016). What a car does to your perception: Distance evaluations differ from within and outside of a car. *Psychonomic Bulletin and Review*, *23*(3), 781–788. doi:10.3758/s13423-015-0954-9
- Morrison, R., & Reiss, D. (2018). Precocious development of self-awareness in dolphins. *PLoS ONE*. doi:10.1371/journal.pone.0189813
- Plotnik, J. M., De Waal, F. B. M., & Reiss, D. (2006). Self-recognition in an Asian elephant. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *103*(45), 17053–17057. doi:10.1073/pnas.0608062103
- Povinelli, D. J. (1989). Failure to find self-recognition in asian elephants (*Elephas maximus*) in contrast to their use of mirror cues to discover hidden food. *Journal of Comparative Psychology*, *103*(2), 122–131.
- Povinelli, D. J., Rulf, A. B., Landau, K. R., & Bierschwale, D. T. (1993). Self-recognition in chimpanzees (*Pan troglodytes*): distribution, ontogeny, and patterns of emergence. *Journal of Comparative Psychology*, *107*(4), 347–372. doi:10.1037/0735-7036.107.4.347
- Premack, D., & Woodruff, G. (1978). Does the chimpanzee have a theory of mind? *Behavioral and Brain Sciences*, *1*(4), 515–526. doi:10.1017/S0140525X00076512
- Prior, H., Schwarz, A., & Güntürkün, O. (2008). Mirror-induced behavior in the magpie (*Pica pica*): Evidence of self-recognition. *PLoS Biology*, *6*(8), e202. doi:10.1371/journal.pbio.0060202
- Reiss, D., & Marino, L. (2001). Mirror self-recognition in the bottlenose dolphin: A case of cognitive convergence. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, *98*(10), 5937–5942. doi:10.1073/pnas.101086398

- Ristau, C. A. (1991). "Aspects of the cognitive ethology of an injury-feigning bird, the piping plovers". In A. C. A. Ristau (Ed.). *Cognitive ethology: Essays in honor of Donald R. Griffin* (pp. 91–126). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Ritchie, J. B., & Carlson, T. A. (2013). Tool integration and dynamic touch. *Psychological Science*, 24(6), 1066–1068. doi:10.1177/0956797612459768
- Shaffer, V. A., & Renner, M. J. (2002). Black and white colobus monkeys (*Colobus guereza*) do not show mirror self-recognition. *International Journal of Comparative Psychology*, 13, 154–159.
- Shettleworth, S. J. (1998). *Cognition, evolution and behavior*. New York: Oxford University Press.
- Smirnova, A. A., Kalashnikova, Yu. A., Samuleeva, M. V., & Zorina, Z. A. (2019). Evaluating the capability of self-recognition in the mirror by hooded crows (*Corvus cornix*). *Zoologicheskii Zhurnal*, 98(11), 1223–1232. (in Russian)
- Soler, M., Pérez-Contreras, T., & Peralta-Sánchez, J. M. (2014). Mirror-mark tests performed on jackdaws reveal potential methodological problems in the use of stickers in avian mark-test studies. *PLoS ONE*, 9(1), e86193. doi:10.1371/journal.pone.0086193
- Stevens, J. R., Rosati, A. G., Ross, K. R., & Hauser, M. D. (2005). Will travel for food: Spatial discounting in two New World monkeys. *Current Biology*, 15(20), 1855–1860. doi:10.1016/j.cub.2005.09.016
- Stolin, V. V. (1983). *Samosoznanie lichnosti* [Self-identity]. Moscow: Moscow University Press. (in Russian)
- Suárez, S. D., & Gallup, G. G. Jr. (1981). Self-recognition in chimpanzees and orangutans, but not gorillas. *Journal of Human Evolution*, 10(2), 175–188. doi:10.1016/s0047-2484(81)80016-4
- Suddendorf, T., & Collier-Baker, E. (2009). The evolution of primate visual self-recognition: Evidence of absence in lesser apes. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 276(1662), 1671–1677. doi:10.1098/rspb.2008.1754
- Tkhostov, A. Sh. (2002). *Psikhologiya telesnosti* [The psychology of corporeality]. Moscow: Smysl. (in Russian)
- Tulving, E. (2002). Episodic memory: from mind to brain. *Annual Review of Psychology*, 53, 1–25. doi:10.1146/annurev.psych.53.100901.135114
- Varela, F. J., Thompson, E. T., & Rosch, E. (1991). *The embodied mind: Cognitive science and human experience*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Wilson, M. (2002). Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin and Review*, 9(4), 625–636. doi:10.3758/BF03196322
- Zorina, Z. A., & Poletayeva, I. I. (2003). *Zoopsikhologiya: elementarnoye myshleniye zhivotnykh* [Animal psychology: Elementary animal thinking]. Moscow: Aspekt Press. (in Russian)
- Zorina, Z. A., & Smirnova, A. A. (2006). *O chem rasskazali "govoryashchiye" obez'yany?* [What did the "talking" monkeys tell us about?] Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (in Russian)

Ivan A. Khvatov — Director, Center for Biopsychological Studies, Moscow Institute of Psychoanalysis, PhD in Psychology.
Research Area: Animal psychology, comparative psychology, evolutionary psychology, ethology.
E-mail: ittkrot1@gmail.com

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ КОГНИТИВНЫХ ИСКАЖЕНИЙ В ПРОЦЕССАХ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Н.И. ЛОГИНОВ^{a,b}, А.С. АЛЕКСАНДРОВА^a

^a *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, просп. Вернадского, д. 82–84*

^b *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Когнитивные искажения, возникающие в процессе мышления и принятия решений, становятся все более обсуждаемой темой, вызывают споры и дебаты относительно психологических механизмов и теорий, лежащих в их основе. Вопросы, касающиеся рациональности принятия решений и отклонений от рациональности, возникают во многих областях жизнедеятельности и особо остро интересуют маркетологов, политиков, дизайнеров и людей, на которых лежит большая ответственность в принятии важных решений. В настоящее время в исследованиях когнитивных искажений в этих областях появляется все больше эмпирических доказательств таких отклонений, но теоретическая модель и лежащие в ее основе механизмы продолжают уточняться. Данная статья посвящена обзору наиболее перспективных тенденций в исследованиях когнитивных искажений, ориентированных на прояснение устройства психологических механизмов, лежащих в их основе. Одним из аспектов в современных трендах двухпроцессных теорий является изучение индивидуальных различий в процессе использования двух систем и, как следствие, склонности к когнитивным искажениям. Другим направлением является практическое, которое, опираясь на данные эффекты, использует их для определенных целей. В цифровой среде основанные на когнитивных искажениях приемы активно применяются дизайнерами интерфейсов. В статье приводятся приемы подталкиваний и приемы внедрения знаний и прививания компетенций, при которых с помощью изменений цифровой среды выбор пользователя может быть направлен в сторону определенной альтернативы, при этом фактического выбора его не лишают. Использование данных приемов также вызывает критические замечания по поводу их уместности и действительной эффективности, что требует дополнительных теоретических и практических изысканий в данной области.

Ключевые слова: принятие решений, двухпроцессные теории, теории двух систем, когнитивные искажения, наджинг, бустинг.

Введение

Одна из наиболее известных и масштабных исследовательских программ в области психологии принятия решений связана с работами Д. Канемана и

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

А. Тверски (Tversky, Kahneman, 1974; Kahneman et al., 1982) и посвящена изучению эвристик и когнитивных искажений. Понятие когнитивных искажений относится к широкому спектру систематических отклонений от рациональности в процессах принятия решений, основной источник которых коренится в самом устройстве познавательных процессов. Под эвристиками же в данном научном направлении понимаются психологические механизмы, позволяющие быстро принимать решения на основе ограниченного количества информации и зачастую для этого жертвующие точностью, что и приводит к целому ряду систематических ошибок (Gigerenzer, Gaissmaier, 2011). Данная линия исследований уже продемонстрировала колоссальное количество эмпирических свидетельств в пользу существования разнообразных когнитивных искажений и эвристик, лежащих в их основе (Stanovich, Toplak, West, 2008).

Однако благодаря активной популяризации поведенческой экономики и когнитивной психологии принятия решений к когнитивным искажениям стали обращаться в публичных дискуссиях для объяснения политических, религиозных и — шире — мировоззренческих позиций оппонента, что бумерангом отразилось на качестве теорий в этой области (Ariely, 2008; Kahneman, 2011). В результате это привело к постепенному размыванию границ понятия когнитивных искажений, когда к ним начали относить иллюзии зрительного восприятия и ошибки памяти, а также к стагнации в развитии теоретических представлений о природе когнитивных искажений, остающихся либо на уровне теорий двух систем, либо по поводу и без вводящих все новые сущности для объяснения — эвристики. Помимо этого, прирост исследований в этой области происходит за счет появления колоссального количества попыток найти когнитивные искажения в различных прикладных областях и справиться с ними (например: Burmeister, Schade, 2007; Blumenthal-Barby, Krieger, 2015; Zhang, Cueto, 2017).

Данная статья посвящена обзору наиболее перспективных тенденций в исследованиях когнитивных искажений, ориентированных на прояснение устройства психологических механизмов, лежащих в их основе.

Двухпроцессные теории принятия решений

В первую очередь современные тенденции в исследованиях этой области связаны с пересмотром некоторых классических теоретических построений, опирающихся на теорию двух систем мышления Д. Канемана, а также в целом на большой класс теорий, различающих два класса процессов обработки информации по разным, но, как кажется авторам, семантически схожим основаниям (Evans, Stanovich, 2013). Двухпроцессные теории в исследованиях мышления были определены в работах У. Джеймса (James, 1890) и по настоящее время являются темой для обширных дебатов и рассуждений о природе и взаимодействии двух составляющих процессов. При условном разделении процессов первый тип рассматривают как интуитивный или эвристический, а второй — как логический или аналитический. Некоторые авторы дополнительно

предполагают, что в основе этих двух типов обработки информации лежат две эволюционно различные системы мозга (Stanovich, 1986; Epstein, 1994; Evans, Over, 1996; Reber, 1993). Такие теории зачастую опираются на идею о том, что существует эволюционно более древняя и присущая всем животным форма мышления, и ей противопоставляется недавно развитая и уникальная человеческая система мышления.

Так или иначе, дебаты относительно двухпроцесных теорий в области принятия решений составляют одну из ключевых линий в развитии современных научных представлений. Наиболее строгая и полная попытка описания двухпроцесных моделей, а также проблем и возможных решений, с ними связанных, была предпринята в работе Дж. Эванса и К. Становича (Evans, Stanovich, 2013). Они предложили различать сущностные характеристики этих двух типов процессов и то, с чем эти характеристики могут коррелировать. К сущностным характеристикам были отнесены нагрузка на рабочую память (необходимая для процессов второго типа и необязательная для процессов первого), а также автономность (принудительный характер протекания процессов первого типа в присутствии соответствующих триггеров и отсутствие такой особенности у процессов второго типа). Остальные же характеристики были отнесены к коррелятам. Отдельное внимание авторы уделили разбору критических замечаний в адрес двухпроцесных моделей, указав на то, что они друг от друга отличаются довольно сильно и критиковать их в целом смысла нет.

К наиболее часто встречающимся общим критическим замечаниям в адрес двухпроцесных моделей авторы отнесли:

а) отсутствие строгих определений (Smith, DeCoster, 2000; Evans, 2003; Smith, Collins, 2009);

б) недостаток согласованности и последовательности в описании характеристик двух типов процессов (Keren, Schul, 2009);

в) наличие скорее количественных, чем качественных различий между двумя типами процессов (например, скорость переработки информации) (Newstead, 2000; Osman, 2004);

г) возможность объяснения данных, полученных в ходе экспериментальных исследований, функционированием лишь одного процесса, а не двух отдельных (Gigerenzer, Regier, 1996; Osman, 2004; Keren, Schul, 2009);

д) недостатки экспериментальных свидетельств, подтверждающих двухпроцесные теории (Kruglanski, Gigerenzer, 2011).

Однако легитимность этих критических замечаний продолжает активно обсуждаться (Thompson, Newman, 2018; Melnikoff, Bargh, 2018; Vago, De Neys, 2019; De Neys, Pennycook, 2019), авторы оспаривают аргументы друг друга. В связи с этим на данный момент затруднительно определить статус двухпроцесных и двухсистемных моделей в данной исследовательской области. Тем не менее основной прогресс ожидается именно в связи с ответом на вопрос, является ли этот вид моделей достаточно эвристически ценным для объяснения полученных фактов в исследованиях процессов принятия решений, вынесения суждений и умозаключений.

Уже сейчас можно отметить небольшой прогресс в этом направлении. В частности, Эванс и Станович (Evans, Stanovich, 2013) предложили различать два типа двухпроцессных моделей и проверять их отдельно:

а) дефолтно-интервенционистские, предполагающие, что процессы первого типа работают в режиме «по умолчанию», а процессы второго типа лишь вмешиваются при необходимости;

б) конкурентно-параллельные, опирающиеся на представления о том, что процессы первого и второго типа соревнуются друг с другом в режиме реального времени.

В современных исследованиях в основном предпочтение отдается проверкам дефолтно-интервенционистских моделей (Furley et al., 2015; Vago, De Neys, 2019), к которым относится и теория двух систем мышления Канемана.

При этом классическое представление о том, что именно Система 1 ответственна за когнитивные искажения и систематические ошибки, а Система 2 вынуждена их отслеживать и исправлять, периодически сталкивается с эмпирическим опровержением (Goldstein, Gigerenzer, 2011; Raab, Gigerenzer, 2015). Наиболее активным критиком этой идеи выступает Г. Гигеренцер, автор концепции экологической рациональности, согласно которой эвристики, на которые по мнению Канемана опирается Система 1, адаптивны по своей природе и помогают нам точно и быстро принимать столь необходимые в повседневной жизни дорефлексивные решения (Gigerenzer, Gaissmaier, 2011).

Еще одним важным направлением пересмотра представлений о природе когнитивных искажений являются исследования индивидуальных различий в склонности к когнитивным искажениям. Согласно классической точке зрения, представленной теорией двух систем Д. Канемана, возникновение когнитивных искажений связано с работой Системы 1, а возможности совладать с ними предоставляет Система 2. Однако большое количество эмпирических исследований демонстрирует, что люди могут не быть подвержены конкретным когнитивным искажениям, даже если не предпринимают каких-либо усилий для того, чтобы отслеживать их возникновение и своевременно их элиминировать (Stanovich, West, 2000).

Современные исследования в этом направлении активно ищут диспозициональные предикторы, которые определяют то, в какой степени и с какой вероятностью конкретный человек будет склонен к эффекту фрейминга или ошибке подтверждения (West, Toplak, Stanovich, 2008).

Когнитивные искажения в цифровой среде

Обсуждавшиеся выше тренды были связаны преимущественно с развитием фундаментальных исследований и с некоторым запросом на уточнение теоретических моделей. Однако, помимо этих тенденций, можно выделить также и те, что связаны в основном с запросом со стороны практики и развития современных цифровых технологий. В частности, дизайнеры, разработчики и проектировщики цифровой среды сталкиваются с необходимостью учитывать особенности восприятия, внимания и мышления людей для повышения

эффективности взаимодействия с сайтом, удовлетворенности пользователей, увеличения заинтересованности и времени, проводимого на сайте (Lee, Koubek, 2010; Lindgaard et al., 2006). В связи с развитием исследований в области поведенческой экономики и когнитивной психологии принятия решений дизайнеры обнаружили свою заинтересованность в изменениях цифровой среды, в которой происходит выбор, для направления и побуждения лиц, принимающих решение, к определенной альтернативе, при этом оставляя перед ними возможность выбора (Halpern, 2015). Данные стратегии для достижения определенных целей называются подталкиванием, или наджигом (nudging) (Thaler, Sunstein, 2008).

Подход с использованием подталкиваний основан на теории двух систем в классическом варианте. Попытки изменить поведение с помощью подталкиваний могут либо усиливать вовлечение Системы 2, либо использовать недостатки Системы 1 в виде систематических когнитивных искажений. С опорой на теории двух систем и исследования эвристик в принятии решений развивались вопросы о том, как внешняя среда и контекст выбора влияют на реализуемый выбор (Lichtenstein, Slovic, 2006). К. Санстейн (2019) выделил основные типы подталкивания, которые уже используются в цифровом пространстве для изменения тенденции при выборе:

- 1) значения по умолчанию, когда более предпочтительный вариант выбран автоматически и требуются усилия, чтобы выбрать иной вариант;
- 2) упрощение сложных документов до ключевых моментов;
- 3) напоминания об оплатах, важных событиях, специальных предложениях;
- 4) вопросы по поводу намерений;
- 5) привлечение мнений других людей и апелляции к социальным нормам;
- 6) повышение простоты и удобства для выбора определенных альтернатив;
- 7) приведение статистических данных в понятной форме;
- 8) предупреждения о последствиях;
- 9) предоставление информации о предыдущих решениях и их последствиях.

Подталкивания по своему замыслу как приемы основаны на когнитивных искажениях и стилистических особенностях принятия решений. Чаще всего в работах, посвященных подталкиваниям, можно встретить следующие когнитивные искажения:

- Эффект фрейминга (Tversky, Kahneman, 1986), который заключается в том, что результат выбора зависит от представления выбора как вопроса о выигрыше или о проигрыше (Liu et al., 2019).

- Избегание потерь (Tversky, Kahneman, 1991), которое заключается в том, что потери кажутся субъективно большими и менее предпочтительными, чем объективно равные им по ценности выгоды. На сайтах, рекламирующих предлагаемый товар, используется прием формулирования информации в терминах угрозы потерять выгодное предложение. Например, изображен счетчик времени, указывающий на длительность краткого периода и показывающий, как истекает время предложения. Другой пример — информация о спросе на

товар, о количестве купленных товаров за конкретный промежуток времени, так как повышенный спрос и ограничения по времени формулируют задачу в терминах потерь, которые может нести покупатель, если не воспользуется предложением как можно быстрее (Stryja, Satzger, 2019).

- Эффект обладания, заключающийся в том, что человек больше ценит те вещи, которыми уже владеет, а не те, которыми может овладеть (Kahneman et al., 1990). Предложение бесплатного пробного периода пользования приложением или услугами располагает к большей готовности продлить платную услугу, так как пользователь ценит уже имеющийся товар больше, чем потенциальный (Fritze et al., 2019).

Другим приемом, используемым для вмешательства в процесс выбора, является бустинг (boosting) (Grüne-Yanoff, Hertwig, 2016). Целью бустинга является повышение способностей людей более рационально делать свой собственный выбор. Основное внимание уделяется вмешательствам, которые облегчают людям их собственную деятельность, развивая существующие компетенции или прививая новые. Примером может служить развитие способности понимать статистическую информацию о состоянии здоровья или повышение финансовой грамотности. При этом у человека всегда есть выбор — использовать новые навыки и знания для дальнейшего выбора или нет. Успешное применение бустинга было осуществлено в отношении когнитивного искажения пренебрежения базовым уровнем, при котором люди склонны игнорировать общую информацию о частоте некоторых событий и находить специфическую информацию о нем. В случае, когда решение принималось на основе вероятностей наступления некоторого события, люди совершали больше ошибок, чем в случае, когда с помощью бустинга людям давали информацию, выраженную в частотах, а не вероятностях (Hoffrage et al., 2000), и впоследствии предоставляли инструменты (Sedlmeier, Gigerenzer, 2001), с помощью которых можно было самостоятельно переводить вероятности в частоты для принятия решения.

Таким образом, наджинг и бустинг — это способы воздействия на процесс принятия решений, уже активно применяемые в цифровой среде. Наджинг в большей степени нацелен на изменение среды выбора, а бустинг — способностей и знания лиц, принимающих решения. Их внедрение требует меньших затрат по сравнению с естественной средой выбора в различных сферах жизни, однако эффективность требует дополнительной проверки в последующих исследованиях.

Заключение

Современный статус двухпроцессных теорий в области принятия решений остается неоднозначным и требует дальнейших прояснений с учетом большого количества новых фактов об индивидуальных различиях в когнитивных искажениях и развития сопутствующих психометрических инструментов. Отдельно стоит отметить необходимость разработки и/или адаптации психометрических инструментов на русском языке. Отсутствие явного прогресса в

направлении развития процедур измерения склонности к когнитивным искажениям сильно контрастирует с большим количеством попыток использовать наработки этой области в различных прикладных сферах с целью оптимизации процессов принятия решений. Данное обстоятельство только повышает актуальность проблематики когнитивных искажений и запрос на развернутые, в том числе, отечественные исследовательские программы.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Логинов Никита Иванович — доцент, кафедры общей психологии; научный сотрудник, Лаборатория когнитивных исследований, ИОН РАНХиГС; научный сотрудник, Научно-учебная лаборатория когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: инсайт, принятие решений, когнитивные искажения, ментальные модели, воплощенное познание.

Контакты: lognikita@yandex.ru

Александрова Анастасия Игоревна — студент магистратуры; стажер-исследователь, Научно-учебная лаборатория когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: решение задач, принятие решений, когнитивные искажения, дизайн интерфейсов.

Контакты: 1aialeksandrova@gmail.com

Current Trends in International Research on Cognitive Biases in Decision-Making Processes

N.I. Loginov^{a,b}, A.I. Aleksandrova^b

^a *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), 82-84 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

^b *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitkaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Cognitive biases emerging in judgments and decision-making become an increasingly discussed topic and cause controversy and debate regarding the psychological mechanisms and underlying theories. Questions regarding rational decision-making and deviations from rationality arise in many areas of life and are of a particular interest to marketers, politicians, designers and people who bear high responsibility in making important decisions. Currently, more empirical evidence for these deviations appears in studies of cognitive biases in the areas, but also the theoretical model and the basis of the underlying mechanisms continue to be refined. This article is devoted to the latest trends regarding two-process theories of thinking and the subsequent

criticism. The development of these theories and their varieties is described in detail and the main trends based on these theories are highlighted. One of the aspects in current trends of the two-process theories is the study of individual differences on the use of the two systems and the level of tendency to cognitive biases. Another direction is the practical component, which is based on these effects. In a digital environment, cognitive-biases-based techniques are actively used by interface designers. The article presents nudging and boosting methods in which with the help of changes in the digital environment the user's choice can be directed towards a certain alternative, while the actual choice remains. These techniques also have critical comments on the appropriateness of the application and their actual effectiveness, which requires additional theoretical and practical research in this area.

Keywords: decision-making, dual process theories, two system theories, cognitive biases, nudging, boosting.

References

- Ariely, D. (2008). *Predictably irrational*. New York: Harper Audio.
- Bago, B., & De Neys, W. (2019). The smart System 1: Evidence for the intuitive nature of correct responding on the bat-and-ball problem. *Thinking and Reasoning*, 25(3), 257–299.
- Blumenthal-Barby, J. S., & Krieger, H. (2015). Cognitive biases and heuristics in medical decision making: a critical review using a systematic search strategy. *Medical Decision Making*, 35(4), 539–557.
- Burmeister, K., & Schade, C. (2007). Are entrepreneurs' decisions more biased? An experimental investigation of the susceptibility to status quo bias. *Journal of Business Venturing*, 22(3), 340–362.
- De Neys, W., & Pennycook, G. (2019). Logic, fast and slow: Advances in dual-process theorizing. *Current Directions in Psychological Science*, 28(5), 503–509.
- Epstein, S. (1994). "Integration of the cognitive and the psychodynamic unconscious": Comment. *American Psychologist*, 50(9), 799–800.
- Evans, J. S. B. (2003). In two minds: dual-process accounts of reasoning. *Trends in Cognitive Sciences*, 7(10), 454–459.
- Evans, J. S. B. T., & Over, D. E. (1996). *Rationality and reasoning*. Oxford, UK: Psychology/Erlbaum (UK) Taylor & Francis.
- Evans, J. S. B. T., & Stanovich, K. E. (2013). Dual-process theories of higher cognition: Advancing the debate. *Perspectives on Psychological Science*, 8(3), 223–241.
- Fritze, M. P., Eisingerich, A. B., & Benkenstein, M. (2019). Digital transformation and possession attachment: examining the endowment effect for consumers' relationships with hedonic and utilitarian digital service technologies. *Electronic Commerce Research*, 19(2), 311–337.
- Furley, P., Schweizer, G., & Bertrams, A. (2015). The two modes of an athlete: dual-process theories in the field of sport. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 8(1), 106–124.
- Gigerenzer, G., & Gaissmaier, W. (2011). Heuristic decision making. *Annual Review of Psychology*, 62, 451–482.
- Gigerenzer, G., & Regier, T. (1996). How do we tell an association from a rule? Comment on Sloman (1996). *Psychological Bulletin*, 119(1), 23–26.

- Goldstein, D. G., & Gigerenzer, G. (2011). The beauty of simple models: Themes in recognition heuristic research. *Judgment and Decision Making*, 6(5), 392–395.
- Grüne-Yanoff, T., & Hertwig, R. (2016). Nudge versus boost: How coherent are policy and theory? *Minds and Machines*, 26(1–2), 149–183.
- Halpern, D. (2015). *Inside the nudge unit: How small changes can make a big difference*. Random House.
- Hoffrage, U., Lindsey, S., Hertwig, R., & Gigerenzer, G. (2000). Medicine. Communicating statistical information. *Science*, 290(5500), 2261–2262.
- James, W. (1890). *The principles of psychology*. New York: Henry Holt and Company.
- Kahneman, D. (2011). *Thinking, fast and slow*. Macmillan.
- Kahneman, D., Knetsch, J. L., & Thaler, R. H. (1990). Experimental tests of the endowment effect and the Coase theorem. *Journal of Political Economy*, 98(6), 1325–1348.
- Kahneman, D., Slovic, P., & Tversky, A. (Eds.). (1982). *Judgment under uncertainty: Heuristics and biases*. Cambridge University Press.
- Keren, G., & Schul, Y. (2009). Two is not always better than one: A critical evaluation of two-system theories. *Perspectives on Psychological Science*, 4(6), 533–550.
- Kruglanski, A. W., & Gigerenzer, G. (2011). Intuitive and deliberate judgments are based on common principles. *Psychological Review*, 118(1), 97–109.
- Lee, S., & Koubek, R. (2010). Understanding user preferences based on usability and aesthetics before and after actual use. *Interacting with Computers*, 22, 530–543.
- Lichtenstein, S., & Slovic, P. (2006). The construction of preference: An overview. In S. Lichtenstein & P. Slovic (Eds.), *The construction of preference* (pp. 1–40). Cambridge University Press.
- Lindgaard, G., Fernandes, G., Dudek, C., & Brown, J. (2006). Attention web designers: You have 50 milliseconds to make a good first impression! *Behaviour and Information Technology*, 25(2), 115–126.
- Liu, J., Lee, B. G., McLeod, D. M., & Choung, H. (2019). Effects of frame repetition through cues in the online environment. *Mass Communication and Society*, 22(4), 447–465.
- Melnikoff, D. E., & Bargh, J. A. (2018). The mythical number two. *Trends in Cognitive Sciences*, 22(4), 280–293.
- Newstead, S. E. (2000). Are there two different types of thinking? *Behavioral and Brain Sciences*, 23(5), 690–691.
- Osman, M. (2004). An evaluation of dual-process theories of reasoning. *Psychonomic Bulletin and Review*, 11(6), 988–1010.
- Raab, M., & Gigerenzer, G. (2015). The power of simplicity: a fast-and-frugal heuristics approach to performance science. *Frontiers in Psychology*, 6, Art. N 1672.
- Reber, A. S. (1993). *Implicit learning and tacit knowledge: an essay on the cognitive unconscious*. New York: Oxford University Press.
- Sedlmeier, P., & Gigerenzer, G. (2001). Teaching Bayesian reasoning in less than two hours. *Journal of Experimental Psychology: General*, 130(3), 380–400.
- Smith, E. R., & Collins, E. C. (2009). Dual-process models: A social psychological perspective. In J. St. B. T. Evans & K. Frankish (Eds.), *In two minds: Dual processes and beyond* (pp. 197–216). Oxford: Oxford University Press.
- Smith, E. R., & DeCoster, J. (2000). Dual-process models in social and cognitive psychology: Conceptual integration and links to underlying memory systems. *Personality and Social Psychology Review*, 4(2), 108–131.
- Stanovich, K. E. (1986). *How to think straight about psychology*. New York: HarperCollins.

- Stanovich, K. E., Toplak, M. E., & West, R. F. (2008). The development of rational thought: A taxonomy of heuristics and biases. *Advances in Child Development and Behavior*, 36, 251–285.
- Stanovich, K. E., & West, R. F. (2000). Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? *Behavioral and Brain Sciences*, 23(5), 645–665.
- Stryja, C., & Satzger, G. (2019). Digital nudging to overcome cognitive resistance in innovation adoption decisions. *The Service Industries Journal*, 39(15–16), 1123–1139.
- Thaler, R. H., & Sunstein, C. R. (2008). *Nudge: Improving decisions about health, wealth, and happiness*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Thompson, V. A., & Newman, I. R. (2018). Logical intuitions and other conundra for dual process theories. In W. De Neys (Ed.), *Current issues in thinking and reasoning. Dual process theory 2.0* (pp. 121–136). Routledge/Taylor & Francis Group.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1974). Judgment under uncertainty: Heuristics and biases. *Science*, 185(4157), 1124–1131.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1986). Rational choice and the framing of decisions. *The Journal of Business*, 59(4), S251–S278.
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1991). Loss aversion in riskless choice: A reference-dependent model. *The Quarterly Journal of Economics*, 106(4), 1039–1061.
- West, R. F., Toplak, M. E., & Stanovich, K. E. (2008). Heuristics and biases as measures of critical thinking: Associations with cognitive ability and thinking dispositions. *Journal of Educational Psychology*, 100(4), 930–941.
- Zhang, S. X., & Cueto, J. (2017). The study of bias in entrepreneurship. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 41(3), 419–454.

Nikita I. Loginov – Associate Professor, Faculty of Psychology; Research Fellow, Laboratory of cognitive research, ISS RANEPa; Research Fellow, Cognitive Psychology of Digital Interface Users, National Research University Higher School of Economics, PhD in Psychology. Research Area: insight, decision making, cognitive biases, mental models, embodied cognition. E-mail: lognikita@yandex.ru

Anastasia I. Aleksandrova – HSE Master student, Research Assistant, Cognitive Psychology of Digital Interface Users, National Research University Higher School of Economics. Research Area: problem solving, decision making, cognitive biases, interface design. E-mail: 1aialeksandrova@gmail.com

HOUSEHOLDS, OWNERSHIP AND DIMENSIONS OF URBAN APARTMENTS IN RUSSIA

V.YU. DURMANOV^a

^a*Bialystok University of Technology, 11 Oskara Sosnowskiego, 15-893, Poland*

Abstract

The article is devoted to identifying the socio-psychological reasons that formed in pre-revolutionary Russia, which in Soviet times became the basis for creating a huge city housing stock in the country, filling almost sixth of the planetary land with identical multi-storey sectional buildings, almost entirely consisting of small apartments in terms of area and number of rooms. It seemed that the technology of mass standard model design will provide a solution to this problem in the shortest possible time and will become the basis of the spatial image of housing in the future. Several decades of active construction of identical cheap residential buildings caused an avalanche-like increase in the number of “waiting lists” – households that ought to be relocated to new, more spacious apartments, in accordance with the hygiene standard established by the state. An analysis of the construction practice in Russia, based on the regulation the constraints of the geometric parameters of the apartments, indicates the cyclic nature of the state housing policy development, which largely depends on the dynamics of the ownership structure in the country. The established regularity excludes the possibility of improving the quality of city apartments by using the concept of full socialization or full privatization of all housing resources of the country. Studies of mass urban housing, conducted in the mid-80s, showed that the main reason for the need to change the geometric characteristics of a city apartment is a change in the lifestyle of households.

Keywords: households, urban apartment, housing premises, privatization, ownership, design methodology.

Introduction

In the modern world, there are a sufficient number of buildings that have changed their original purpose. In many cities of Western Europe, the premises of churches, mosques and synagogues are used as warehouses, gyms, bookstores or dwellings. At the same time, the political transformations in Eastern Europe began to use city apartments for offices or shops. Active adaptation of premises to different functions is a consequence of rapid social transformations caused by an unprecedented increase in population, changes in the nature of their activities and the levels of economic well-being.

Today, on one part of the Earth’s surface, you can find apartments with an artificial climate, equipped by swimming pools and greenhouses, located on the upper floors of skyscrapers, and on the other, the dugouts excavated by national troops, which became a basic place of residence of the population in wartime.

Representations of what to build and how to build are problematic for many politicians and architects.

Understanding the causes of changes in the geometry of state buildings is one of the important issues of modern architectural science. The study of this phenomenon is complicated by a rather long period (about 20–40 years) while society becomes aware of the consequences of the adopted policy, the physical transformations, and the negative psychological or social changes that manifested in the multifaceted results of life activity in the country.

It is supposed that one of the reasons that led to social transformations in Russia at the end of the XX century was the Soviet construction policy of total state property and the normative distribution of real estate that contributed to the limited geometric characteristics of residential premises. During the last 30 years of privatization significant changes have been observed in the dimensions and shape of Russian urban apartments and also apparent is the slowly increasing desire to transform housing policy and find a new basis for further development of the quality of urban housing. The desire for a scientific understanding and informed decision concerning the “housing issue” is also manifested in the states formed after the collapse of the USSR, which faced the problem of restoring the housing stock and the uncontrolled reconstruction of the living environment after the beginning of privatization (Photo 1).

The purpose of the article is to describe the dynamics of changes in the geometric parameters of city apartments affected by socio-cultural transformations of

Photo 1

**A Typical Amateur Reconstruction of the Mass Standard Dwelling Built at the End of the 70s
by Contemporary Households (Ukraine, 2019)**

Russian society that periodically demanded a change in the direction of construction policy in the country when faced with the same problems and social consequences.

The Spatial Image of Urban Housing in Europe before the First World War

The rudiments of standard construction of housing can be found in the history of primitive communities that managed to work out fairly stable ideas about the kind of living premises that should be built, relying on joint efforts and the material resources of the habitat. The instability of the climate, and the specifics of social relations with the authorities and neighbours have always forced people to move in search of better living conditions or to find new ways to protect themselves from unwanted influences from the environment. The ability to transform an existing natural environment according to the needs of a small community appeared during the Neolithic revolution long before the creation of the state social structures and cities. The dense arrangement of residential premises inside city walls lasted for more than eleven millennia. During this period, the appearance of residential buildings and their internal organization changed. Even though historical urban buildings are characterized by wide stylistic diversity, one can always observe in them common identifying attributes from a local cultural community.

Some millennia ago on the territory of ancient Russia a unique type of dwelling developed with a single small room located in a semi-underground log house with a stove serving both as a heat source and a cooking place. During the formation of Kievan Rus', almost with the same shape and dimensions, residential buildings became more diverse thanks to the use of Byzantine stone construction technology. Even so before the formation of the Moscow kingdom, most of the wooden Russian dwellings have identical shapes and dimensions. Presumably, the housing premises were represented by one room in a detached construction and were in the possession of a large multi-generation household.

The rapid territorial expansion and arrangement of the Russian kingdom (1547–1721), which stretched from the borders of the Polish-Lithuanian Commonwealth to the Qing Empire with active trade with the states of Central and Northern Europe, enriched Moscow and other Russian cities, with new types of residential buildings with diverse organizations of premises and rich interior decoration. Peter's desire to transform the social structure of Russia into an absolute monarchy led to the formation of the Russian Empire and the creation of a new housing construction policy (1721–1917).

The transformation of the feudal status of the boyars into nobles provided for a change in the source of their welfare. The new generation nobles began to exist not only thanks to the activities of its own estates but also due to remuneration from the state treasury, which also meant the adoption of the geometric shapes of the dwelling that were considered by the supreme authority to be appropriate.

The boyar as the owner of his subjects and their homes transformed into being a tenant of the sovereign. The spatial image of the urban-dwelling proposed for construction in St. Petersburg, the new capital of the empire, was formed on the

appearance of the residential buildings of the courtiers of the French aristocracy. Peter's attempts to improve the quality of dwellings by building typical houses for the "nobility" and "the commoners" in the country turned out to be unsuitable for the harsh climate of Russia, and were subsequently eliminated by Russian professional architects who were educated at the Imperial Academy of Arts that existed before the October Revolution.

New ideas about the need for revolutionary transformations of spatial organization of European cities and housing appeared during the era of the formation of capitalism, when the romantic moods of the nascent industrial and financial households, concentrating their enterprises in areas rich in natural resources, sought to isolate themselves from the Renaissance palazzos and villas that had been fully consistent with the ideas on the conditions under which the feudal aristocracy should have a successful and healthy living. Most social ideas were based on the universal principles of private property and freedom of exchange of goods and knowledge (J. Fichte, 1762–1814, J. Mill, 1773–1836, P. Proudhon, 1809–1865). In Russia, an approach that did not take into account the cultural or territorial characteristics of the development of society was taken with caution (A. Khomyakov, 1804–1860). Until the middle of the nineteenth century, the Russian urban housing was dominated by classical ideas about the external appearance of buildings formed in the Petrine era.

Changes in the appearance of urban bourgeois (middle-class) buildings took place after the outrage of the citizens that swept through Europe in 1848–1849. The "Spring of Peoples," expressed in large-scale revolts and the spread the nationalist and internationalist sentiments, based on the growing number of industrial workers, gave rise to the movements which found opposite goal-oriented views expressed in the desire to create a society based on the total elimination of, or the establishing of private ownership, in which real estate was considered an important part (Marks & Engels, 1848). Supporters of universal privatization won the political battle and they managed to maintain their position until the outbreak of World War I.

The demand for the search for new aesthetic ideals resonated with architects who directed their efforts to use new materials and technologies in demonstrating the possibilities of national culture. Soon every European city had living premises with different properties and geometric parameters corresponding to a wide variety of financial possibilities and lifestyles of urban households. The private housing buildings were represented by detached country villas, small-town cottages, low-rise blocked houses or high apartments and established a new standard image of modern housing.

In the middle of 19th century the freedom of opinion and the accumulated material of scientific research contributed other theories explaining how to transform social reality to achieve a new level of well-being: positivism (A. Comte); evolutionism (H. Spenser); functionalism (E. Mayo); structuralism (E. Titchener); psychology (G. Tarde); instinctivity (W. McDougall); historicism (H. Rickert); formalism (M. Weber); impressionism (G. Simmel); and phenomenology (E. Husserl). The lack of reliable statistics on the living conditions of population in

several European countries shifted the centre of research to the cognitive and behavioural aspects of human life in society (W. Wundt, 1832–1920).

In Russia, with a rather high proportion of rural population, more attention was paid to the development of the integrity of society manifested in the Narodnik movement (P. Lavrov, 1823–1900). Despite the fact that many representatives of this direction gave the intelligentsia a leading role (N. Michajlovski, 1842–1904), social ideas were abstract philosophical. Later theorists (L. Lopatin, 1855–1920), who advocated the idea of the universality of the “World Spirit,” paid little attention to social features in Russia. Several of Russian scientists relying on experimental studies demonstrated the dependence of the formation of spatial ideas on physical conditions (N. Grot, S. Trubetskoy). They argued that the ideas of transforming the environment couldn’t be universal. Nevertheless, the idea of a typical solution to problems prevailed to take into account universal continuity in solving social problems (G. Tschelpanov, 1862–1936).

Despite the planning of cities and the active creative construction of residential buildings, there was not enough complete statistical information about the social processes taking place behind beautiful eclectic facades. Regular surveys and censuses of the population were only just beginning in most European countries. However, everyone noticed how quickly cities filled with labour migrants. The population of the small English city of Birmingham from 1801 to 1901 grew from 71 to 760 thousand (Burke, 1971). The avalanche-like influx of peasants into European cities caused an initially terrifying overpopulation. In dwellings consisting of two rooms and a basement, up to 20 people could live, with 120 people using one latrine (Kozerenko, 1928). Then a wave of infectious diseases hit the cities, primarily reflecting in the increase in child mortality. Governments attempted to take measures to improve the lives of workers by trying to build special buildings with the financial support of insurance companies and the support of a cooperative movement focused on creating residential buildings for the poor. It allowed a slight improvement of the housing stock and made it possible to raise the quality standard of living stock for workers by equipping their apartments with sewers and water supply. Reforms had a significant impact on the development of the real estate market, which changed the attitude of workers towards their own housing.

In Russia, until the 18th century boyars, merchants, and state peasants were permitted the right to own private property and land. The purchase and sale of real estate to other social groups was simplified after the peasant reform of 1861, which became the economic starter of the territorial development of cities. The need to transform cities into industrial and financial centres of the country caused an unprecedented increase in the urban population explosion. According to the date of the urban survey 1835, three million people lived in Russian cities (Kozerenko, 1928), and there were 30.6 million citizens in 1914 (Federal’naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2006, pp. 39–40, 79). According to estimates, the urban population of Russia before the First World War was about 14%.

In St. Petersburg, the appearance of the city began to change very quickly at the end of the 19th century. Wooden houses with large gardens and kitchen gardens, located behind the main administrative and government brick buildings of the capital

constructed before the turn of the century, were replaced by “apartment buildings” with numerous rooms and modern sanitary equipment intended for middle-class rental. Shops occupied the first floors of new houses with windows lit by electric lamps facing the main streets. Dense neighbourhoods of the city were pierced by small wells, courtyards, which ensured the penetration of sunlight into the premises of apartments. The Russian capital before World War I had a total of 2 million inhabitants. There were trams and buses routes. A telephone, a telegraph, large banks, stations, passages and city parks were laid (Isachenko, 1998).

In Moscow, the construction did not lag behind the capital. During the period from 1859 to 1917, the urban population increased almost 5 fold, reaching a population of 1.9 million people. Nearby to two-story merchant mansions, usually consisting of six to ten rooms and a garden plot on the main old streets of Moscow, 7–8-storey residential buildings with elevators were raised. The Central Universal Store with a modern vaulted ceiling made of metal and glass truss-supported metal framework appeared beside Red Square (Nashchokina, 2005).

Soon, urbanization spread throughout Russia giving scientists the task of engineering the construction of large structures in the tundra and permafrost (Zhuravsky, 1856). At the Exhibition in Nizhny Novgorod (1896), the unique metal hyperplod mesh shells and hanging ceilings created by Russian scientists were demonstrated for big urban construction which might adapt better to the cold and snowy climate (Kovelman, 1961). Of course, during this period, most of the architectural details and spatial ideas were borrowed from the Vienna avant-garde, French secession, and English urbanism (Kratovo settlement). However, in the early twentieth-century a Russian modernist style gained popularity in new elite communities (Lisovsky, 2009).

Overall, the aesthetic search of Russian architects and the construction achievements of scientists was no consolation for the vast mass of the hungry population scattered throughout the wide territory of the country, which was left without the material patronage of the landowners and hoped to get the financial resources from work found in the cities. The old undeveloped dilapidated outskirts of cities were quickly overflowed with migrants to form districts with poverty and unsanitary consolation. Only in 1906, the Russian government approved the initiative to create a project to improve the living conditions of workers through the construction of cheap dwellings, but the project was not implemented due to delays associated with land allocation and the lack of interest among most industrialists to invest in the expensive construction of special dwellings for workers.

Despite all efforts the average housing supply of the urban population of Russia before the First World War was significantly worse than in other countries. About 60% of Saint Petersburg population lived in highly compacted housing premises (more than 2 people in one room), while in London this part of the population in that time was no more than 10%. According to unverified data, in Moscow before the First World War, there were around 13 thousand one-room apartments where from 4 to 10 people lived, while on average there were about 2 people per room (Kozerenko, 1928). Therefore the Bolsheviks believed that the elimination of private ownership of land and real estate were the main means in eliminating inequalities in the living conditions of the country’s population.

Spatial Ideology on the Improvement of Urban European Apartments in the Post-War Years (1918–1924)

Improving the housing situation in Europe was stopped by the war. Demographic losses amounted to about 9.4 million people killed, and 18 million people disabled (Urlanis, 1960). The sharp decline in the birth rate and the increase in mortality among the civilian population did not significantly affect the influx of labour migration into the cities. Typically, during a war, industry needs more workers. The influx into the cities intensified. The population of many cities in Europe began to approach one million. Destruction of residential buildings caused by hostilities led to a greater density of residence in city apartments (Photo 2).

In England, the Liberal government in debates during the years 1917–1919 attempted to concretize the concept of “good housing”. Urban requirements were legislatively established for residential construction (building density, roads, green spaces). Attention was also paid to the constructive and hygienic qualities of residential premises that prevented the appearance of dampness, fungus and mould, as well as the number of living rooms (at least 3) supplied with kitchens and bathrooms equipped with the necessary facilities.

As the first step in improving the quality of housing, the authorities sought to determine the number of families in dire need of a separate room. Many countries adopted regulations claiming the inadmissibility of having more than two tenants in the same room. Then with the help of municipalities, construction companies and private builders, using government subsidies, started constructing special rented housing for the workers (Housing, Town Planning, &c. Act, 1919). The state intended to start a fund for the financial resources for this purpose by the sale of

Photo 2

A Typical Placing of Most of the Population in Rooms after World War I in Central Europe
(Exhibition “Foto. Buch. Kunst”. 28.6.2019–22.9.2019, Albertina, Vienna)

land at set prices. Instalment payments were provided for up to 80 years. Initially, the plan had drawbacks related with accessibility to new territories for construction, which caused an increase in prices for the construction and rental of apartments. The new program in 1924 to eliminate the shortcomings of the first, was able to more efficiently use territorial and financial resources and in a short time enabled the construction of 136,889 houses including 59,591 apartments located in cottages with front gardens (Walters, 1976). In the face of growth in the post war economy, active rental of the developers' apartments quickly gave way to their purchase. A significant part of the population of England was able to move from slums to apartments with electric lighting and bathrooms. In the United Kingdom between 1921 and 1935, with a population of around 42–47 million people, about 2 million new apartments were built and sold (Bunin, 1979).

In Germany, created in 1919, the Weimar Republic Government, building on the foundations of parliamentary democracy and federalism, prepared a political program to promise "every German a healthy home." Several regulations defining the parameters of quality housing were prepared in the first years after World War I. However, the unpreparedness of the program and the vagueness of the wording forced the territorial communities, together with the local administration, to assume control over the city housing stock. The number of vacant premises in Germany in the mid-20s was about 3% (Kozerenko, 1928). Through the use of vacant premises and by reconstructing non-residential premises into residential, the density of the population in the occupied dwellings in Germany temporarily ceased to grow.

The short experience of providing apartments free of charge to the German population increased the average provision rate of living area for the population. But that in turn led to an increase in the number of families proving their right to receive an apartment for free. With the help of legislative acts, the government tried to satisfy the growing need for living space through the construction of cheap low-rise apartments and the reconstruction of existing houses, providing the integration of small adjacent apartments into larger ones. Such policies were met with the resistance from local communities requiring the introduction of more small-sized apartments. The increase in the administrative pressure on construction led to an increase in the rental prices for apartments, corruption and bribery. The time for waiting in line for a more spacious apartment increased. In 1924, trying to restrain popular unrest, the authorities cancelled the requisition of premises and allowed owners to decide rental prices for apartments. The housing policy of the Weimar Republic showed in practice the difficulties of state control over the construction and distribution of the housing stock.

Nevertheless, political efforts aimed at finding cheap and compact living premises for the urban population led architects to find an economical geometric shape of dwelling that was expressed in the choice for new constructions of a low-rise building (3–4 floors). Entrances to small two-bedroom apartments, which were placed on each floor, were organized from one common staircase. That spatial image of housing became one of the bases for constructing a standard typical dwelling in subsequent years in Germany and later in Russia (Schmitt, 1966; Pai, 2002).

In Russia, the abolition of private property implied a ban “forever” on any form of alienation of land (purchase, sale, rental, and collateral) (Vserossiiskii Tsentral’nyi Iсполnitel’nyi Komitet, 1918). It also allowed for the legally forced resettlement of the population on premises in the total country. Such a radical political decision caused a social shock that instantly stopped the economic activity of the whole country. It is possible to imagine a psychological blow caused by the compaction of a dwelling in which each upper or middle class household had to stay with their belongings in one of the rooms, providing furniture and equipment for kitchens and sanitary facilities for the collective use by other households. The government established forced labour camps and used violent means to suppress any dissatisfaction of some part of the urban population with the new laws related to relocation from slums to high-quality housing (Vserossiiskii Tsentral’nyi Iсполnitel’nyi Komitet, 1919). For example, the theft or damage to municipal property (public housing and real estate) carried the provision of punishment of up to 6 months imprisonment.

The new authorities erroneously assumed that in the cities of Russia there were enough domestic premises so that the entire urban population of the country could become working people with the same living conditions. Considering that the annual statistical reports describing the parameters of the urban housing stock during the revolution and the civil war were not complete, the decision on state ownership of real estate had an ideological justification. A reason for total real estate municipalisation was the belief in the political doctrine presented by Friedrich Engels in articles published almost 30 years before the revolutionary events in Russia. The Communists leaders believed “housing needs ... can be eliminated when the entire social system that is generated would be basically transformed” (Marks & Engels, 1970). It was perceived by the new revolutionary government as a goal and a guidance for the transfer of all real estate to state, cooperatives or collective ownership. The next question was how to distribute the premises of all the state with infinite diversity of geometric and physical property, among workers, peasants and officials. It was necessary to scientifically prove that there was a minimum floor area in a room, sufficient for human biological existence.

For scientists, it was essential to find the minimal parameters of the area or volume of the premises necessary for the long stay of people since the advent of shipping and the construction of prisons. Studies on the high density residence living in dwellings at the end of the 19th century, conducted with the aim of eliminating foci of infectious diseases, as well as identifying the tuberculosis bacillus, made it possible to experimentally establish the minimum parameters of a room (Brock, 1999). It turned out that a room of 25 cubic meters with traditional building ventilation for the building could ensure a safe stay for two people (Leroux, 1963). On the floor area in such a room, with a ceiling height of 3 m, it was possible to place two beds, a small table with two chairs and a small cupboard. Therefore the initial standard of living space guaranteeing every Russian citizen the right to the long residency in a building was established as 16 square arshins (about 8 square meters), with a minimum height of 4.5 arshins (3.2 meters). Local councils were allowed to increase the area of residence for patients as well as doctors, professors,

teachers and engineers (Barsegyants, 1922). Considering that the new housing stock in Russia was represented mainly by large rooms, the distribution of living space among the urban population caused a form of “communalka” living (several households in the same living premises). The territory attached to the multi-storey buildings had also to be shared. In a row of cottage houses located within the city, the right to private use of the site (the size of which was determined by the local administration), was retained.

Cooperatives and local councils were permitted to construct new residential buildings, according to the general plans for the city development that should provide for the adopted norm for placing people indoors and plan for increasing the population by 1.5 times until 1950. A fee was supposed to be introduced for living in the apartment, depending on the area of the house in a city and the engineering equipment of the apartment. When living in basements, the appropriate fee was reduced by half. For living in a room with an area of more than 15 square meters, the fee charged was raised by twenty times (Vserossiiskii Tsentral’nyi Ispolnitel’nyi Komitet, 1926). Organization of planning and control over movement and ensuring universal employment of the population required not only an increase in the number of employees in the local administration but also the allocation of jobs. About a quarter of the nationalized housing stock in cities began to be used for non-residential needs. The largest reduction in the area of residential premises was observed in small settlements, which, after the territorial reform, acquired the status of urban-type settlements. Such new administrative centres were forced to occupy almost the entire multi-unit housing stock. To eliminate the extreme consequences caused by the redistribution of the state premises in 1922, shock commissions were created that sought to restrain the activity of local administrations on the misuse of residential premises (Kozerenko, 1928).

The socio-psychological reactions of the mass consciousness to the economic and social constraints caused by the war manifested in active dissemination of visionary dreams of the future. In the period of the catastrophic shortage of food and clothing in Europe, the new art schools “Bauhaus” and “Vkhutemas” were created in the German city of Weimar and in Moscow. The principal aim of those universities was to train specialists for the upcoming mass production of household items. In Italy, architects were trying to realize the ideas of the futurists. In Paris, Le Corbusier demonstrated the concept of a future city for 2 million inhabitants. In Moscow the City Council was also creating utopian plans for the reconstruction of Moscow (Smirnova, 1981). Despite the good intentions to live in a bright future, revolutionary transformations worsened the quality of life for the population and increased inequality in the use of residential premises. In 1923, the average housing supply in large cities was about 11 square meters per person, and in small cities such as Samara, Tula and Chelyabinsk, there was about 4 square meters per person (Kozerenko, 1928). The policy of hard war communism and the temporary introduction of the commodity market and private entrepreneurship during the NEP (1919–1929) did not improve the state of affairs in the construction industry, but caused radical changes in the lifestyle of citizens. The country experienced a sharp decline in the volume of housing construction. It is assumed that the provision of

living area for one resident of the country decreased one half to two times and might have consisted of 5–6 square meters in 1926 (Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2006, pp. 81, 210, 480–481). Moreover, the introduction of the system of total state distribution of material resources, according to accepted standards, plunged the country into declines in production and product quality. Meanwhile, more than seven million low-rent homes with small bedrooms, a compact kitchen with running water and a private toilet in each dwelling were built in Europe during the period 1919–1939 (Reed & Ogg, 1940).

The concept of the dependence of the perception of environmental geometry on the surrounding reality was confirmed in the foreign school of gestalt psychology. In Russia, most of humanitarian scientists were focusing on the problem of eliminating total illiteracy of the population. The transition to the socialization of property and the need to develop a new ideology for socialist development contributed to an in-depth study of forms of communication and human activities in Russian scientific investigation (L. Vygotsky, A. Luria, L. Sakharov). Post-revolutionary freedom of creation and wide contacts with foreign architects stimulated various theoretical movements. Soon the new young Soviet spatial consciousness was divided into two ideological concepts. One was oriented to handicraft admirers from production (W. Morris, S. Milutin, S. Rodionov). A big group of Russian architects were also the adherents of mass industrial housing construction (A. Gan, E. Lisitsky, K. Klein).

The Stalinist Approach to the Spatial Image of a Soviet Dwelling (1924–1953)

The negative attitude to the subject environment of the “class enemy” was accompanied by the habit of living in wretched rooms without paying for them. In pre-revolutionary Russia, many employers, because of the desire to minimize wages (as the former landowners), tried to place their workers in their real estate. Most labour migrants agreed to live in any cramped conditions for free or for a small rent, but not to take care of finding, repairing or building their own homes. That is probably why, unlike England and Germany in the pre-war period, Russian workers rarely made demands during social protests to improved housing conditions. To stop acts of vandalism, growing conflicts of tenants and irresponsibility towards apartments, the government was forced to introduce market mechanisms in the production, distribution and consumption of urban apartments. Nationalization and municipalisation were replaced by de-municipalisation, and the right of frequent ownership of certain buildings was restored. A solution was proposed to the problem of repairing and construction of new residential buildings: to better the activity of housing cooperatives that could unite and direct residents' efforts to improve their living conditions (Tsentral'nyi Ispolnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov, 1924). The belief in that form of public construction was reinforced by the Marxist thesis that housing cooperation would exist also in communism when the need for the Soviet state disappeared (Larin, 1930).

Initially, the spatial image of a cooperative dwelling was based on small one-story constructions built on the outskirts of cities in the pre-revolutionary period. When the young generation of architects turned their backs on the old “bourgeois aesthetic ideas”, they tried to find a direction that would have universal abstract stylistic features reflecting the totality and economy of the new socialist dwelling. Like their German comrades from the Bauhaus, more Russian architects were sure that the building in the form of a geometric cube without decor with white walls (allowing for the connection of other sections) was the most economical and most representative form of housing for everyone. The sectional type of dwelling with an internal staircase was also popular as it resembled the traditional Russian log hut, where the central place was occupied by the vestibule-floodgate (“sieni” in Russian) that prevents cold air from penetrating the room when opening the door.

Despite the lack of engineering equipment and the difficulty in creating urban infrastructure, working settlements appeared in the cities. They usually consisted of several small apartments located on 3–4 floors that might be without sewage and water supply. Some local authorities tried to ban the use of brick and stone because of the complexity of delivery and the high cost of materials. However, the law prohibiting the eviction of members in a cooperative from the building they had built was the most important incentive for the development of cooperative construction.

Soon it became clear to the government that given the low productivity of building the cooperative movement was not able to increase the country's resources of space. In the ten years after the October Revolution in Russia, among which 1924–1928 were the most active in construction, the housing stock increased by 16.6 million m² of living area. Such a volume of living premises today is made in Russia in 3 years (Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2006). A decisive turn in the change of attitude towards the living conditions of the population occurred after the government adopted a decision to recognize industrial enterprises and local councils as the main developers of working dwellings (Tsentral'nyi Iсполnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov, 1928, January 4). The construction of individual low-rise single-family houses in small towns, as well as cottages and vacant houses in resort areas, was considered appropriate. The population was allowed to exchange premises within the city and suburban areas. Municipal authorities received the right to attract large private capital to the construction of buildings, supported by special benefits based on special decrees. Thereby private and cooperative construction institutions building, in keeping with the state technical and sanitary standards established by the legislation of the Union of Republics, had to be carried out. The government also announced that in new construction the “living areas ... in homes are not subject to any restrictions. However, one person must receive the living area in these apartments for the sanitary norm established by local authorities”. Forced settlement of residential and non-residential premises was also prohibited by order of any administrative authorities. Almost simultaneously, a copyright decree was issued protecting the intellectual property of architects to guarantee rewards for the use of a spatial idea (Tsentral'nyi Iсполnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov, 1928, May 16).

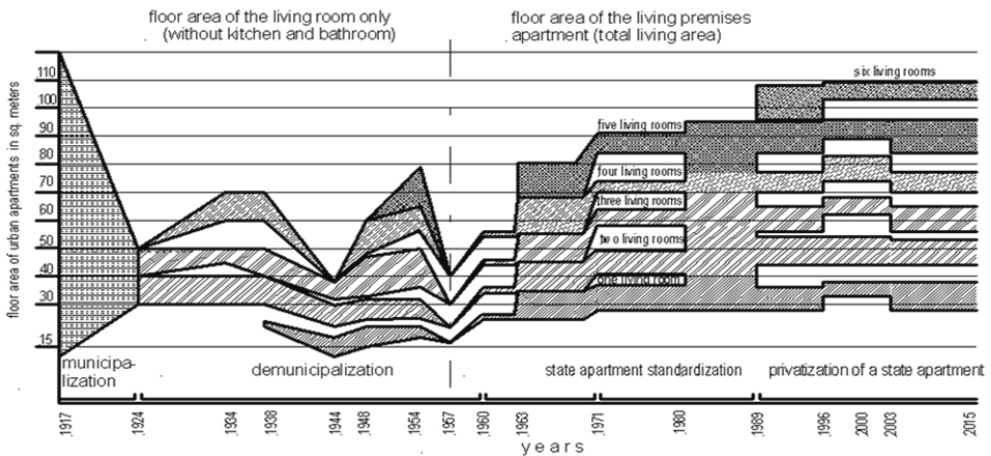
In that period of “small perestroika” there gradually formed a unified spatial image of the Soviet urban apartment which permitted construction of apartments with bigger areas allowing a minimum of furniture and equipment to be placed (Figure 1).

After the government’s directive on “... the restructuring of everyday life,” all population of the country saw a future communist house in which there would be no place for a household chore (Tsentral’nyi Komitet Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi Partii (Bol’shevikov), 1930). Daily household processes, which traditionally took place in houses (cooking, eating, washing, and drying clothes) soon were supposed to be relocated into special buildings. It was also envisioned that the sick, schoolchildren, single and old people, should also have special all year round types of institutional dwellings built for them (hospitals, dormitories, boarding schools, communal houses) (Gradov, 1968). The desire to remove all home processes (except sleeping) from the apartment was dictated by economic considerations. After several years of living in such “communist houses”, most households moved to the old housing stock. Such type of building turned quickly into dormitories and offices. This was the first warning to the government officials that the spatial limitations in urban construction could not be an instrument for solving hygienic economic, aesthetic or ideological issues in the state housing policy.

Strict rationing of the geometry of residential premises did not affect the artistic appearance of new buildings. At that time Russian architects realized contemporaneously aesthetic fashionable modernism concepts, and also the archaic forms of self-constructions were used. In Russian cities at that time multi-storied housing with avant-garde constructivist image could be found side by side with new wooden buildings resembling traditional huts. The Soviet government had dissatisfaction

Figure 1

Change in Regulatory Restrictions for the Area of Russian Apartments (according to State Building Law (Snip) and Taking into Account the Information from Ovsyannikov, 1982)

with the loss of control over the social and ideological qualities of the state housing and began to realize that creative freedom expressed by architects in the individual design would not create a positive image of communist management and would not provide an improvement in living conditions for the country's population.

Understanding the presence of infinite various spatial ideas about the future organization of a classless society, the government decided to restrict freedom in all types of intellectual creativity, warning about the dangers of using extreme and radical concepts in art (Politbyuro TsK VKP(b), 1932). Unions of writers, artists and architects were to become organizations and had to be controlled by the authorities to develop new creative concepts and consolidate efforts to improve the quality of things produced. Politicians urged architects to pay attention to the ideological content of creativity and the ability to distinguish between the negative effects of borrowing or creating spatial concepts of left or right orientation. The views of constructivists who were ready to "give up all the old culture for a little snuff of tobacco" were condemned as well as the searches for an expensive high-quality cottage home, which were presented as slavish "subservience to the humanists" (Maizel' & Slepnev, 1930, p. 82). Instead of multiple associations of engineers and designers, one organization was established in Moscow in 1934, the Union of Soviet Architects that took up the responsibility for covering the official orientation of the country's spatial development.

The first five-year plans that represented the restructuring of the country's economy and involved general collectivization and industrialization (1928–1937), took place in difficult conditions. The card system for food and most household items was preserved in the country. The discontent of the population provoked by a lack of housing was also growing. Allegations of sabotage intensified and eviction and repatriation of the population expanded. It is believed that 6 million people were subjected to repression between 1930 and 1960 (Zemskov, 2005).

The theoretical basis for the new spatial image of Soviet Russia was the integration of the prognostic and the historical concept of social development. Soon, a formal language of buildings was developed, based on the use of "progressive historical experience" with the inclusion of "regional features of the construction site." The exterior of most of the residential multi-story buildings of this period resembled an eclectic mix of geometric quotes from regional traditional architecture, Roman insulae, Renaissance palazzos and Art Deco fashion. However, hidden behind the richly decorated facades of housing buildings, the geometric parameters of rooms limited by the building laws of 1934–1948, had not changed substantially. The average living area of 7 sq. m in Russian cities in the middle of the XX century demonstrated that most townsmen in the country did not have an isolated bedroom.

Despite the historical difficulties of the pre-war and post-war period, Russian scientists were developing the theory of the installation (D. Uznadze), the theory of consciousness as a result of active social interaction (A. Leontyev) and the theory of attitude instruction (P. Galperin). There is a growing interest in foreign scientific research devoted to the programming calculation and the possibility of creating artificial intelligence (E. Thorndike, B. Skinner, J. Watson).

After the Second World War, the need to restore the destroyed housing stock caused an even greater influx of population into the cities. The solution to the housing problem was once again becoming relevant. At first, the cities were overgrown with frame and panel low-rise private houses with a typical apartment layout. A few years later, there was a need for mid-rise buildings. Given that the design was carried out mainly in the republican design bureaus and not all private developers had the necessary documentation, in 1949 the Central Institute for the Design of Standard Housing was established in order to provide the design documentation for housing construction in the entire country. The expansion of the typology of buildings made it possible to accelerate the pace of construction, but the post-war migration into the cities did not contribute to a decrease in the occupation density in premises. The lack of housing censuses at the time again did not allow for accurately determining the number of necessary dwellings.

Meanwhile, the country's leadership, aware of the American construction of skyscrapers, noted a number of socio-economic advantages that allowed the experimental construction of high-rise buildings in Moscow to begin (Sovet Ministrov SSSR, 1947). It was assumed that such apartments should have more spacious rooms with more modern technical equipment. At the end of the 50s criticism was published in the media concerning the artistic approach to the design of high-rise residential buildings that demonstrated that houses built according to the projects of the Academy of Architecture of the USSR had high operating costs caused by the production on unnecessary art decorations.

Dimensions of the Soviet Mass Urban Apartment of Developed Socialism (1953–1991)

Sharp changes and speculation in the real estate market forced the US government to protect lenders from economic losses. Legal acts on the development of mortgages and the secondary housing market adopted before World War II provided for the initial construction of economical buildings of medium or high floors (Chicago, 860–880 Lake Shore Drive Apartments, 1951). This model of an apartment building became popular throughout the world during the next two decades. However, the involvement of small and medium-sized enterprises in the construction industry changed the balance of ownership, and the share of own housing in the countries began to increase due to the active construction of low-rise buildings. In the United States, the share of private housing increased from 40%–44% (the 1940s) to 62%–65% (the 1960s). Japan had achieved such indicators in the 80s (Durmanov, 1992). Rental of small apartments created by state and municipal organizations began to decrease. Small and medium-sized enterprises entered the market, which made it possible to move from standardized to individualized production.

In Russia, the revived ideology of American modernism, based on the mass production of prefabricated products also penetrated the environment of a new generation of young architects. The Resolution of Government “On the development of the production of prefabricated reinforced concrete structures and parts for

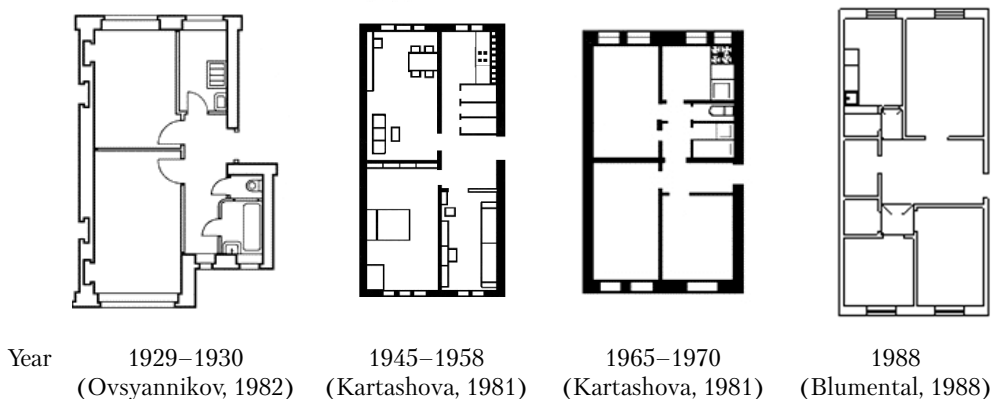
construction” envisaged the construction of hundreds of enterprises oriented to the production of prefabricated concrete products. Soon, the country’s leadership announced a plan to end housing shortages in two decades and they prepared a planning document “On the Development of Housing in the USSR,” which determined the fate of housing construction for the next three decades (Tsentral’nyi Komitet Kommunisticheskoi Partii i Sovet Ministrov SSSR, 1957). To eliminate possible criticism about the new myth of creating communist housing in the small area of living premises (around 30–50 sq. m) and with a small number of rooms (1–4) the Academy of Architecture of the USSR was closed.

The architectural achievements of the 20s became popular again. The political task oriented towards providing each family with a separate apartment again led to a reduction in the floor area and room height in apartments (SNiP II-B.10-58). Geometric requirements of living quarters returned to the economical spatial image of the apartment from the 20s that remained unchanged until the collapse of the USSR (Figure 2). All prefabricated enterprises of the country began production of several types of residential buildings, regardless of climate, social or territorial capabilities. The effectiveness of local authorities began to be evaluated not only by the living area of rooms but also by the number of apartments built and the area of living premises.

The political decision that the same apartments were to be constructed all over the country narrowed the activities of architects mainly to the “siting” or “landing” of a typical building in the area of the proposed construction. That led to a reduction in the training of architects. Research activities in the field of housing were focused on the creation of micro-districts on the outskirts of large cities. For that purpose all Soviet Republics established central and special regional project institutions. The geometric parameters of the apartment were so minimal that they did not allow the placement of new models of furniture and equipment and the government in 1963 forced a new standard to allow an increase in the range of the total

Figure 2

Shapes of a Soviet Standard Urban Apartment in Various Historical Periods

area in apartments with a certain number of living rooms (Khachatryants, 1968). The design of five-room apartments for large families was allowed at the request of regional institutes. Although the decentralization of design institutes made it possible to more accurately distribute the population in new housing, the government's desire to establish a uniform relation between several rooms and the number of households, forced a change in parameters of the standard of geometric apartments.

The second generation of mass housing construction was determined by the introduction of the new building law (SNiP, 1971). The number of types of apartments increased from 5 to 10. Also introducing a standard for large and small apartments made it possible to take into account the possibility of placing same-sex family members in one room. The families with different demographic types of households (incomplete, complex, nuclear) could be more conveniently placed in an apartment. Regional institutions had the task to find a special proportion for new housing construction between several rooms in the apartment and the structure of families on the regional housing waiting list. The need for architects revived the education of designers at universities.

The world growth of wealth in the early 70s also resulted in the expansion and differentiation of the private real estate market as small construction enterprises were growing. The positive attitude towards the dwelling located in an apartment building, gradually developed into a desire to have a separate house with a garage. A new type of production involved a variety of activities related to the process of global development. Interest in the problem of uniqueness contributed to the revival of traditional local values that formed theories of postmodern orientation (M. Foucault, J. Derrida, J. Baudrillard, Z. Bauman, Jencks and others).

At the end of the 70s, a similar tendency in the USSR manifested itself in the deepening of interdisciplinary territorial and historical studies (B. Velichkovsky, Z. Yargina, G. Platonov, I. Smolyar, A. Gutnov, O. Marder, I. Seredyuk, A. Rudnitsky). Scientific research in the field of urban housing was aimed at improving the wide geometric parameters of the new apartments, taking into account not only demographics but also value orientations in the lifestyle of households (Durmanov, 1978; Kiyanenko, 1983; Heidmets, 1984; Kartashova, 1985).

In the middle of the 80s the Institute of Housing (CNIIEP) prepared a new program for the development of the housing policy to the year 2000 that focused on the individualization of mass standard production of housing (Fedorov, 1988). The principal idea was provided for the transition from the construction of popular micro districts to the planning of housing at the level of agglomeration by introducing both high-rise and low-rise buildings, allowing increasing the density in urban centres and rural settlements. This program did not find support from the country's leadership and did not change the spatial image of the Soviet housing in the new edition of the construction law (SNiP, 1985). Before the collapse of the USSR, the average housing area per person had reached about 15.5 square meters (Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2006).

The dissatisfaction of the population with housing was increasing. Waiting in the queue for more spacious housing took beyond the end of the decade for some households. Recently built in new micro districts, multi-story buildings began to

quickly lose their appearance, turning into slums. The USSR with enviable tenacity sought to socialize all of the country's real estate. In 1988, the share of own housing in the USSR was 21.6% and in Great Britain, 65%. Even the knowledge that the order of agricultural productivity of a private household living in a detached one-family housing with a land area of 600 sq. m. was higher than in the collective farms did not convince the authorities about a differentiated approach to housing and the containment of the process of socialization of real estate.

Conclusion

For more than twice in the last 100 years in Russia the housing stock of the country has changed ownership. The same changes were in the ideology of housing and urban design. In that period urban housing premises increased more than 20 times and amounted to (2,669 million sq. m. in 2016) and the population enlarged no more than 7 fold (108,7 million people in 2016). Apartments under construction in the country were also gradually becoming more spacious and of better quality, which led to the comparability of the initial geometric parameters of modern apartments with those built at the beginning of the last century.

The materials of scientific observations and studies of the evolution of Russian housing that were accumulating during this time allow some generalizations to be made, which can be represented by the following provisions:

– a process of transforming the urban country's premises by constructing new houses or reconstructing old buildings is characterized by periodic changes in the geometric characteristics of the housing stock (the area, the number of rooms, the composition and purpose of premises, etc.), which reflect changes in the global social development of ownership and are determined by unique local environment conditions;

– an attitude to the existing living premises also is dependent on the form of its tenure. In the unusually rapid changes in the spatial way of life of urban households, the presence of different ownership (from state to private) and ways to rent from them, permit the more effective use of private resources to building activity and also create prerequisites for a more helpful use of the existing buildings;

The search for the most effective, comfortable and economically justified geometric shape of living premises, to serve the needs and value orientations of households under the "mine-yours" or "ours-yours" paradigm, is unlikely to create a kind of "unique and universal image of housing for all people and all times". The small geometric parameters of highly equipped living premises in an orbital space station created by the state can be as socially significant as the creation of a large private estate, competing with high-rise buildings, in terms of the efficient use of territory, energy and natural resources.

Discussion about Housing Construction in the New Era

The active participation of the West European states in restoring housing destroyed in World War II helped to quickly restore the economic level of households.

Rental apartments at that time were built small and inexpensively (Schoenauer, 2000). When the well-being of part of the population increased, they began to invest in better homes. The variety of dwellings in the market increased (Turkington, van Kempen, & Wassenberg, 2004). During the symptoms of the recession, the share of rental housing was growing and the ranges of variety of new dwellings in buildings were narrowing. The process of cyclical dynamics of the structure of property was accompanied by a steady increase in the population in the Global City represented by a network of large centres of social services, where again striking differences in the living conditions of the population emerged. The situation again arose in such cities where the growth in apartment prices began to outstrip the growth in their consumer qualities, and the process of standardizing the dimensions of apartments was resumed.

Every day on our planet there appears about 30 thousand new residential premises with a total area of about 2 sq. km. The number of abandoned, unoccupied or vacant dwellings is growing in the World. In 2010 in the United States there were 18.7 million vacant housing units (U.S. Census Bureau, 2012); that was enough to accommodate all 13.5 million housing households living in Poland (Mały Rocznik statystyczny Polski, 2016) with Lithuania, Latvia and Estonia.

Given the huge demand for urban housing, new authorities in post-Soviet countries today (as in the USA, West Europe and Japan in the 70th) are quite satisfied with the results of the privatization of the housing stock and with the gradual departure from the methodology of standard building construction with a typed spatial cliché of the apartment. After the 30 years of general privatization, the introduction of mortgages, and the active relocation of the population from standard apartments, a significant part of the population remains dissatisfied with their housing.

The data from the 2002 and the 2010 Russian census noted that part households, living in over-packaged apartments, individual houses and communal apartments (in which the number of people in the household exceeded the number of rooms) changed from 34.5% to 43%. But the part of Russian urban private households that lived in comfortable conditions (the number of rooms was more than the number of people in the household) decreased (Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2005, 2013). It could be assumed that in the urban population having the largest volumes of housing construction, the situation should have been better but the census of 2010 revealed that in Moscow, the number of families living in over-packaged apartments for the last 8 years increased from 1.6 million to 2.2 million, although the number of families living in more spacious apartments changed a little from 512 to 531 thousand (Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki, 2013, pp. 52–53, 106).

Now a new generation of Russian scientists are continuing investigations in the field of subject-object interaction in the physical environment and looking for a new methodology to improve the quality of state premises (A. Asmolov, V. Petrovsky, M. Falikman, V. Lefebre, S. Gabidulin, L. Smolova, S. K. Nartova-Bochaver, M. Shubenkov, E. Lapshina, G. Yoyleva, Yu. Pershin, M. Nazarova). More and more objective information appears that architectural creativity aimed at creating consumer

qualities of the physical environment is affected by multiple different dynamic factors, among which the observation of changes in the lifestyle of households and their attitude to the property has a fundamental significance. The experience of transforming the geometric parameters of residential premises in Russia was subjected to periods of active private adaptation and the powerful influence of state spatial consciousness. Obviously, solving the issue of urban housing quality for the whole population of the country with the help of social or financial coercion to make it reside in the same type of apartment is ineffective. However, this does not mean that the state should eliminate itself as an active participant in the real estate market. The state also cannot but be the main beneficiary conducting scientific research into the life of households and housing units as the main source of information for the development of the country's spatial development policy.

The geometric parameters and material properties of the state's living quarters initially served as a means of physical, biological, social and psychological safety of the population. This article was devoted to the recognition of the importance of studying the spatial culture of the society. "Only when we know how to live we are able to build" (Heidegger, 1952).

References

- Barsegyants, O. (1922). *Zhilishchnyi vopros po zakonodatel'stvu R.F.S.R.* [The housing issue under the legislation of the R.F.S.R.]. Moscow: Knowledge. (in Russian)
- Blumental, V. (1988). *Arkhitekturno-tehnologicheskie proekty dlya malyykh gorodov* [Architectural and technological projects of houses for small cities of the RSFSR]. Moscow: TSNIIEP Zhilishcha. (in Russian)
- Brock, Th. (1999). *Robert Koch: A life in medicine and bacteriology*. Washington, DC: ASM Press.
- Bunin, A. (1979). *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva* [Urban art history] (Vol. 2). Moscow: Gosstroizdat. (in Russian)
- Burke, G. (1971). *Towns in the making*. London: Arnold.
- Durmanov, V. Yu. (1978). *Tipologiya kvartir dlya semei s pozilyimi roditelyami* [Typology of apartments for families with elderly parents] (Ph.D. dissertation). Central Scientific Research Institute of Typical and Experimental Design of Housing. Moscow, Russian Federation. (in Russian)
- Durmanov, V. Yu. (1992). *Sotsial'naya osnova planirovochnogo razvitiya zhilishcha* [The social reason in the spatial development of housing units] (Doctoral dissertation). Lviv Polytechnical Institute, Ukraine. (in Russian)
- Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki. (2005). *Zhilishchnye usloviya naseleniya. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2002 goda* [Living conditions of the population. Results of the Russian Census 2002] (Vol. 11). Moscow: Statistika Rossii. (in Russian)
- Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi statistiki. (2006). *Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. Statisticheskii sbornik* [The statistical yearbook of Russia. A statistical handbook]. Moscow: Statistika Rossii. (in Russian)
- Federal'naya Sluzhba Gosudarstvennoi Statistiki. (2013). *Zhilishchnye usloviya naseleniya. Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniya 2010 goda* [Living conditions of the population. Results of the Russian Census 2010] (Vol. 9). Moscow: Statistika Rossii. (in Russian)

- Fedorov, E. P. (1988). *Zhilishche 2000* [Housing in 2000] (in 3 parts). Moscow: Stroizdat. (in Russian)
- Gradov, G. A. (1968). *Gorod i byt* [City and life]. Moscow: TsNIEP uchebnykh zdaniy. (in Russian)
- Heidegger, M. (1952). *Men and space*. Darmstadt: Neue Darmstädter Verlagsanstalt.
- Heidmets, M. (1984). Sotsial'no-psikhologicheskie problemy zhiloi sredy [Socio-psychological problems of the architecture of the living environment]. In *Sotsial'nye problemy arkhitektury zhiloi sredy. Materialy soveshchaniya komissii pravleniya SA SSSR po arkhitekture zhiloi sredy* [Proceedings of the meeting of the USSR Commission of the Union of Architects on the architecture of the living environment. Moscow] (pp. 15–17). Moscow. (in Russian)
- Housing, Town Planning, &c. Act. (1919). *Part I. Housing of the working classes* (ISBN 0105481947). London: The King's Printer of Acts of Parliament.
- Isachenko, V. (1998). *Zodchie Sankt Peterburga. XIX – nachalo XX veka* [Architects of St. Petersburg. XIX – beginning of XX century]. Saint Petersburg: Lenizdat. (in Russian)
- Kartashova, K. K. (1981). Perspektivy razvitiya arkhitekturno-prostranstvennykh form zhilishcha [Prospects for the development of architectural and spatial forms of housing]. In *Perspektivy razvitiya zhilishcha v SSSR* [Prospects for the development of housing in the USSR] (p. 106). Moscow: Stroizdat. (in Russian)
- Kartashova, K. K. (1985). *Formirovanie arkhitekturno-planirovochnoi struktury gorodskogo zhilishcha na sotsial'no-demograficheskoi osnove* [Formation of the architectural and spatial structure of urban housing on a socio-demographic basis] (Doctoral dissertation). Central Scientific Research Institute of Typical and Experimental Design of Housing, Moscow, Russian Federation. (in Russian)
- Khachatryants, K. K. (1968). *Voprosy proektirovaniya gorodskogo tipovogo zhilishcha s uchetom spetsifiki zhiznennogo uklada sem'i* [Issues of designing an urban typical dwelling taking into account the specifics of the lifestyle of families] (Ph.D. dissertation). Belarus Polytechnic Institute, Minsk, Belarus. (in Russian)
- Kiyanencko, K. V. (1983). *Tipologicheskie osobennosti gorodskikh kvartir dlya prostykh (nuklearnykh) semei s det'mi* [Typological features of urban quartiles for simple (nuclear) families with children] (Ph.D. dissertation). Central Scientific Research Institute of Typical and Experimental Design of Housing, Moscow, Russian Federation. (in Russian)
- Kozerenko, N. (1928). *Zhilishchnyi krizis i bor'ba s nim* [Housing crisis and the fight against it]. Moscow/Leningrad: State Publishing House. (in Russian)
- Kovelman, G. (1961). *Tvorchestvo pochetnogo akademika Vladimira Grigor'evicha Shukhova* [Creativity of Honorary Academician Engineer Vladimir Grigoryevich Shukhov]. Moscow: Gosstroizdat. (in Russian)
- Larin, J. (1930). *Za novoe zhilishche. Sbornik statei k 5letiyu zhilishchnoi kooperatsii* [For a new home. A collection of articles for the 5th anniversary of housing cooperation]. Moscow: Tsentrzhilsoyuz/Mospoligraf. (in Russian)
- Leroux, R. (1963). *Ecologie humaine. Science de l'habitat*. Paris: Editions Eyrolles Paris V. (in French)
- Lisovsky, B. (2009). *Architektura Rossii XVIII – nachala XX veka. Poiski natsional'nogo stilya* [Architecture of Russia in the 18th – early 20th centuries. The search for national style]. Moscow: White City. (in Russian)
- Mały Rocznik statystyczny Polski [Concise statistical yearbook of Poland]. (2016). Warszawa: Zak ad wydawnictw statystycznych. (in Polish)
- Marks, K., & Engels, F. (1848). *Manifest der Kommunistischen Partei* [Manifest of Communist Party]. London: Bishopgate. (in German)

- Marks, K., & Engels, F. (1970). *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works] (in 3 vols.). Moscow: Politizdat. (in Russian)
- Maizel', M. G., & Slepnev, N. V. (1930). *Tvorcheskaya diskussiya v RAPPe: sbornik stenogramm i materialov III oblastnoi konferentsii LAPP (15–21 maya 1930 g.)* [Creative discussion in RAPP: a collection of transcripts and materials of the III regional conference of LAPP, 15–21 May 1930]. Leningrad: LAPP/Priboi. (in Russian)
- Nashchokina, M. (2005). *Arkhitekory mockovskogo moderna. Tvorcheskie portrety* [Architects of Moscow Art Nouveau. Creative portraits]. Moscow: Giraffe. (in Russian)
- Ovsyannikov, V. A. (1982). Normirovanie massovoi kvartiry kak otrazhenie sotsial'no-ekonomicheskikh uslovii razvitiya zhilishcha [The regulations of the mass apartment standards as a reflection of socio-economic conditions in the development of housing]. In B. R. Rubanenko, K. K. Kartashova, D. G. Tonskii et al. (Eds.), *Zhilaya yacheika v budushchem* [Housing units in the future. Published by Stroiizdat] (pp. 26–36). Moscow: Stroiizdat. (in Russian)
- Pai, H. (2002). *The portfolio and the Diagram*. London: The MIT Press.
- Politbyuro TsK VKP(b). (1932, April 23). *Dekret "O perestroike literaturno-khudozhestvennykh organizatsii* [Decree "On the restructuring of literary and artistic organizations"]. *Partiinoye Stroitel'stvo*, 9. (in Russian)
- Reed, W., & Ogg, E. (1940). *New homes for old. Public housing in Europe and America*. New York: The Foreign Policy Association.
- Schoenauer, N. (2000). *6000 years of housing*. New York: W.W. Norton & Co.
- Schmitt, K. (1966). *Multistory housing*. New York: Praeger.
- Smirnova, L. (1981). *Zodchie Moskvy* [Moscow architects]. Moscow: Moskovskii rabochii. (in Russian)
- SNiP. (1962–2003). *Gosudarstvennyi stroitel'nyi komitet SSSR (Gosstroi SSSR) and Gosudarstvennyi komitet Rossiiskoi federatsii po stroitel'stvo i zhilishchno-komunal'nomu kompleksu (Gosstroi Rossii). Stroitel'nye normy i pravila: SNiP II-B.10-58, SNiP II-L, 1-62, 71; 2.09.04-87; 07.01-89 and SNiP: 3.01-96. 01; 31-03-2001; 31-01-2003; 11-04-2003* [The State Committee for Construction in the Soviet Union (Gostroy) and the State Committee of the Russian Federation for Construction and Housing and Communal Services (Gostroy of Russia). Building Law and Regulations: SNiP II-B.10-58, СНиП II-Л, 1-62, 71; 2.09.04-87; 07.01-89 и СНиП 3.01-96.01; 31-03-2001, 31-01-2003; 11-04-2003]. Moscow: Stroiizdat. (in Russian)
- Sovet Ministrov SSSR. (1947, January 13). *Dekret "O stroitel'stve v g. Moskve mnogoetazhnykh zdaniy"* [Decree "On the construction of high-rise buildings in Moscow"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Tsentral'nyi Ispolnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov. (1924, August 19). *Dekret "Polozhenie o zhilishchnoi kooperatsii"* [Decree "Regulation on Housing Cooperation"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Tsentral'nyi Ispolnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov. (1928, January 4). *Dekret "Osnovy zhilishchnoi politiki"* [Decree "About housing policy"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Tsentral'nyi Ispolnitel'nyi Komitet SSSR i Sovet Narodnykh Komissarov. (1928, May 16). *Dekret "Osnovy avtorskogo prava"* [Decree "Copyright Basics of Copyright"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Tsentral'nyi Komitet Kommunisticheskoi Partii i Sovet Ministrov SSSR. (1957, July 31). *Dekret "O razvitiy zhilishchnogo stroitel'stva v USSR"* [Decree "On the development of housing in the USSR"]. Moscow: Pravda. (in Russian)

- Tsentral'nyi Komitet Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi Partii (Bol'shevikov). (1930, May 16). *Dekret "O rabote po perestroike byta"* [Decree "About the restructuring of life"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Turkington, R., van Kempen, R., & Wassenberg, F. (2004). *High-rise housing in Europe. Current trends and future prospects*. Delft: DUP Scient.
- Urlanis, B. C. (1960). *Voiny i narodonaselenie Evropy* [Wars and population of Europe]. Moscow: Sotsekgiz. (in Russian)
- U.S. Census Bureau. (2012). *Statistical Abstract of the United States*. Washington: U.S. Government printing office.
- Vserossiiskii Tsentral'nyi Iсполnitel'nyi Komitet. (1918, August 20). *Dekret "Ob otmene chastnoi sobstvennosti v gorodakh"* [Decree "On the abolition of private property rights to real estate in cities"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Vserossiiskii Tsentral'nyi Iсполnitel'nyi Komitet. (1919, May 17). *Dekret "O lageryakh prinuditel'nykh rabot"* [Decree "On the forced labour camps"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Vserossiiskii Tsentral'nyi Iсполnitel'nyi Komitet. (1926, June 4). *Dekret "O kvartirnoi plate i merakh k uregulirovaniyu pol'zovaniya zhilishchami v gorodskikh poseleniyakh"* [Decree "On the rent and measures to regulate the use of housing in urban settlements"]. Moscow: Izvestiya. (in Russian)
- Walters, R. (1976). *Home sweet home: Housing designed by the London Country Council and Greater London Council Architects, 1888–1975*. London: Academy Editions.
- Zemskov, V. (2005). *Spetsialnye poseleniya v SSSR. 1930–1960* [Special settlers in the USSR. 1930–1960] (Doctoral dissertation). Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. (in Russian)
- Zhuravsky, D. (1856). *O mostakh raskosnoi sistemy Gau* [On the bridges of the diagonal Hau system]. Saint Petersburg: D. Kesnevil'. (in Russian)

Volodymyr Yu. Durmanov – Titular Professor, Architect-Engineer, Faculty of Architecture, Bialystok University of Technology, Doctor Habilitated (DSc).
Research Area: architecture and urban planning.
E-mail: v.durmanov@pb.edu.pl

Домохозяйства, владельцы и размеры городских квартир в России

В.Ю. Дурманов^а

^аБелостокский технический университет, 15-893, Польша, Белосток, ул. Оскара Сосновского, д. 11

Резюме

Статья посвящена выявлению социально-психологических причин, сформировавшихся в дореволюционной России, которые в советское время стали основой для создания в стране огромного городского жилищного фонда, заполнившего почти шестую часть планетной суши одинаковыми многоэтажными секционными зданиями, практически полностью состоящими из небольших по площади и числу комнат квартир. Строительная политика бывшего СССР изначально была направлена на скорейшее обеспечение всех семей отдельными квартирами. Представлялось, что технология массового типового проектирования обеспечит решение этой задачи в минимальные сроки и станет основой пространственного образа жилья в будущем. Всеобщее стремление к быстрому увеличению совокупной численности и площади квартир оставило без внимания вопрос об их пространственной организации, призванной учитывать конкретные возможности и требования отдельных социально-демографических групп населения. Несколько десятилетий активного строительства стандартных жилых зданий вызвало лавинообразное увеличение численности «очередников» – домохозяйств, нуждающихся в приобретении новой квартиры, исходя из установленной государством гигиенической нормы проживания. Анализ строительной практики в России, основанный на регулировании ограничений геометрических параметров квартир, свидетельствует о циклическом характере развития государственной жилищной политики, которая во многом зависит от динамики структуры собственности в стране. Установленная закономерность исключает возможность улучшения качества городских квартир путем использования концепции полной социализации или полной приватизации всех жилищных ресурсов страны. Исследования массового городского жилища, проведенные в середине 1980-х гг., установили, что развитие геометрических характеристик жилого помещения определяется изменениями в образе жизни домохозяйств. Концепции проектирования жилищ, которые оказались экономически эффективными и социально успешными при решении проблемы жилищной обеспеченности в одних социально-территориальных условиях, могут стать препятствием в других. Создание в стране динамично развивающегося жилищного фонда, способного быстро и эффективно осуществлять трансформацию его параметров возможно только на основе углубленных междисциплинарных исследований домохозяйств страны. Это позволит более точно определять характер изменений их жизнедеятельности, чтобы своевременно находить соответствующие геометрические характеристики и потребительские качества жилища.

Ключевые слова: домохозяйства, городская квартира, жилые помещения, собственность, методология проектирования.

Дурманов Владимир (Володимир) Юрьевич – профессор, Белостокский технический университет, титулярный профессор, доктор архитектуры, инженер-архитектор.

Сфера научных интересов: архитектура и урбанистика.

Контакты (e-mail): v.durmanov@pb.edu.pl

Статьи

ПРАКТИКИ САМОДИСЦИПЛИНЫ В ТРАНЗИТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ: СТОИЧЕСКИЙ РЕНЕССАНС И СКАНДИНАВИЗАЦИЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ

М.С. ГУСЕЛЬЦЕВА^а

^а ФГБНУ «Психологический институт Российской академии образования», 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4

Резюме

Трансдисциплинарный подход выступает методологией и познавательной практикой, связывающей разные аспекты исследований о человеке и преобразованиях его жизненного мира. В данной статье трансдисциплинарный подход служит в качестве концептуальной рамки для анализа малых культуральных движений, в которых происходят трансформации субъективности и образов жизни современного человека. Обсуждается ренессанс философии и практики стоицизма. Доказывается, что стоицизм, нестоицизм и новый (современный) стоицизм выступают конструктивным ответом на кризисы транзитивного общества. Малые культуральные движения в транзитивном обществе становятся инициаторами латентных изменений, творцами новых ценностей и моделей нормативности. В качестве примера таких движений рассматриваются стоицизм и нестоицизм в ракурсе практик саморазвития и самодисциплины субъекта, первоначально возникших в эпоху эллинизма, а затем возрожденных в нидерландском обществе XVII в. Фокусировка на осознанности и цельности жизни, преодоление фрагментарности мировосприятия, востребованность справедливости, морального долга, самосозидания и субъектности в транзитивном обществе объясняют актуальность философского учения стоиков в современности. Стоицизм отличается практической эффективностью, помогает выстроить смысловые ориентиры, способствует гармонизации индивидуального и социального в человеке, согласованности персональной и планетарной идентичности. Высказывается гипотеза, что наблюдающаяся в наши дни скандинавизация потребления является разновидностью культурального движения нового стоицизма. Утверждается, что тенденции глобальных изменений, сделавшиеся предметом внимания разных наук (от экономики до философии) требуют осмысления, во-первых, со стороны психологии, во-вторых, в концептуальных рамках трансдисциплинарного подхода. Первая перспектива позволяет сфокусироваться именно на изменениях субъективности человека (упускаемой теми науками, которые наблюдают трансформации в масштабе институтов и структур), вторая осмысливает происходящие процессы с позиции целостности и включенности обозначенных феноменов в их сетевые и контекстуальные взаимосвязи.

Ключевые слова: трансдисциплинарный подход, субъектность, самодисциплина, стоицизм, нестоицизм, повседневность, модернизация, культуральные движения, транзитивное общество.

Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бrenно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. ...Все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе — сновиденью и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. ...Что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии.

Марк Аврелий

Транзитивное и информационно-сетевое общество нередко рассматривается в наши дни в качестве нового феномена, присущего лишь XXI в., однако историко-генетический анализ выявляет как сходство с иными трансформациями мира человека, так и его отличия от них, имевшие место на протяжении веков. Значимым материалом для осмысления здесь являются неоднократно возобновляемые в современности, казалось бы, уже забытые традиции, идеи и практики. Так, термин «ренессанс», характеризовавший определенный временной этап в развитии европейской культуры, используется сегодня не только в качестве метафоры, но и для описания воспроизводящегося цивилизационного механизма (Асмолов, Гусельцева, 2019).

В наши дни речь идет о философском ренессансе, возрождении стоицизма, «изобретении традиций» и актуальности практик самодисциплины, нашедших отражение также в скандинавизации поведения и этичном потреблении (Andersen et al., 2007; Hobsbawm, Ranger, 2003; Nussbaum, 2011; Robertson, 2019; Пильюччи, 2018; Скирбекк, 2017; Шабанова, 2015; Шульман, 2019). Все эти тенденции, по отдельности представленные в дисциплинарных полях различных наук (философии, политологии, экономики, социологии, антропологии), требуют осмысления, во-первых, со стороны психологии, во-вторых, в концептуальных рамках трансдисциплинарного подхода (Гусельцева, 2018; Розин, 2016). Первая перспектива позволяет сфокусироваться именно на трансформациях субъективности человека (упускаемой теми науками, которые наблюдают изменения в масштабе институтов и структур), вторая — осмыслить происходящие процессы с позиции целостности, поликонтекстуальности и единой познавательной сети антропологических вызовов современности.

В рамках данной статьи представлены три объединенных идеями стоицизма культурно-психологических сюжета: *трансформация античного мира* (эпоха эллинизма), *трансформация европейского общества* (переход к эпохе модерна), *неочевидные трансформации современности*.

Стоицизм для Гамлета и Дон-Кихота

С позиции социокультурных изменений в истории Древнего мира Б. Расселом выделено три периода: свободных городов-государств (свобода и беспорядок); македонского господства (подчинение и беспорядок); Римской империи (подчинение и порядок) (Рассел, 2001). Несмотря на тот факт, что

каждый из периодов отличался особым мировосприятием и философско-психологическими проблемами, для раскрытия нашей темы наиболее значим второй, известный как *эпоха эллинизма*. Именно в это время происходила глобальная культурно-психологическая трансформация – переход от древнегреческого образа жизни и мироустройства к древнеримскому. Во внутреннем измерении человека эти перемены отражались в качестве переживаний транзитивности текущей жизни, а наиболее продуктивным и востребованным ответом на изменения выступил стоицизм.

В свою очередь, XVII столетие в европейской истории характеризовалось трансформациями субъектности и субъективности человека: в это время возникло такое интеллектуальное движение, как неостоицизм, сформировалась матрица дисциплинарного общества (Тейлор, 2017). Позднее в ретроспективной оптике стало заметно, что принципы стоицизма, самодисциплина и достоинство личности востребованы едва ли не на каждом культурно-историческом витке, сопровождающемся трансформациями повседневной жизни. «Честный скептик всегда уважает стоика. Когда распадался древний мир — и в каждую эпоху, подобную той эпохе, — лучшие люди спасались в стоицизм, как в единственное убежище, где еще могло сохраниться человеческое достоинство» (Тургенев, 1980, с. 347).

10 января 1860 г. на публичных чтениях «в пользу Общества для вспомоществования нуждающимся литераторам и ученым» И.С. Тургенев произнес речь, опубликованную впоследствии под названием «Гамлет и Дон-Кихот». В ней он отметил, что такие произведения, как «Гамлет» В. Шекспира и «Дон-Кихот» М. де Сервантеса, не случайно появились «в один и тот же год, в самом начале XVII столетия» (Там же, с. 330). В рамках же трансдисциплинарного подхода мы можем сегодня сформулировать, что в них нашли отражение два культурно-психологических типа, предлагавших разные пути преодоления кризиса *модернизации как трансформации в современность*. Так, Гамлет олицетворял рефлексивность (рациональность), но нерешительность; Дон-Кихот — активное вмешательство в реальность при отсутствии рассудительности.

Рассуждение И.С. Тургенева продуктивно и в анализе современности. Глобализация и каскады мягких политических кризисов, охватывающих разные регионы мира, проблемы неравенства и апелляция к человеческому достоинству, взаимосвязь региональных движений и планетарной идентичности — все эти вопросы так или иначе встают перед социогуманитарными науками, и в частности перед психологией, фокусирующейся на повседневности и транзитивности современного мира (Гусельцева, 2019; Марцинковская, 2017; и др.). Обозначенные тенденции проявляются в разных формах и осмысливаются представителями разных наук, однако наиболее показательны они в *ренессансе стоицизма* (Пильюччи, 2018; Becker, 1998; Evans, 2013; Farnsworth, 2018; Holiday, 2017; Lebell, 1995; Sheffield, 2013; Vernezze, 2005; и др.) и *скандинавизации потребления* (Скирбекк, 2017; Шабанова, 2015; Шульман, 2019; Whiting et al., 2018).

Ренессанс стоицизма

Новый (New Stoicism), или современный стоицизм, (Modern Stoicism) — интеллектуальное движение, возникшее на рубеже XX–XXI вв. Философы и когнитивно-бихевиоральные терапевты из университета Эксетера в Великобритании заложили традицию Stoic Week, ставшую в наши дни уже международным событием. Каждую осень в разных городах мира проходит Stoicon — конференция теоретиков и практиков стоицизма. Согласно Э. Лонгу, стоицизм — едва ли не единственная из философских школ античности, которая спустя века смогла возродиться в качестве сильного культурального движения¹ (Long, 2018). Основная цель современного стоицизма — переосмысление философии и духовных практик Стои в контекстах современности. Ведущими представителями этого движения явились Л. Беккер, Ш. Лебелл, Дж. Стокдэйл и др. (Becker, 1998; Cooper, 2009; Farnsworth, 2018; Graver, 2007; Haynes, 2010; Holowchak, 2008; Irvine, 2008; Lebell, 1995; Long, 1996; Pies, 2008; Robertson, 2010; Stockdale, 1993; Ussher, 2014, 2016; Vernezze, 2005). Сам же по себе феномен возрождения стоицизма породил разные объяснения и концептуализации.

В европейской цивилизации стоицизм востребован в качестве мировоззрения и повседневной жизненной практики, поскольку смог предложить продуктивные стратегии совладания с общей ситуацией транзитивности и текущей локальных трансформаций. Стоицизм направляет субъекта к построению целостной картины мира, создает внутренний стержень и тем самым помогает справляться с обрушивающимися информационными потоками и калейдоскопичностью реальности. Он трансисторичен и трансдисциплинарен, ибо применим в отношении разных исторических эпох и различных сфер жизни. Он фокусируется на личности, ее субъектности (внутреннем локусе контроля), самодисциплине, саморазвитии и социальной активности. Он парадигмально толерантен, позволяя соединить в мировоззрении различные идеи и философские системы². В качестве светского гуманизма стоицизм показан как религиозному человеку, так и атеисту. «В стоицизме не имеет значения, в кого верить — в Логос, Бога или Природу. Главное — признавать, что достойная человеческая жизнь строится на культивировании собственной личности и заботе о других людях (и о Природе), а это достигается путем разумного — но не фанатичного — отказа от мирских благ» (Пильюччи, 2018,

¹ В недавнее время в социогуманитарных исследованиях стало принято различать понятия «культурный» и «культуральный», поскольку первое неявно предполагает то или иное качественное изменение, например, обладающий культурой, преобразованный культурой; второе же означает попросту связанный с культурой, относящийся к сфере культуры процесс. Так: «культурный уровень школьников», но «культуральные исследования».

² Заметим, что полярные позиции исследователей также свидетельствуют об открытости учения стоиков к разным интерпретациям: так, М. Фуко обнаружил в стоицизме «заботу о себе» как конституирование субъекта, а П. Адо трактовал «духовные практики» как способы избавления от пристрастности и Я-центризма (Фуко, 1998).

с. 18). Стоицизм этичен и демократичен: ведь богатство или бедность, здоровье или болезнь никак не влияют на «способность жить по законам нравственности и таким образом достичь “атараксии” — ...спокойствия духа» (Там же, с. 17). Он не требует длительного изучения или специального образования, но легко применим в качестве жизненной практики. Он подходит людям с разной степенью когнитивной сложности и готовности к философскому погружению. Так, психологическому типу Гамлета он открывается с рациональной и рефлексивной стороны, а психологический тип Дон-Кихота увлекает гражданским участием и активной жизненной позицией.

Ведущие добродетели стоицизма близки к универсальным ценностям и пригодны во все времена. Не случайно социальность и рассудительность, мудрость (*sapientia*) и мужество (*andreia*), справедливость (*justitia*) и умеренность (*sophrosyne*) были ассимилированы христианской традицией³. В наши дни стоицизм противостоит клиповости сознания и фрагментации реальности, преодолевает экзистенциальный вакуум, возвращает человеку смысловую перспективу (греческий термин «цело-мудрие» означает целостное мышление о мире). Философия стоицизма послужила источником для ряда поведенческих, когнитивных и экзистенциальных направлений психологии. Стоицизм стал основой доказательной психотерапии, когнитивной поведенческой терапии А. Бека, рационально-эмоционально-поведенческой терапии (РЕВТ) А. Эллиса, логотерапии В. Франкла и др. (Пильюччи, 2018; Ралюк и др., 2018; Beck, Beck, 2011; Ellis, MacLaren, 1998). Образец продуктивного применения стоицизма в жизненной практике отражен в мемуарах вице-адмирала ВМС США Дж. Стокдейла (Коллинз, 2017, с. 183–192). Как и В. Франклу, стоицизм помог Стокдейлу выстоять в «адских условиях вьетнамского лагеря для военнопленных» (Пильюччи, 2018, с. 16). Будучи практически ориентирован, стоицизм культивирует в человеке внутренние опоры, мотивацию самостроительства, психологическую диспозицию личности, известную как *чувство собственного достоинства* (Зайцева, 2003). В отличие от терапии, которая работает с психологическими проблемами, стоицизм предлагает жизненную философию, способную стать ориентиром в турбулентном мире. Многим людям сложно принять неизбежность глобальных трансформаций, современниками которых они явились, но стоицизм направляет человека к индивидуальным стратегиям совладания, к тому, что человек может совершить сам и непосредственно в данный момент (Пильюччи, 2018).

Итак, стоицизм есть *искусство жить в транзитивном мире*. Это открытая интеллектуальная система, объединяющая теоретическое и обыденное знание. Согласно учению стоиков, по своей природе человек социален и расположен к разумному поведению. Однако эта разумность (рациональность и рассудительность) не является данностью — для ее поддержания необходимы усилия и самодисциплина. Применение разума к событиям повседневной жизни требует как саморефлексивности, так и ежедневной практики. Более

³ «Следы многих ключевых концепций стоицизма есть в других философских и религиозных традициях, включая иудаизм, христианство, буддизм и даосизм» (Пильюччи, 2018, с. 39).

того, стоицизм соединяет осознанность и гражданский активизм, персональное, национальное и общечеловеческое. Так, античных стоиков отличало экуменическое мировоззрение: это были первые космополиты, осознававшие себя гражданами мира. Учение учитывало критику других школ, расширяло горизонты новыми знаниями и открытиями (Пильюччи, 2018)⁴. Стоиками были люди разного социального статуса — вольноотпущенный раб Эпиктет, историк и астроном Посидоний, сенатор Сенека, император Марк Аврелий. Развитие философии стоицизма включало три периода: Ранняя Стоя (III–II вв. до н. э.); Средняя Стоя (II–I вв. до н. э.); Поздняя Стоя (I–II вв. н. э.). Наследие ранних стоиков считается утраченным, от него сохранились только фрагменты (Столяров, 1995).

Для раскрытия нашей темы важно еще раз подчеркнуть, что философия стоицизма возникла в ситуации культурно-психологической транзитивности. Ее вызвали к жизни трансформации древнегреческого мира в древнеримский, а именно: превращение повседневности локального античного полиса в глобализированное пространство римского владычества.

Рождение стоицизма на пути от Древней Греции к Древнему Риму

М. Поленц, автор фундаментального труда о культуре Стои, передает турбулентность эпохи эллинизма следующим образом: «Повсюду возникали и рушились царства, и тот, кто сегодня восседал на троне, завтра мог бежать из страны и жить скитальцем. Отдельный гражданин также был вовлечен во всеобщий водоворот и никак не мог быть спокоен за свою жизнь и свое благосостояние. У кого ему было искать убежища? Полис, в котором раньше грек мог видеть свою опору, сам стал игрушкой в руках великих держав» (Поленц, 2015, с. 26). Одновременно «там, где все внешнее стало ареной игры случая, только правильный внутренний настрой, фронесис, был в состоянии указать человеку спокойную гавань, в которой челнок его жизни получал надежное укрытие от свирепствующих бурь» (Там же, с. 27). Таким образом, оказалось востребовано мировоззрение, имеющее внутренний локус контроля, дающее человека опору на свои силы вне зависимости от меняющихся вовне обстоятельств, социальных норм и ценностей. Стоицизм сотворил искусство жизни, соединившее теорию и практику: с одной стороны, позволяющее осмыслить свое предназначение, с другой — отыскать силы и средства «выполнить его в любых обстоятельствах» (Там же, с. 9). «Логос и физис суть два краеугольных понятия научной мысли греков. Они же служат и несущими столпами для их философии» (Там же, с. 13).

⁴ Антидогматизм стоицизма показателен в рассуждениях Сенеки: старшие умы — не повелители, но вожатые; никто не владеет истиной, она принадлежит всем; изрядная доля интеллектуальной работы достается потомкам, призванным модернизировать наследуемые учения (Там же). «Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами» (Аврелий, 1993, с. 7). «Все разумное в родстве между собой, ...забота о всех людях отвечает природе человека, но ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе» (Там же, с. 27) (т.е. разумно).

Результатом политики эллинизации было проведение «в умы мыслящих людей концепции человечества как единого целого» (Рассел, 2001, с. 281). «В философии этот космополитический взгляд берет начало от стоиков, но в действительности он появился раньше — начиная со времен Александра Македонского» (Там же). Значимым переживанием меняющегося общества сделалась депривация безопасности в повседневной жизни. «После блестящего периода завоеваний Александра эллинистический мир превратился в хаос из-за отсутствия деспота, достаточно сильного, чтобы достичь прочного превосходства, или из-за отсутствия принципа, достаточно могущественного, чтобы обеспечить сплоченность общества» (Там же, с. 286). Таким образом, в транзите между демократией и авторитаризмом, как и в иных исторических модернизациях, царили турбулентность и обескураженность.

В ситуации, когда внешний мир исполнен угроз и неопределенности, равно как и в отсутствие политических свобод, особую ценность приобретают невозмутимость, самообладание и внутренний локус контроля (Long, 2018)⁵. В эллинистическую эпоху, на переходе от античной культуры к римскому владычеству, греческий человек оказался предоставлен самому себе. «Государство все еще давало ему жизненное пространство, но уже никак не определяло содержания его жизни» (Поленц, 2015, с. 23). Культурно-психологические трансформации того времени отразились в изобразительном искусстве, которое создавало реалистические портреты, «желая изображать не столько прекрасное, сколько действительное и предпочитая обращаться к будничным темам повседневной жизни. Также и вне искусства хотели видеть неприкрашенную действительность, принимали жизнь такой, как она была, и стремились собственными силами организовать и оформить в ней свой личный быт» (Там же). Важно отметить, что как в эллинистическую эпоху, так и позднее в Новое время *продуктивным ответом на кризисы модернизации явились самоуправление, самодисциплина и самоирония.*

Подчеркнем и тот факт, что стоицизм не подавлял эмоции (Graver, 2007), но обучал культуре внешней сдержанности, самодисциплине, «рассудительности... и отсутствию рисовки» (Аврелий, 1993, с. 7), «не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи» (Там же). Важную роль играли не только целостная картина мира (цело-мудрие) и активная жизненная позиция, но и нравственная проблематика. Так, в ранней Стое различали два понятия — *kathekon* (καθηκον, officium, duty, proper function — надлежащее действие) и *katorthoma* (κατορθωμα, recte factum, perfect action — нравственно-правильное действие), которые характеризовали разные аспекты моральных поступков и соответствующие им принципы долженствования (Гаджикурбанова, 2012). Дошедшая до наших дней максима — *fais ce que dois, advienne, que pourra*

⁵ «Не поступай ни против своей воли, ни в противоречии с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти. Не облачай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием» (Аврелий, 1993, с. 27) — обращается к самому себе М. Аврелий.

(делай, что должен, и свершится, чему суждено) – органично возникла в стоицизме, сделавшись конструктивным принципом поведения при всяком сложном моральном выборе.

В культурно-психологическом плане эпоха эллинизма сфокусировалась на проблемах взаимоотношения личности и общества, индивидуального и социального. Ведущие философские школы – киники, эпикурейцы, стоики, скептики, платоники – по-разному трактовали эти вопросы. Философские дискуссии обращались к проблемам морали и нравственности: должен ли человек подчиняться установленной в обществе нормативности или следовать выработанным самостоятельно представлениям о добре и зле. Драматурги того времени – Софокл, Еврипид, Эсхил – создавали художественно-иносказательные вариации этих размышлений («Эдип», «Прометей», «Медея», «Орестея» до сих пор остаются аксиологически значимыми культурно-психологическими сюжетами).

Социокультурный кризис, подвижность поведенческих норм характеризовали эпоху эллинизма как транзитивное общество. «Старый беспорядок дней свободы был терпим, потому что каждый пользовался долей этой свободы; но новый, македонский беспорядок, навязанный подданным неумелыми правителями, был... гораздо более невыносим, чем последующее подчинение Риму» (Рассел, 2001, с. 244). Согласно Б. Расселу, политическая неопределенность была губительна для добродетели. Зачем быть бережливым, если все могут завтра отнять? Зачем быть честным, если кругом обманывают? Зачем быть принципиальным, если это не имеет для жизни значения? (Там же). Однако конструктивный ответ на эти вопросы создавал аксиологические опоры и углубление внутреннего психологического пространства человека. Учение стоиков предлагало ответы на психологические запросы трансформирующегося общества. Так, стоицизм сделался мировоззрением множества образованных римлян в I в. до н. э., в век гражданских войн и гибели республики. Стоики доказывали возможность нравственного выбора, сохранения внутренней свободы и человеческого достоинства практически в любых, даже самых невыносимых обстоятельствах.

Едва ли не впервые человек выстраивает здесь себя в совокупности экзистенциальных координат: персональное – национальное (гражданское) – общечеловеческое (цивилизационное), а *становление идентичности связывается с обретением субъектности*. Чтобы наилучшим способом прожить жизнь, важно понимать «две вещи: природу мира (и свое место в нем) и природу человеческого мышления (со всеми его ошибками и стремлением представлять самому себе ментальные ловушки)» (Пильюччи, 2018, с. 28).

Согласно учению стоиков, осмысленная жизнь подразумевает дифференциацию тех вещей, которые человек не способен контролировать, от тех, которые он может изменить, а среди последних – выстраивание приоритетов необходимого сделать здесь и сейчас. О первом не стоит заботиться (это – *безразличное*), на последнее же направить все силы (это – *благо*). Зачастую человек не в силах изменить обстоятельства судьбы, уклониться от исполнения долга (в формулировке греческого стоика Клеанфа: *ducunt volentem fata, nolentem trahunt* (желающего судьба ведет, нежелающего тащит)). Однако

главное в жизни — сохранить достоинство и внутреннюю свободу, а это достигается посредством сознательного отношения к событиям. *Важно то, что происходит сейчас*. Именно на этом следует сфокусироваться и выполнить в оптимуме усилий, следуя долгу, т.е. ориентируясь не столько на внешнее благо, сколько на внутренний принцип. Если всякая профессиональная практика предполагает с внешней стороны вознаграждение, то с внутренней — стандарты мастерства и самооценку призвания. «Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить нечто чужеродное: одобрение толпы, упоение властью, богатством, жизнью, полной наслаждений. Но все это способно внезапно увлечь и овладеть тобой, едва ты припишешь ему хоть незначительную ценность» (Аврелий, 1993, с. 28).

В сознательной трансформации субъектности стоики выделяли *дисциплину желаний*, опирающуюся на такие добродетели, как доблесть (умение действовать, глядя фактам в лицо) и умеренность (соизмерение желаний и возможностей достижения); *дисциплину действия*, имеющую основой социальность (заботу о других) и справедливость; *дисциплину сознания* — осознанность и адекватная оценка меняющихся жизненных ситуаций с опорой на рассудительность и рациональность⁶. Важную роль в стоицизме также играли самоирония и сознательное самоограничение, безразличие к социальным статусам и переживанию собственной значимости. «...Самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. ...Настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери — и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. <...> Настоящее — вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает» (Там же, с. 22). Каждый момент жизни самоценен: в этом мгновении сконцентрирована вся вселенная.

Человечность (принадлежность к человеческому роду, идея единого человечества) и *трансцендентность* (логос — рациональный закон, лежащий в основе мироустройства) — ведущие элементы психологического учения стоиков. В дальнейшем стоицизм становится трансисторической дисциплинирующей практикой, продемонстрировавшей, каким образом работа над собой взаимосвязана с преобразованиями общества. В этом плане Нидерланды XVII в. дают нам пример вполне сознательных усилий, в результате которых возникла *самодисциплина* (преображенная субъектность) и *дисциплинарное общество* (разумно и относительно справедливо организованная повседневность).

Неостоицизм как самодисциплина личности и общества

В начале XVII в. (когда появились «Гамлет» В. Шекспира и «Дон-Кихот» М. Сервантеса) в европейской культуре происходила модернизация: возник-

⁶ «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, чего я не могу изменить, мужество — изменять то, что могу, и мудрость — всегда отличать одно от другого» ... Человек может повлиять только на то, что происходит здесь и сейчас. Признание этого факта требует мужества — но не того рода мужества, которое нужно в бою, а более глубокого и, пожалуй, даже более важного, поскольку именно оно позволяет нам прожить жизнь наилучшим образом» (Пильюччи, 2018, с. 38).

ли культуральное движение нестоицизма и практики самодисциплины, трансформировавшие сначала поведение и быт элит, а затем и всего общества. На рубеже XVI–XVII вв. в Европе в качестве сознательного преобразования повседневности стал популярен римский стоицизм: искусство критически мыслить (пользоваться собственным разумом), понимать устройство мира как целого (цело-мудрие), рационально организовать хозяйство и жизнь (самодисциплина). Ч. Тейлор описывает эти трансформации культуры и субъективности человека в рамках секулярной модели дисциплинарного общества (Тейлор, 2017).

Однако практически незамеченным вплоть до исследований Р. Брага оставался тот факт, что Рим предложил довольно неординарный культуральный ответ на вызовы транзитивности. «Быть римлянином» означало «испытывать старое как новое, как то, что обновляется, будучи перенесенным на новую почву» (Браг, 1995, с. 29). Такой перенос позволял *сделать классическое наследие принципом нового развития*. Специфически «римским является опыт начала как возобновления» (Там же). Этот механизм, впервые открытый в римской культуре, — суть европейскости⁷, которая есть не только уникальный опыт Европы, но одновременно и универсальный цивилизационный путь развития: повторяющиеся затем в средневековой культуре, в возрожденческой, просвещенческой, в американской («*novus ordo saeculorum*», — интенция, свидетельствующая о глубоко европейской легитимности Соединенных Штатов» (Там же)), наконец, в восточных культурах — *ренессансы* (см., например: Кирквуд, 1988). В дальнейшем этот опыт субъектности в обновлении традиций, принятие личной ответственности за социокультурное творчество найдет выражение в понятии Э. Хобсбаума «изобретение традиций» (Hobsbawm, Ranger, 2003).

Итак, возродившийся, изобретенный заново стоицизм оказался неочевидной предпосылкой модернизации Европы, распространившись в сферы политики, придворного этикета, ведения домашнего хозяйства и рациональности повседневного быта. Значимой исторической фигурой на этом пути стал Юст Липсий (1547–1606) — нидерландский гуманист, историк культуры, философ, филолог, основатель нестоицизма, политический мыслитель и деятель (Новикова, 2005; Столяров, 1995).

Основой возрождения государства Ю. Липсий провозгласил общее улучшение нравов через образование и просвещение, которым следовало уделять больше внимания. Его программа модернизации была направлена на самовоспитание элит, Ю. Липсий доказывал, что правители должны не просто принуждать граждан к цивилизованности, но, прежде всего, задавать культурные образцы. Он и сам воспитывал политическую элиту в качестве педагога: молодых людей, вполне готовых как продолжать научные исследования, так и становиться юристами и государственными служащими.

⁷ Согласно Р. Брагу, европейскость — это самодисциплина, коренящаяся в модернизационной установке, начавшаяся «с сознания того, что позади стоит возвышенный “эллинизм”, а впереди, ниже, простирается варварство, которое следует себе подчинить» (Браг, 1995, с. 33).

Свое антропологическое учение Ю. Липсий изложил в трактатах «О постоянстве» (*De Constantia*) и «Политика» («*Politicorum sive civilis doctrinae libri sex*»). Он полагал, что жизнь человека строится под воздействием фатума (природных закономерностей), фортуны (внешних случайных обстоятельств) и свободной воли. Антропологически человек являет антиномию души (*anima*) и тела (*corpus*); психологически это выражается в единстве и противоборстве мыслительных процессов — разума и мнения, последнее обусловлено чувствами и плотским началом, а потому служит источником непостоянства и заблуждений. Задача человека — преодолевать воздействия фатума и фортуны, а также бороться с аффектами и ложными мнениями (Новикова, 2005). В «Политике» — трактате о воспитании управленческой элиты — Ю. Липсий подчеркивал, что благоразумие (рациональность) и добродетели правителя являются значимыми условиями процветания государства. Он рекомендовал самоограничение в роскоши (чрезмерных тратах на жилище и наряды), осуждал праздность и поощрял уважение к труду (Там же). В трактате «О библиотеках» («*De bibliothecis syntagma*») Ю. Липсий утверждал, что распространение книг является основой сообщества интеллектуалов. Последним необходимо свободно высказывать разные позиции, поскольку путь к истине пролегает через дискуссии и состязание картин мира. Избыточная же ориентация на традиции и привычки приводит к окаменелым мыслям (Липсий, 2013).

Здесь важно отметить, что европейская модернизация не сводима к индустриализации, успехам технологии и промышленности. Прежде всего это цивилизационный процесс, культурно-психологическими продуктами которого являются доверие и самодисциплина, личная автономия и солидарность, аргументативная рациональность (см.: Скирбекк, 2017) и гражданственность, этичность поведения и высокие гуманитарные стандарты. Все эти трансформации повседневной жизни в Голландии XVII в. простирались от практик семейного воспитания до политики самоограничения элит. Показательно, что в сравнении с этим спецификой российских модернизаций выступало доминирование технологической (а в 1990-е — экономической) стороны, но пренебрежение аксиологическими и гуманитарными факторами (Асмолов, Гусельцева, 2019). Так, культурно-психологические проблемы российской модернизации, не используя данного термина, исследовал Г.Г. Шпет (Шпет, 2005). В советском модернизационном проекте форсированная и надрывная индустриализация буквально подавила цивилизационное развитие и качество жизни людей, напротив, в Голландии модернизация явилась и открытием, и самоорганизацией гуманитарных и повседневных сфер жизни человека.

Наследие золотого века голландской живописи, сохранившаяся архитектурная среда, миниатюры и дневники предоставили уникальную возможность до мельчайших деталей изучить повседневную жизнь Нидерландов XVII в. (Бенеш, 1973; Випер, 1962; Зюмтор, 2001; Тарасов, 2004; Уэджвуд, 1998; Хейзинга, 2009; и др.). Искусствоведы отмечают, что именно в XVII в. в Голландии натюрморт выступил особым видом искусства. Для историков культуры полотна «малых голландцев» стали как бы порталом виртуальных путешествий во времени. Психологам же в натюрмортах открывается не только

внимание людей к деталям их повседневности, но и уважение к приватному пространству человека.

В XVII в. Голландия являлась наиболее передовой и процветающей страной Европы, урбанизированной, отличавшейся образованным и граждански ответственным населением (самоорганизовавшимся в профессиональные гильдии, локальные общины и интеллектуальные сообщества), с высокой культурой питания и рациональной организацией быта. Так, если мы сравним портреты голландских живописцев того времени, например, «Портрет Жана де ла Чамбре» кисти Ф. Хальса (1638) и русские парадные портреты («Портрет воеводы И.Е. Власова» Г.Н. Адольского, 1695)⁸, то обнаружим, насколько различно запечатлены в художественных произведениях в одном случае сложный психологический мир, достоинство и субъектность человека, во втором — ориентация на внешние признаки социального статуса.

Не только гражданская ответственность, но и субъектность, внутреннее психологическое пространство, чувство собственного достоинства обретаются людьми через самодисциплину. Нидерланды XVII в. пронизаны латентной идеей рациональности, которая растворена в повседневности, но задает дисциплинирующие образы жизни и на уровне организации городской среды, и в форме негласного этикета. Более того, самодисциплина и местное самоуправление в итоге создают эффективное и дружественное по отношению к человеку государство. Согласно учению стоиков, правильное мышление о мире ведет к правильной жизни в нем. Поступать же правильно — означало каждый раз совершать моральный выбор между добром и злом; следовать логосу и своей природе (разумной основе космоса и психики); осознавать смысл и реализовывать в поведении свой долг. Таким образом, поступая правильно, человек изменяет мир к лучшему, начав с себя. Стоицизм учил и психологической децентрации, где человек — не центр мироздания, а частица космоса. Из этого проистекало как экологическое мышление, так и способность рефлексировать смену оптики, продвигаясь от осознаваемой субъективности собственного взгляда к предполагаемой точке наблюдателя объективного порядка вещей. В стоицизме стала возможна гармония индивидуальности (*персональной идентичности*), нации (*гражданской идентичности*) и космополитизма (*планетарной идентичности*).

Основными идеями стоицизма, нашедшими отражение в практиках модернизации человека и общества, явились рациональность и самодисциплина. Экологичное (экуменическое) сознание, значимость человеческого достоинства и социальной справедливости, самодисциплина и самоограничение элит составляли неявно основанную на стоицизме, изобретенную традицию, сыгравшую важную роль в социокультурной модернизации Европы. Отголоски учения стоиков угадываются и в таком небезызвестном конструкте, как «протестантская этика» (М. Вебер). На наш взгляд, сходные идеи развиты в моделях скандинавского социального государства.

⁸ Идея сравнения именно этих портретов заимствована из лекции «Золотой век голландской живописи» в галерее Дейнеки (<https://www.youtube.com/watch?v=fjiDYk0dMpM>).

Северные модели рациональности и самодисциплины: скандинавизации потребления

Детальная характеристика скандинавского пути в современность может быть представлена в отдельной статье, потому обрисуем его здесь лишь в общих чертах, сославшись на некоторые работы (см.: Гуревич, 2005; Сидорина, 2018; Скирбекк, 2017; Bonoli, 1997; и др.). Важно отметить, что путь развития скандинавского общества отличался от пути европейских соседей. В Скандинавских странах античное наследие не играло особой роли, тем не менее выработанные в процессе северной модернизации ценности вполне сопоставимы с ценностями стоицизма. Более того, рациональность, самодисциплина и непрестижное потребление представлены здесь даже более последовательно, нежели в новоевропейском мире.

В фундаментальных трудах А.Я. Гуревича было показано, что личность скандинавских народов формировалась иначе, чем европейская. «Индивид в обществе языческой Северной Европы отнюдь не поглощался коллективом – он располагал довольно широкими возможностями для своего обнаружения и самоутверждения» (Гуревич, 2005, с. 43). Личное достоинство являлось одной из базовых ценностей древнескандинавской культуры. При этом категории чести и достоинства проистекали не из системы социальных статусов (как это было в странах Центральной Европы), а вырабатывались в повседневности коммуникативных практик. Так, например, «в свободной Исландии преобладали не вертикальные связи соподчинения, а связи горизонтальные, и личность черпала свое достоинство из отношений с себе подобными» (Там же, с. 389). Североевропейский образ жизни продуктивно разрешал антиномию социализации (ориентации на общество) и индивидуализации (автономию и внутренний локус контроля): «осознание человеком своего достоинства (самоутверждение личности) и осознание им собственной внутренней обособленности, индивидуальности» (Там же, с. 42). Исторические обстоятельства формирования подобного типа личности более детально представлены в упомянутых работах А.Я. Гуревича и Г. Скирбекка.

Скандинавская (североевропейская) модель модернизации объединила траектории развития таких стран, как Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция. Эту модель, называемую нередко *государством всеобщего благоденствия* (Сидорина, 2018; Химанен, Кастелс, 2002; Andersen et al., 2007; Besharov, 1998; Einhorn, Logue, 1989), характеризуют следующие черты: гармоничное сочетание социализации и индивидуализации, солидарности и личностной автономии, социальной защиты и обеспечения прав человека. Однако ее описания в категориях «скандинавский социализм», или «скандинавский государственный индивидуализм», с позиции трансдисциплинарного подхода представляются в равной степени односторонними (Гусельцева, 2019).

В исследовании норвежской модернизации Г. Скирбекка (2017) показаны роль рациональности и повседневных коммуникативных практик в формировании скандинавской демократии, а также ориентации на ценности социальной

справедливости и трудно переводимого понятия *evenkiinnorway* (все равны: разные, но равные)⁹. Отметим, что благодаря традиции *аргументативной рациональности* как практике разрешать конфликты посредством совместно-обсуждения и договоренностей даже в предшествующую просвещению эпоху норвежские крестьяне отличались образованностью, правовой грамотностью и осознанно распоряжались собственностью. Эти социокультурные факторы способствовали чувству собственного достоинства, взаимному доверию и солидарности. Так, например, когда в 1762 г. крестьяне выступили против Специального налога в Южном Вестланне, «они аргументировали свою позицию, ссылаясь на законы и правила, сочетая, таким образом, интерпретативную и аргументативную рациональности» (Скирбекк, 2017, с. 93). В итоге норвежские крестьяне достигли успеха посредством действия самоорганизованного и мирного протеста в сочетании с «силой наилучшего аргумента» (Там же).

Исследуя успехи норвежской модернизации, Г. Скирбекк выделяет разнообразие типов рациональности: *инструментальную* (как основу технократического мышления), *интерпретативную* (возникшую из практик объяснения и толкования текстов) и *аргументативную* (способность излагать и отстаивать свои позиции в свободной дискуссии) (Скирбекк, 2017). Именно норвежские повседневные практики рациональности прокладывали путь социальному процессу, в котором вырабатывались представления, как следует поступать в ситуации потенциального конфликта, в столкновении разных точек зрения и интересов. Поступать же следовало так: *обсуждать проблемы и договариваться, а затем уважать совместно выработанные решения*. «Древненорвежское и древнеисландское общества на рубеже первого и второго тысячелетий характеризовались в большей степени законным управлением и умением договариваться – хёвдинги и свободные бонды принимали участие в местных тингах» (Там же, с. 121). Важно отметить, что оппонентов здесь считали достойными уважения разумными людьми, которых можно убедить при помощи сильной аргументации. Законы и правовые процедуры воспринимали как справедливые и полезные для достижения согласия и общего блага. Эти культурные и психологические факторы в конечном итоге и явились предпосылками демократического устройства и социального благополучия Скандинавских стран.

Таким образом, рациональность, осознанность, ценности социальной справедливости и права как основания достоинства личности заложили фундамент государства всеобщего благоденствия Скандинавских стран.

Весьма значимый тренд, наблюдаемый сегодня в ракурсе глобальных трансформаций и изменения социальных норм, получил название *скандинавизации поведения*: переход от демонстративного и престижного потребления

⁹ Так, в норвежском обществе к любому, кроме членов королевской семьи, принято обращаться на «ты»; в отношениях учителя и ученика, начальника и подчиненного нет авторитарности, а по умолчанию присутствует право отстаивать собственную точку зрения. Норвежская этика требует *вести себя ровно* и судить о человеке по его личным качествам, а не принадлежности к этносу, конфессии, партии или социальной группе.

к этичному (ethical), ответственному (responsible), осознанному (conscious) и экологическому потреблению (Авдеева, 2020; Гришанова, Татарина, 2013; Wonderzine, 2016; Шабанова, 2015; Grisewood, 2009; Harrison et al., 2005; и др.). «В современном обществе можно жить достойной жизнью — как политической, так и культурной, — имея более скромные материальные условия и более разумное потребление, чем это имеет место сегодня» (Скирбекк, 2017, с. 157).

Демонстративное (престижное) потребление являлось наследием викторианской (буржуазной) эпохи (Веблен, 1984). В наши дни, достигнув кульминации в *обществе потребления*, оно постепенно вытесняется ценностями малых культуральных движений: заботой об экологии, скромностью и аскетизмом в быту¹⁰. Эти тенденции нашли отражение в ценностях молодых поколений: в космополитизме, озабоченности социальной справедливостью, в готовности меньше зарабатывать, но иметь досуг и путешествовать; арендовать жилье, а не владеть имуществом; в практиках экологичного и этичного потребления; в равнодушии к брендам и т.п. (Омельченко, 2019; Шабанова, 2015; Шульман, 2019; и др.).

Несмотря на тот факт, что в российской действительности на виду скорее утрированные образцы демонстративного и престижного потребления, нежели скромность и аскетизм, смеем предположить, что, как показывает история иных цивилизационных трендов, и для России это ценности завтрашнего дня, гораздо менее отдаленного, нежели представляется из анализа текущих событий. Так, фиксируемый социологами и политологами *антиэлитный запрос* является, на наш взгляд, лишь надводной стороной айсберга латентного, более глубокого и устойчивого тренда скандинавизации поведения, содержащего в себе потенциалы рациональности, осознанности, экологической и гражданской ответственности¹¹.

¹⁰ Отметим также такие малые, но разнообразные культуральные движения, как эссенциализм, минимализм, «медленная жизнь», дауншифтинг и т.п. (МакКеон, 2018; Оноре, 2014; Нопогé, 2013; Millburn, Nicodemus, 2011; Newport, 2019; и др.).

¹¹ В качестве иллюстрации приведем наблюдения университетских профессоров из серии интервью психологов о будущем психологии. Так, Н.В. Гришина замечает: «Нельзя не обратить внимание на мощно нарастающий интерес людей к практикам саморазвития, самосовершенствования, что особенно заметно по тому, какие темы активно обсуждаются в социальных сетях. Мои студенты говорили о том, что есть сообщества с названием или лозунгом пробуждения». Рост рациональной зрелости студентов отмечает Т.В. Корнилова: «Они... понимают, что можно читать разные книжки, можно по-разному мыслить. <...> ...сегодняшний... студент не будет так эмоционально реагировать и включаться в какие-то споры, как студенты нашего времени. Нынешние как-то отстраненно воспринимают свою учебу и взаимодействие с другими. Они научились немножко отодвигать свои эмоции» (<http://ipras.ru/cntnt/rus/media/on-layn-bibliote/intervu-o-budush.html>).

Заключение

Античная традиция не только сформировала в европейской культуре общи подлежащие¹², но и способствовала выработке цивилизационного механизма саморазвития (Браг, 1995; Hobsbawm, Ranger, 2003; и др.). Психологической же стороной этого механизма выступили практики самодисциплины, возделывания себя (Адо, 2005; Фуко, 1998).

В мире транзитивности, где бытие человека служит мостом между порядком и хаосом, необходимыми культурно-психологическими ресурсами становятся рациональность и самодисциплина. В этой связи представляется важным не столько приучать человека жить в мире неопределенности (что не вполне органично природе, стремящейся к прегнантности и самоорганизации), сколько помогать ему обрести инструменты внутреннего сопротивления как хаосу (преобразуя его в порядок в процессе творчества), так и порядку (отстаивая индивидуальность в актах свободы воли). Таким образом, заново изобретаемые в современности стоические традиции — рациональность, самодисциплина и экзистенциальное творчество — выступают конструктивными культурно-психологическими ресурсами для жизни в эпоху перемен.

Литература

- Авдеева, А. И. (2020). Популяризация ответственного потребления как элемент маркетинговой стратегии современных компаний. *Вектор экономики*, 1(43), 17.
- Аврелий, М. А. (1993). *Наедине с собой. Размышления*. Киев: Collegium Artium.
- Адо, П. (2005). *Духовные упражнения и античная философия*. М./СПб.: Степной ветер.
- Асмолов, А. Г., Гусельцева, М. С. (2019). О ценностном смысле социокультурной модернизации образования: от реформ – к реформации. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*, 1, 18–43.
- Браг, Р. (1995). *Европа, римский путь*. Долгопрудный: Аллегро-Пресс.
- Веблен, Т. (1984). *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Гаджикурбанова, П. А. (2012). *Этика Ранней Стои: учение о должном*. М.: ИФРАН.
- Гришанова, С. В., Татарнинова, М. Н. (2013). Проблемы экологизации потребления и экологическая маркировка продукции. *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*, 9(107), 147–152.
- Гуревич, А. Я. (2005). *Индивид и социум на средневековом Западе*. М.: РОССПЭН.
- Гусельцева, М. С. (2018). Трансдисциплинарный подход в современной психологии. *Вопросы психологии*, 5, 3–12.

¹² *Общи подлежащие* здесь – устойчивое выражение, обозначающее латентную основу возможности понимания между собеседниками. Так, в психологии в качестве примера подобной ситуации нередко приводят сцену объяснения Левина и Кити из романа Л.Н. Толстого. Л.С. Выготский в книге «Мышление и речь» прокомментировал эту ситуацию следующим образом: «В случае наличия общего подлежащего в мыслях собеседников понимание осуществляется сполна с помощью максимально сокращенной речи с крайне упрощенным синтаксисом; в противоположном случае понимание совершенно не достигается даже при развернутой речи» (Выготский, 1983, с. 313).

- Гусельцева, М. С. (2019). *Психология повседневности в свете методологии латентных изменений*. М.: Акрополь.
- Зайцева, Ю. Е. (2003). *Чувство собственного достоинства как психологический феномен* (Кандидатская диссертация). Санкт-Петербургский государственный университет.
- Зюмтор, П. (2001). *Повседневная жизнь Голландии во времена Рембрандта*. М.: Молодая гвардия.
- Кирквуд, К. П. (1988). *Ренессанс в Японии. Культурный обзор семнадцатого столетия*. М.: Наука.
- Коллинз, Д. (2017). *От хорошего к великому*. М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Липсий, Ю. (2013). *О библиотеках*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный институт культуры.
- МакКеон, Г. (2018). *Эссенциализм. Путь к простоте*. М.: Манн, Иванов, Фербер.
- Марцинковская, Т. Д. (2017). Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 10(56), 1. Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Новикова, О. Э. (2005). *Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606)*. М.: РХТУ им. Д.И. Менделеева.
- Омельченко, Е. Л. (2019). Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*, 1, 3–27.
- Оноре, К. (2014). *Без суеты: Как перестать спешить и начать жить*. М.: Альпина Паблишер.
- Пильюччи, М. (2018). *Как быть стоиком. Античная философия и современная жизнь*. М.: Альпина нон-фикшн.
- Поленц, М. (2015). *Стоя. История духовного движения*. М.: Издательский проект Quadrivium.
- Рассел, Б. (2001). *История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от античности до наших дней*. Новосибирск: Изд-во Новосибирского университета.
- Розин, В. М. (2016). Обсуждение феномена трансдисциплинарности – событие новой научной революции. *Вопросы философии*, 5, 106–116.
- Сидорина, Т. Ю. (2018). *Государство всеобщего благосостояния*. СПб.: Нестор-История.
- Скирбекк, Г. (2017). *Норвежский менталитет и модерность*. М.: РОССПЭН.
- Столярков, А. А. (1995). *Стоя и стоицизм*. М.: АО «Ками Групп».
- Тейлор, Ч. (2017). *Секулярный век*. М.: ББИ.
- Тургенев, И. С. (1980). Гамлет и Дон-Кихот. В кн. И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем* (т. 5, с. 330–350). М.: Наука.
- Фуко, М. (1998). *Забота о себе. История сексуальности* (т. 3). Киев/М.: Грунт/Рефл-бук.
- Хейзинга, Й. (2009). *Культура Нидерландов в XVII веке*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Химанен, П., Кастелс, М. (2002). *Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель*. М.: Логос.
- Шабанова, М. А. (2015). Этичное потребление как инновационная практика гражданского общества в России. *Общественные науки и современность*, 5, 19–34.
- Шпет, Г. Г. (2005). *Философско-психологические труды*. М.: Наука.
- Шульман, Е. М. (2019). Потребление сменяется с обладания объектом на получение впечатлений. *Kalinka*, 8, 150–159.
- Wonderzine. (2016, 15 августа). *Разумное потребление: Этичные марки и правила шоппинга*. Режим доступа: <https://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/219893-social-responsibility-2>

Гусельцева Марина Сергеевна — ведущий научный сотрудник, ФГБНУ «Психологический институт РАО», доктор психологических наук, доцент.
Сфера научных интересов: методология, история психологии, философская антропология, исследования культуры.
Контакты: mguseltseva@mail.ru

Self-discipline Practices in a Transitive Society: Stoic Renaissance and Scandinavization of Consumption

M.S. Guseltseva^a

^aFBSSI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, 9, Bld 4, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract

The transdisciplinary approach is a methodology and practice that connects various aspects of research about a person and the transformations of his lifeworld. The transdisciplinary approach serves as a conceptual framework for the analysis of small cultural movements in which transformations of the subjectivity and lifestyles of contemporary human occur. The renaissance of the philosophy and practice of stoicism is discussed. It is proved that stoicism, neo-stoicism and the new (modern) stoicism are a constructive response to the crises of transitive society. Small cultural movements in transitive society become initiators of latent changes, creators of new values and normative models. As an example of such movements, stoicism and neo-stoicism are considered from the perspective of the subject's self-development and self-discipline practices which arose initially in the Hellenistic era and then revived in Dutch society of the 17th century. Focusing on the awareness and integrity of life, overcoming the fragmentation of worldview, the demand for justice, moral duty, self-creation and subjectivity in transitive society explain the relevance of the philosophical teachings of the Stoics today. Stoicism is characterized by practical effectiveness, helps to build meaningful life guidelines, helps harmonize the individual and social in a person, harmonizes personal and planetary identities. It is hypothesized that the current "scandinavianization" of consumption is a kind of cultural movement of the new Stoicism. It is argued that the trends of global changes that have become the focus of various sciences (from economics to philosophy) require reflection, firstly, from the side of psychology, and secondly, within the conceptual framework of the transdisciplinary approach. The first perspective allows us to focus precisely on changes in human subjectivity (missed by those sciences that observe transformations on the scale of institutions and structures), the second comprehends the ongoing processes from the perspective of the integrity and inclusion of these phenomena in their network and contextual relationships.

Keywords: transdisciplinary approach, subjectivity, self-discipline, stoicism, neo-stoicism, everyday life, modernization, cultural movements, transitive society.

- Andersen, T. M., Holmström, B., Honkapohja, S., Korkman, S., Söderström, H., & Vartiainen, J. (2007). *The Nordic Model – Embracing globalization and sharing risks*. Helsinki: The Research Institute of the Finnish Economy.
- Asmolov, A. G., & Gusevtseva, M. S. (2019). Value sense of sociocultural modernization of education: from reforms to reformation. *RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series, 1*, 18–43. (in Russian)
- Aurelius, M. A. (1993). *Naedine s soboi. Razmyshleniya* [Alone with myself. Reflections]. Kiev: Collegium Artium. (in Russian)
- Avdeeva, A. I. (2020). Popularization of responsible consumption as an element of marketing strategy modern companies. *Vektor Ekonomiki, 1(43)*, 17. (in Russian)
- Beck, J. S., & Beck, A. T. (2011). *Cognitive behavior therapy*. New York: The Guilford Press.
- Becker, L. C. (1998). *A new Stoicism*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Besharov, D. J. (1998). *Social Welfare's Twin Dilemmas: Universalism vs. Targeting and Support vs. Dependency*. Retrieved from <http://umdcipe.org/Journal%20Articles/twindil.pdf>
- Bonoli, G. (1997). Classifying welfare states: A two-dimension approach. *Journal of Social Policy, 26(3)*, 351–372.
- Brague, R. (1995). *Evropa, rimskii put'* [Europe, the Roman way]. Dolgoprudny: Allegro-Press. (in Russian; transl. of: Brague, R. (1992). *Europe, la voie romaine* [Europe, the Roman way]. Paris: Criterion. (in French))
- Collins, D. (2017). *Ot khoroshego k velikomu* [Good to great]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (in Russian; transl. of: Collins, J. C. (2001). *Good to great: Why some companies make the leap... and others don't*. New York: William Collins.)
- Cooper, R. (2009). *The Stoic homilies: A week-by-week guide to enlightened living*. Burleigh, QLD: Zeus Publications.
- Einhorn, E. S., & Logue, J. (1989). *Modern welfare states: Politics and policies in social democratic Scandinavia*. New York: Praeger.
- Ellis, A., & MacLaren, C. (1998). *Rational emotive behavior therapy: A therapist's guide*. Atascadero, CA: Impact Publishers.
- Evans, J. (2013, June 29). Anxious? Depressed? Try Greek philosophy. *The Telegraph*. Retrieved from <https://www.telegraph.co.uk/lifestyle/wellbeing/10146546/Anxious-Depressed-Try-Greek-philosophy.html>
- Farnsworth, W. (2018). *The practicing stoic: A philosophical user's manual*. Boston, MA: David R. Godine.
- Foucault, M. (1998). *Zabota o sebe. Istoriya seksual'nosti* [The care of the self. The history of sexuality] (Vol. 3). Kiev/Moscow: Grunt/Refl-buk. (in Russian; transl. of: Foucault, M. (1984). *Histoire de la sexualité: Vol. 3. Le souci de soi* [The history of sexuality: Vol. 3. The care of the self]. Paris: Gallimard. (in French))
- Gadzhikurbanova, P. A. (2012). *Etika Rannei Stoi: uchenie o dolzhnom* [The Ethics of the Early Stoa: A Doctrine of the Due]. Moscow: IFRAN. (in Russian)
- Graver, M. (2007). *Stoicism and emotion*. London/Chicago: Chicago University Press.
- Grisewood, N. (2009). *Ethical consumerism: A guide for trade unions*. Ireland: Irish Congress of Trade Unions.

- Grishanova, S. V., & Tatarinova, M. N. (2013). Problemy ekologizatsii potrebleniya i ekologicheskaya markirovka produktov [Issues of greening of the consumption and environmental labeling of products]. *Vestnik Altaiskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*, 9(107), 147–152. (in Russian)
- Gurevich, A. Ya. (2005). *Individ i sotsium na srednevekovom Zapade* [The individual and the society in the medieval West]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian)
- Guseltseva, M. S. (2018). A trans-disciplinary approach to contemporary psychology. *Voprosy Psikhologii*, 5, 3–12. (in Russian)
- Guseltseva, M. S. (2019). *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii* [The psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes]. Moscow: Akropol'. (in Russian)
- Hadot, P. (2005). *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual exercises and ancient philosophy]. Moscow/Saint Petersburg: Stepoi veter. (in Russian)
- Harrison, R., Newholm, T., & Shaw, D. (Eds.). (2005). *The ethical consumer*. London: Sage.
- Haynes, N. (2010). *The ancient guide to modern life*. London: Profile Books.
- Himanen, P., & Castells, M. (2002). *Informatsionnoe obshchestvo i gosudarstvo blagosostoyaniya: Finskaya model'* [The information society and the welfare state: The Finnish model]. Moscow: Logos. (in Russian; transl. of: Castells, M., & Himanen, P. (2002). *The information society and the welfare state: The Finnish model*. Oxford, UK: Oxford University Press.)
- Hobsbawm, E., & Ranger, T. (Eds.). (2003). *The invention of tradition*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Holiday, R. (2017, June 28). 7 insights from the ancient philosophy of Marcus Aurelius that will change the way you think about life, death, and time. *Business Insider*. Retrieved from <https://www.businessinsider.com/stoicism-lessons-life-death-2017-6?IR=T>
- Holowchak, M. A. (2008). *The Stoics: A guide for the perplexed*. New York: Continuum.
- Honoré, C. (2013). *The slow fix: solve problems, work smarter and live better in a fast world*. London: Collins.
- Honoré, C. (2014). *Bez suety: Kak perestat' speshit' i nachat' zhit'* [In praise of slow: How to stop hurrying and start living]. Moscow: Al'pina Publisher. (in Russian; transl. of: Honoré, C. (2004). *In praise of slowness: Challenging the cult of speed*. San Francisco, CA: Harper.)
- Huizinga, J. (2009). *Kul'tura Niderlandov v XVII veke* [Culture of the Netherlands in the XVII century]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (in Russian; transl. of: Huizinga, J. (1941). *Nederland's Beschaving in de Zeventiende eeuw* [Culture of the Netherlands in the seventeenth century]. Haarlem: H.D. Tjeenk Willink & Zoon N.V. (in Dutch))
- Irvine, W. B. (2008). *A guide to the good life: The ancient art of stoic joy*. New York: Oxford University Press.
- Kirkwood, K. P. (1988). *Renessans v Yaponii. Kul'turnyi obzor semnadsatogo stoletiya* [Renaissance in Japan: A cultural survey of the Seventeenth century]. Moscow: Nauka. (in Russian; transl. of: Kirkwood, K. P. (1970). *Renaissance in Japan: A cultural survey of the Seventeenth century*. Rutland, VT: Tuttle.)
- Lebell, Sh. (1995). *The art of living. The classical manual on virtue, happiness and effectiveness*. New York: Harper One.
- Lipsius, J. (2013). *O bibliotekakh* [About the libraries]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi institut kul'tury. (in Russian)
- Long, A. A. (1996). *Stoic studies*. Cambridge/New York/Melbourne: Cambridge University Press.

- Long, A. A. (2018). *How to be free: An ancient guide to the stoic life. Epictetus Encheiridion and Selections from Discourses*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Martsinkovskaya, T. D. (2017). Psychology of everyday life: an oxymoron or a new trend in psychology. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 10(56), 1. Retrieved from <http://psystudy.ru> (in Russian)
- McKeown, G. (2018). *Essentsializm. Put' k prostote* [Essentialism: A path to simplicity]. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber. (in Russian; transl. of: McKeown, G. (2014). *Essentialism: The disciplined pursuit of less*. New York: Currency.)
- Millburn, J., & Nicodemus, R. (2011). *Minimalism: essential essays*. Missoula, MT: Asymmetrical Press.
- Newport C. (2019). *Digital minimalism. Choosing a focused life in a noisyworld*. New York: Portfolio/Penguin.
- Novikova, O. E. (2005). *Politika i etika v epokhu religioznykh vojn: Yust Lipsii (1547–1606)* [The politics and ethics in the age of religious wars]. Moscow: RKhTU im. D.I. Mendeleeva. (in Russian)
- Nussbaum, M. (2011). *Creating capabilities: The human development approach*. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press.
- Omel'chenko, E. L. (2019). Unikalen li rossiiskii sluchai transformatsii molodezhnykh kul'turnykh praktik? [Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique?] *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 1, 3–27. (in Russian)
- Pies, R. (2008). *Everything has two handles: The stoic's guide to the art of living*. Lanham, MD: Hamilton Books Published.
- Pigliucci, M. (2018). *Kak byt' stoikom. Antichnaya filosofiya i sovremennaya zhizn'* [How to be a Stoic: Ancient Greek philosophy and contemporary life]. Moscow: Al'pina non-fikshn. (in Russian; transl. of: Pigliucci, M. (2017). *How to be a Stoic: Using ancient philosophy to live a modern life*. New York: Basic Books.)
- Pohlenz, M. (2015). *Stoya. Istoriya dukhovnogo dvizheniya* [The Stoa. The History of a Spiritual Movement]. Moscow: Izdatel'skii proekt Quadrivium. (in Russian; transl. of: Pohlenz, M. (1949). *Die Stoa. Geschichte einer geistigen Bewegung* [The Stoa. The history of a spiritual movement] (2 Bände). Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht).
- Robertson, D. (2010). *The philosophy of cognitive-behavioural therapy: stoic philosophy as rational and cognitive psychotherapy*. London: Karnac Books.
- Robertson, D. (2019). *How to think like a Roman emperor: The stoic philosophy of Marcus Aurelius*. New York: St. Martin's Press.
- Rozin, V. M. (2016). Discussion of the phenomenon of transdisciplinarity – The event of the new scientific revolution. *Voprosy Filosofii*, 5, 106–116. (in Russian)
- Russell, B. (2001). *Istoriya zapadnoi filosofii i ee svyazi s politicheskimi i sotsial'nymi usloviyami ot antichnosti do nashikh dnei* [The history of Western philosophy and its connection with political and social circumstances from the earliest times to the present day]. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (in Russian; transl. of: Russell, B. (1945). *A history of Western philosophy*. New York: Simon & Schuster.)
- Shabanova, M. A. (2015). Etichnoe potreblenie kak innovatsionnaya praktika grazhdanskogo obshchestva v Rossii [Ethical consumption as an innovative practice of civil society in Russia]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, 5, 19–34. (in Russian)
- Sheffield, C. (2013, December 1). Want an unconquerable mind? Try stoic philosophy. *Forbes*. Retrieved from <https://www.forbes.com/sites/carriesheffield/2013/12/01/want-an-unconquerable-mind-try-stoic-philosophy/#7b97cceb750c>

- Shpet, G. G. (2005). *Filosofsko-psikhologicheskie trudy* [Philosophical and psychological works]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Shul'man, E. M. (2019). Potreblenie smenyaetsya s obladaniya ob'ektom na poluchenie vpechatlenii [Consumption is changed from owning an object to receiving impressions]. *Kalinka*, 8, 150–159. (in Russian)
- Sidorina, T. Yu. (2018). *Gosudarstvo vseobshchego blagosostoyaniya* [Welfare state]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. (in Russian)
- Skirbekk, G. (2017). *Norvezhskii mentalitet i modernost'* [Norwegian mentality and modernity]. Moscow: ROSSPEN. (in Russian; transl. of: Skirbekk, G. (2010). *Norsk og modern* [Norwegian mentality and modernity]. Oslo: Res Publica. (in Norwegian))
- Stockdale, J. (1993). *Courage under fire: Testing Epictetus's doctrines in a laboratory of human behavior*. Stanford, CA: Hoover Institution Press.
- Stolyarov, A. A. (1995). *Stoya i stoitsizm* [The Stoa and stoicism]. Moscow: AO "Kami Grup". (in Russian)
- Taylor, Ch. (2017). *Sekulyarnyi vek* [A secular age]. Moscow: BBI. (in Russian; transl. of: Taylor, Ch. (2007). *A secular age*. Cambridge, MA: Harvard University Press.)
- Turgenev, I. S. (1980). Gamlet i Don-Kikhot [Hamlet and Don Quixote]. In I. S. Turgenev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters] (Vol. 5, pp. 330–350). Moscow: Nauka. (in Russian)
- Ussher, P. (ed.). (2014). *Stoicism today: Selected writings* (Vol. I). New York: Stoicism Today Book.
- Ussher, P. (ed.). (2016). *Stoicism today: Selected writings* (Vol. II). New York: Stoicism Today Book.
- Veblen, Th. (1984). *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class]. Moscow: Progress. (in Russian; transl. of: Veblen, Th. (1899). *The theory of the leisure class: an economic study of institutions*. Macmillan.)
- Vernezze, P. (2005). *Don't worry, be stoic: Ancient wisdom for troubled times*. Lanham, MD: University Press of America.
- Whiting, K., Konstantakos, L., Carrasco, A., & Carmona, L. G. (2018). Sustainable development, well-being and material consumption: a stoic perspective. *Sustainability*, 10, 474.
- Wonderzine. (2016, August 15). *Razumnoe potreblenie: Etichnye marki i pravila shoppinga* [Reasonable consumption: Ethical brands and shopping rules]. Retrieved from <https://www.wonderzine.com/wonderzine/style/style/219893-social-responsibility-2> (in Russian)
- Zaitseva, Yu. E. (2003). *Chuvstvo sobstvennogo dostoinstva kak psikhologicheskii fenomen* [Self-esteem as a psychological phenomenon] (Ph.D. dissertation). Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation. (in Russian)
- Zumthor, P. (2001). *Povsednevnyaya zhizn' Gollandii vo vremena Rembrandta* [Daily life in Rembrandt's Holland]. Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russian; transl. of: Zumthor, P. (1960). *La Vie quotidienne en Hollande au temps de Rembrandt* [Daily life in Rembrandt's Holland]. Paris: Librairie Hachette. (in French))

Marina S. Guseltseva – Lead Research Fellow, Adolescent psychology Laboratory, Psychological Institute of Russian Academy of Education, DSc in Psychology.
Research Area: methodology, history of psychology, philosophical anthropology, cultural studies.
E-mail: mguseltseva@mail.ru

ДИСПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ АУТЕНТИЧНОСТЬ ВО ВНУТРИЛИЧНОСТНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С.К. НАРТОВА-БОЧАВЕР^а, Б.Д. ИРХИН^а, С.И. РЕЗНИЧЕНКО^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Диспозициональная аутентичность — это «узкая» черта, отвечающая за способность человека быть самим собой и противостоять внешнему влиянию; она включает три параметра: Аутентичную жизнь, отсутствие Принятия внешнего влияния и Самоотчуждение. В двух эмпирических исследованиях уточняется место аутентичности во внутриличностном пространстве. Задачами этих исследований были 1) уточнение онтологического статуса аутентичности через соотнесение с другими чертами личности, 2) определение паттерна наиболее благоприятных или неблагоприятных для ее проявления черт и 3) уточнение содержания ее возможных предикторов. Основной методикой была Шкала аутентичности (Wood et al, 2008; в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и др., 2020). В исследовании 1 (n = 271) с использованием Опросника темперамента и характера (Cloninger et al., 1993; в адаптации Н.А. Алмаева, Л.Д. Островской, 2005) показано, что Самостоятельность как свойство характера — ключевой предиктор аутентичности. Несколько слабее аутентичность способны объяснить особенности темперамента — низкая тревожность и независимость от других (низкая склонность к Избеганию опасности и к Зависимости от подкрепления). Поиск нового и Кооперативность не играют роли в поддержании аутентичности. В исследовании 2 (n = 174) анализировались связи аутентичности с базовыми чертами личности, измеренными посредством опросника «Маркеры факторов “Большой пятерки”» (Goldberg, 1992; в адаптации Г.Г. Князева и др., 2010). Обнаружено, что аутентичность сильно обусловлена эмоциональной стабильностью (низким Нейротизмом), а Самоотчуждение, или отсутствие контакта с самим собой, диктуется высоким Нейротизмом и низкими Экстраверсией и Сознательностью. Относительно низкая предсказательная способность особенностей характера, темперамента, а также черт в отношении аутентичности подтверждает предположение о том, что аутентичность должна рассматриваться как самостоятельное системное качество личности более высокого порядка, чем отдельно взятые свойства темперамента или характера.

Ключевые слова: аутентичность, личность, темперамент, характер, пятифакторная модель.

Введение

Аутентичность — это черта личности, способствующая тому, что человек следует своей природе (индивидуальности) и одновременно — своему пути

(предназначению, призванию) (Леонтьев, Шильманская, 2019; Нартова-Бочавер, 2011; Harter, 2002; Kernis, Goldman, 2006; Wood et al., 2008). Благодаря наличию этой черты человек распознает провокации со стороны окружающего мира, требующие отказаться от собственного Я. Он также восприимчив к обратной связи, сигнализирующей об отсутствии контакта с самим собой, о том, что он недостаточно понимает свои состояния, намерения и мысли.

В течение последних десятилетий интерес к изучению аутентичности личности в зарубежной психологии неуклонно возрастает, и тому есть много причин. Быть самим собой — естественная потребность человека, которая депривируется в условиях высокой неопределенности, давления среды, информационных перегрузок и высокого темпа жизни. На протяжении своего жизненного пути человек может несколько раз изменить свою личную и социальную идентичность, и потому требуется феноменологическая, не привязанная к объективной реальности «неподвижная точка», которая давала бы понять, что, несмотря на интенсивные средовые и индивидуальные изменения, человек все же остается самим собой. Эта точка — переживание аутентичности, подлинности, верности себе. Верно и обратное: переживание отчужденности от самого себя и мира влечет неосознанные ошибки в принятии социальной роли, деятельности, понимании своего предназначения в целом, становясь причиной личностных и профессиональных экзистенциальных кризисов (Осин, Леонтьев, 2007; Бочавер и др., 2019).

Другая причина возрастающего интереса к аутентичности — ее высокая ресурсность для личности, приводящая к разнообразным позитивным эффектам. Многочисленные исследования показывают, что диспозициональная аутентичность вносит вклад в психологическое благополучие, высокую самооценку, сопереживание другим и себе, а также играет буферную роль в предотвращении разного рода психологических уязвимостей (Янченко, Нартова-Бочавер, 2020; Sutton, 2020). Таким образом, это качество необходимо изучать, измерять и развивать.

Аутентичность личности как психологический феномен

Слово «аутентичность» имеет греческое происхождение (*αὐθεντικός* означает истинный, настоящий, подлинный, *αὐθεντέω* — быть исполненным энергии), но прототипы или аналоги аутентичности личности существовали в разных культурах. На Востоке в качестве признаков аутентичности отмечались иррациональность и непознаваемость истинного Я, которое открывает себя ищущему лишь по желанию (Катха Упанишада, б.д.), верность собственному уникальному пути (Мистерия Дао, 1996) или гармония личности благородного мужа, который уважает правила и ритуалы и в то же время не останавливается в своем развитии (Классическое конфуцианство, 2000).

В философии Платона в качестве аспектов аутентичности рассматривались *калокагатия* как соответствие прекрасного тела и души, *даймоний* как верность внутреннему голосу и *софросина* как созвучие характера, осознания

и поведения, проявляющееся в широком спектре человеческих добродетелей (Платон, 1986). Таким образом, если на Востоке основой гармонии и подлинности был диалог человека и мира, то на Западе — это скорее диалог с самим собой.

В современной психологии личности понятие аутентичности используется в нескольких контекстах, обозначая признак самоорганизации личности (в отличие от ее дезинтегрированности) (Sheldon et al., 1997), ее текущее состояние (Lenton et al., 2016; Fleeson, Wilt, 2010), качество межличностных отношений и ролей (Lopez, Rice, 2006; Robinson et al., 2013) или верность жизненному призванию (Леонтьев, Шильманская, 2019). Одно из первых определений аутентичности было сформулировано С. Хартер, которая понимала это качество как «присвоение человеком своего личного опыта, будь то мысли, эмоции, потребности, желания, предпочтения или убеждения, — процессы, вовлеченные в предписание “познать себя”» (Harter, 2002, p. 382). Наиболее проработанной представляется традиция понимания аутентичности как узкой черты личности, как диспозиции.

Можно заключить, что аутентичность личности представляет собой одно из трудно определяемых качеств, которое не всегда может быть объективировано и предполагает взаимное соответствие чувств, мыслей, поведения и Я-концепции человека. Более того, немногочисленные кросс-культурные исследования или те, что были проведены в культурах, отличных от западных, показывают, что аутентичность — это культурно сензитивный феномен, трудно определяемый из-за ограничений языка (Kernis, Goldman, 2006).

Наиболее последовательно диспозициональная аутентичность изучается в рамках роджерсианской гуманистической парадигмы, возможно, благодаря наличию валидной и устойчивой *Шкалы аутентичности* (Wood et al., 2008), которой в настоящем исследовании будем пользоваться и мы. Согласно центральной для этой парадигмы модели (Barrett-Lennard, 1998), аутентичность личности проявляет себя в трех измерениях: аутентичной жизни, отсутствии принятия внешнего влияния и самоотчуждения.

Для понимания сущности и проявлений диспозициональной аутентичности прежде всего необходимо понять ее место во внутриличностном пространстве. Это позволит, во-первых, уточнить онтологический статус аутентичности, соотнеся ее с другими индивидуальными особенностями; во-вторых, определить паттерн наиболее и наименее благоприятных для ее проявления черт; в-третьих, уточнить коридор возможностей психотерапии и личностного роста в направлении достижения аутентичности, иначе говоря, понять, действительно ли мы «обречены» на аутентичное бытие (Parish, 2009) или существуют темпераментальные и диспозициональные «ограничители», препятствующие достижению этой цели.

К настоящему времени получены эмпирические результаты, показывающие некоторую предзаданность аутентичности биологическими переменными и связь с другими личностными диспозициями. Так, было обнаружено, что аутентичность действительно предсказывается темпераментом и характером, хотя и не очень сильно: вероятность проявления диспозициональной аутентичности

повышают такие качества характера, как самостоятельность и самотрансценденция, по Р. Клонингеру (Pinto et al., 2011).

А. Вуд с соавт. (Wood et al., 2008) показали, что аутентичность тесно связана с чертами *Большой пятерки*, однако несводима к ним, представляя собой отдельную черту. *Аутентичная жизнь* оказалась положительно связана с *Согласием* и *Открытостью* и отрицательно — с *Нейротизмом*, *Принятие внешнего влияния* — отрицательно с *Экстраверсией* и *Согласием*, *Самоотчуждение* — отрицательно с *Экстраверсией*, *Согласием*, *Добросовестностью* и положительно — с *Нейротизмом*; объясненная дисперсия оказалась равна 12%, 11% и 13% соответственно. Таким образом, аспекты аутентичности образовали разные паттерны связей с чертами *Большой пятерки*, во-первых, непротиворечиво свидетельствующие, о том, что *Аутентичная жизнь* — это адаптивное качество, а *Самоотчуждение* и *Принятие внешнего влияния* — дезадаптивные, и, во-вторых, отмечающие биологическую предзаданность диспозициональной аутентичности, хотя и не очень сильную. Более того, интроверты по совокупности этих данных имеют больше шансов попасть в группу неаутентичных личностей.

Более подробное исследование места аутентичности во внутриличностном пространстве (Maltby et al., 2012) подразумевало сопоставление модели аутентичности с теорией чувствительности к подкреплению (Gray, 1987), концепцией темперамента и характера (Cloninger et al., 1993), моделью личности *HEXACO* (Ashton, Lee, 2007) и теорией самодетерминации (Deci, Ryan, 1985). Было обнаружено, что в интегрирующей эти подходы модели *Аутентичная жизнь* грузится в фактор *Честности–Смирения* наряду с внутренней мотивацией и отрицательно грузящейся внешней мотивацией; *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* грузились в тот же фактор отрицательно. Остальные черты личности при этом никак не соотносились с диспозициональной аутентичностью. Таким образом, наиболее заметная ассоциация возникла между аутентичностью как свойством личности и единственным в *HEXACO* фактором морального содержания, при этом остальные черты личности не образовывали связи с аспектами аутентичности. Как видим, этот результат противоречит полученным ранее, акцентируя оторванность аутентичности от природных корней и отнесенность скорее к высшим личностным качествам.

На франкоговорящей выборке канадцев (Grégoire et al., 2014) были получены результаты, подобные тем, что были ранее описаны А. Вудом с соавт. (Wood et al., 2008). Так, *Аутентичная жизнь* оказалась отрицательно связана с *Нейротизмом*, в то время как *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* — положительно; *Аутентичная жизнь* была положительно связана с *Добросовестностью*, а *Принятие внешнего влияния* — отрицательно. Наконец, *Самоотчуждение* отрицательно коррелировало с *Экстраверсией* и *Согласием*. Регрессионные модели показали, что, несмотря на значимые связи, модель для *Аутентичной жизни* объясняет всего 9 % дисперсии, в то время как для *Принятия внешнего влияния* и *Самоотчуждения* — 26 %. Опять же это свидетельствует о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную черту, но в некоторой степени предсказывается крупными диспозициями.

В России исследовалась связь первой адаптированной на подростково-юношеской группе версии *Шкалы аутентичности* (Бардадымов, 2012) с *Пятифакторным опросником* в версии А.Б. Хромова (2000). Было обнаружено, что *Аутентичная жизнь* связана с *Самоконтролем* и *Эмоциональной устойчивостью* (полюсом, противоположным *Нейротизму*), *Принятие внешнего влияния* — отрицательно с *Привязанностью*, *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* — отрицательно с *Эмоциональной устойчивостью*.

Итак, мы видим, что данные о природе диспозициональной аутентичности, равно как и о ее проявлениях, довольно скудны и нестабильны в разных возрастных и культурных группах, что вполне отвечает содержанию этой черты как ненормативной и внутренне детерминированной. Противоречивость полученных данных задает основную цель данной статьи — изучить связь диспозициональной аутентичности с темпераментом, характером и чертами *Большой пятерки*. Вслед за Р. Клонингером под темпераментом мы будем понимать биологически детерминированный способ адаптации личности к среде: притяжение (*Поиск нового*), избегание (*Избегание опасности*), торможение (*Зависимость от подкрепления*) и активацию (*Настойчивость*), а под характером — стиль самоидентификации личности, который отвечает на вопрос, как человек видит самого себя: в качестве автономного субъекта (*Самостоятельность*), части социума (*Кооперативность*) или части мироздания (*Самотрансцендентность*). В отличие от характера (когнитивной саморепрезентации по Р. Клонингеру), черты *Большой пятерки* концептуализируются как диспозиции, т.е. как поведенческая способность действовать определенным образом в социуме — приходить к согласию, быть добросовестным и т.п.

В качестве гипотез исследования были сформулированы следующие предположения:

1) диспозициональная аутентичность подкрепляется качествами характера, ассоциированными со зрелой личностью, — *Самостоятельностью* и *Самотрансцендентностью* — и ослабляется темпераментальными свойствами, традиционно связанными с высокой тревожностью — *Зависимостью от подкрепления* и *Избеганием опасности*;

2) диспозициональная аутентичность обуславливается прежде всего эмоциональной стабильностью личности и в меньшей степени просоциальными чертами — *Согласием* и *Экстраверсией*;

3) темперамент, характер и черты личности в целом будут вносить умеренный вклад в диспозициональную аутентичность, в связи с чем акцентируется идея о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную личностную характеристику.

Дизайн исследования

Исследование включало два этапа; выборки не пересекались (ссылки с приглашением к участию в исследовании рассылались слушателям разных потоков, обучающихся в разные годы). На первом этапе были изучены корреляты

аутентичности с качествами темперамента и характера и построены регрессионные модели аутентичности. На втором этапе мы исследовали связи аутентичности и черт *Большой пятерки*. Описательные статистики и внутренняя согласованность используемых методик представлены в таблице 1.

Корреляционный анализ проводился с помощью коэффициента корреляции Пирсона. При построении регрессионных моделей мы использовали пошаговый анализ регрессий методом OLS (Ordinary least squares). Перед анализом из обеих выборок были удалены выбросы на основе показателей расстояния Махаланобиса, Кука и метода Centered Leverage – в общей сложности 69 наблюдений (11% от общей первоначальной выборки в 629 человек). Все наблюдения с пропущенными значениями были удалены из анализа (115 кейсов, 18.3% от исходной выборки). Поскольку допущение о нормальности распределения данных по некоторым субшкалам было отвергнуто (распределение симметрично, но островершинно) и ни один из способов линейной нормализации данных не был эффективен, мы проверяли распределение регрессионных остатков *post hoc*, которые во всех регрессионных моделях соответствовали нормальному. Для проверки мультиколлинеарности и устойчивости коэффициентов регрессии во всех моделях были проанализированы фактор

Таблица 1

Описательные статистики используемых методик

Методики	α Кронбаха	М	SD	SE
<i>Аутентичность</i>				
Аутентичная жизнь	0.64	10.59	3.85	0.18
Принятие внешнего влияния	0.71	13.96	4.90	0.23
Самоотчуждение	0.83	14.29	6.09	0.29
<i>ТСІ Р. Клонингера</i>				
Поиск нового	0.76	13.10	4.45	0.27
Избегание опасности	0.88	12.20	5.99	0.37
Зависимость от подкрепления	0.63	8.39	2.51	0.15
Кооперативность	0.81	10.49	3.08	0.19
Самостоятельность	0.86	19.68	6.55	0.40
Самотрансцендентность	0.84	11.37	4.91	0.30
<i>Маркеры факторов «Большой пятерки»</i>				
Экстраверсия	0.87	33.20	7.55	7.54
Согласие	0.80	38.07	5.90	5.89
Сознательность	0.80	32.16	6.88	6.87
Нейротизм	0.87	35.32	7.81	7.91
Интеллект	0.69	38.04	5.00	4.99

инфляции дисперсии (VIF) и показатель толерантности. Во всех моделях VIF каждого предиктора был менее 1.5 (при верхней конвенциональной отсечке 10), т.е. допущение о мультиколлинеарности было отвергнуто. Отсутствие автокорреляций проверялось статистикой Дарбина–Уотсона. Для всех регрессионных моделей она варьировала в допустимых пределах – 2.0–2.5. Помимо «классических метрик», для регрессионных моделей дополнительно рассчитывался показатель f^2 – локальный размер эффекта Коэна для каждого предиктора ($f \geq 0.02$; $f \geq 0.15$; $f \geq 0.35$ отражает малый, средний и большой эффект соответственно) (Cohen, 1988).

Статистический анализ проводился в программе SPSS v. 23 и в среде R.

Диспозициональная аутентичность, темперамент и характер

Процедура

В исследовании принял участие 271 респондент (40 мужского пола, 231 – женского, $M_{\text{возраст}} = 21.1$ года, $SD_{\text{возраст}} = 2.5$ года), большинство – студенты бакалавриата психологических вузов г. Москвы и слушатели открытых факультативных курсов по психологии, имеющие высшее образование. Данные были собраны в рамках выполнения студентами и слушателями курсов своих академических проектов. Опросники заполнялись на онлайн-платформе 1ka.si. Участие в исследовании было добровольным и анонимным; в случае заполнения опросников студенты получили дополнительные кредиты и обратную связь по обобщенным результатам.

Методики

Аутентичность. В качестве инструмента для измерения аутентичности мы выбрали русскоязычную версию *Шкалы аутентичности* А. Вуда в адаптации С.К. Нартовой-Бочавер и С.И. Резниченко. Версия представляет собой модификацию варианта опросника, ранее адаптированного В.А. Бардадымовым (2012)¹. Опросник состоит из 11 утверждений, сгруппированных по трем шкалам. Степень согласия респондента с каждым из утверждений оценивается по семибалльной шкале Лайкерта. Субшкала *Аутентичная жизнь* (пример реверсивного пункта: «*Мне трудно жить в соответствии с моими ценностями и убеждениями*») описывает психологическую готовность субъекта быть верным себе в большинстве ситуаций и действовать в соответствии с собственными ценностями и убеждениями. α Кронбаха шкалы была несколько ниже конвенционального уровня – 0.64, поэтому, чтобы убедиться во внутренней согласованности шкалы, мы измерили альтернативный показатель надежности – ω Макдональда, который является более робастным методом измерения надежности данных, представленных в ординальной шкале. Показатель ω

¹ Шкала прошла полную психометрическую подготовку; описание валидации готовится к публикации.

составил 0.76, что удовлетворяет принятым стандартам надежности (Hair et al., 2010). Субшкала *Принятие внешнего влияния* (пример пункта: «Обычно я делаю то, о чем меня просят другие») отражает степень зависимости человека от влияния и мнения других людей, готовности соответствовать ожиданиям окружающих. Наконец, субшкала *Самоотчуждение* (пример пункта: «Я кажусь незнакомцем самому себе») означает отсутствие контакта с самим собой и понимания собственных мотивов, побуждений и желаний. *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение* отрицательно коррелируют с аутентичностью, а шкала *Аутентичной жизни* — положительно. Тем не менее три субшкалы несводимы к единой метрике аутентичности человека (Wood et al., 2008).

Темперамент и характер. Для измерения особенностей темперамента и характера мы использовали русскоязычную версию *Опросника темперамента и характера* Р. Клонингера (ТСІ-140), адаптированную Н.А. Алмаевым (Cloninger et al., 1993; Алмаев, Островская, 2005). Инструмент включает шесть основных измерений: *Поиск нового*, *Избегание опасности*, *Зависимость от подкрепления*, *Кооперативность*, *Самостоятельность* и *Самотрансценденциальность*. В свою очередь, каждая из шести супершкал включает от двух до пяти субшкал. Опросник состоит из 140 утверждений, степень согласия с которыми оценивается по дихотомической шкале («да» и «нет»). В нашем исследовании α Кронбаха шкал варьировала от 0.63 (*Зависимость от подкрепления*) до 0.88 (*Избегание опасности*).

Результаты и их обсуждение

Перед проверкой каузальных связей между аутентичностью и свойствами характера и темперамента мы проанализировали корреляции между переменными (таблица 2). *Аутентичная жизнь* положительно и сильно связана с *Самостоятельностью*, умеренно — с *Кооперативностью*, отрицательно — с *Избеганием опасности*. Связи между *Принятием внешнего влияния* и обозначенными свойствами характера/темперамента обнаруживают обратную тенденцию: чем сильнее человек стремится к кооперативности и автономности, тем меньше он склонен соответствовать ожиданиям других людей в ущерб своим интересам. *Самоотчуждение* имеет сильные отрицательные связи с *Самостоятельностью* и слабые — с *Кооперативностью*, а также умеренные положительные связи с особенностью темперамента — *Избеганием опасности*.

Результаты множественного регрессионного анализа показывают, что *Самостоятельность* — единственный значимый предиктор ($F(1, 265) = 129.22$; $R_{adj}^2 = 0.32$; $r = 0.57$, $p < 0.001$) *Аутентичной жизни*, позволяющий человеку быть подлинным и верным своим мыслям, эмоциям, поведению (таблица 3). Эта связь ожидаема, учитывая, что *Самостоятельность* в биопсихосоциальной модели Р. Клонингера рассматривается не только как черта характера, но и как стиль самоидентификации — склонность оценивать себя как автономного и самодостаточного человека, управляющего собой и тем, что происходит вокруг.

Таблица 2

Связь интегральных особенностей характера и темперамента (шкалы ТСИ Р. Клонингера) с проявлениями диспозициональной аутентичности (r Пирсона)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8
Аутентичность								
1. Аутентичная жизнь	-							
2. Подверженность внешнему влиянию	-0.40**	-						
3. Самоотчуждение	-0.57**	-0.32**	-					
ТСИ Клонингера								
4. Поиск нового	-0.03	-0.01	0.06	-				
5. Избегание опасности	-0.38**	0.33**	0.39**	-0.22**	-			
6. Зависимость от подкрепления	0.05	0.19**	-0.10	0.17**	-0.07	-		
7. Кооперативность	0.26**	-0.14*	-0.18**	0.05	-0.25**	0.18**	-	
8. Самостоятельность	0.57**	-0.43**	-0.51**	-0.12	-0.60**	-0.01	0.33**	-
9. Самотрансцендентность	0.05	-0.02	0.02	0.18**	-0.22**	0.25**	0.18**	0.20**

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$.

Несколько слабее особенности темперамента и характера способны объяснить склонность человека к конформному поведению ($F(3, 263) = 26.87$, $R_{adj}^2 = 0.23$; $r = 0.48$, $p < 0.001$). Так, *Принятие внешнего влияния* слабо, но статистически значимо обуславливается стремлением избегать новых стимулов (*Избеганием опасности*) и фрустрацией в отсутствие вознаграждения (*Зависимостью от подкрепления*). Вместе с тем *Самостоятельность* вносит отрицательный вклад в *Принятие внешнего влияния*, что выглядит логичным с феноменологической точки зрения: автономность предполагает способность человека выступать агентом действий и поступать осознанно в соответствии со своими ценностями и принципами, даже если они идут вразрез с чьими-то ожиданиями или социальными нормами.

В регрессионную модель *Самоотчуждения* с отрицательными коэффициентами были включены такие личностные предикторы, как *Самостоятельность* и *Зависимость от подкрепления*, с положительными – *Избегание опасности* и, что удивительно на первый взгляд, *Самотрансцендентность*. Однако далее при анализе вклада субшкал *Самотрансцендентности* в *Самоотчуждение* обнаружилось, что регрессионный вес имеет лишь субшкала *Вера в сверхъестественное* (см. приложение), по сути, магическое мышление. Люди с высокими показателями по этой шкале смиренны и не испытывают потребности в контроле над ситуацией. Эти характеристики объяснимо встраиваются в логику феномена самоотчуждения: непроясненность своих чувств, убеждений, желаний и отсутствие устойчивой

системы координат для оценки того, что «хорошо или плохо лично для меня», приводят к инерционности и непритязательности личности, попыткам найти смыслы в ритуалах, знаках, иррациональной вере.

Любопытно, что *Поиск нового* и *Кооперативность* не играют никакой роли в поддержании аутентичности в принципе, хотя оба фактора связаны с психологическим благополучием и самоэффективностью.

В целом результаты регрессионного анализа согласуются с данными, представленными в работе Д. Пинто с соавт. (Pinto et al., 2011), особенно в части относительно слабой прогностической способности характера и темперамента предсказывать аутентичность личности. В нашем исследовании регрессионные модели объяснили большую часть дисперсии аутентичности, чем у Д. Пинто с соавт. (28 % против 18 % соответственно), но все равно недостаточную, чтобы концептуализировать аутентичность как особенность характера или темперамента. Ансамбль предикторов аутентичности также отличается: в текущем исследовании наибольший вклад во все параметры аутентичности вносит *Самостоятельность*, в то время как у зарубежных коллег — *Зависимость от подкрепления*, *Самотрансцендентность* и *Избегание опасности*. Полученные в нашем исследовании связи между аутентичностью и *Самостоятельностью* кажутся логичными. Так, М. Кернис и Б. Голдман утверждают, что автономия представляет собой важный компонент аутентичности, поскольку аутентичный человек «действует в соответствии со своими ценностями, предпочтениями и потребностями», рефлексивирует свои действия, оценивает свои реальные возможности и ограничения, взвешивает альтернативы при принятии решений и берет за них ответственность (Kernis, Goldman, 2006, p. 302). Близких взглядов придерживаются авторы теории самодетерминации, определяя автономию как способность ощущать себя творцом своих действий и согласовывать их с личными ценностями и целями (Ryan, Deci, 2017).

На следующем этапе мы провели пошаговый регрессионный анализ компонентов аутентичности и субшкал опросника Р. Клонингера (см. приложение). Нас интересовало, какие специфические структурные образования характера и темперамента вносят вклад в переживание аутентичности, а какие, наоборот, препятствуют ему.

Значимыми положительными предикторами *Аутентичной жизни* оказались *Ответственность*, *Гармоничная вторая натура*, *Сострадание*, *Привязчивость* и *Экстравагантность*. Отрицательными предикторами — *Гипертрофированная эмпатия* и *Страх неопределенности*. По большому счету только два параметра в регрессионной модели вносят существенный вклад в *Аутентичную жизнь*, в совокупности объясняя 32% дисперсии (более 80% изменений коэффициента детерминации), — *Ответственность* и *Гармоничная вторая натура*. Обе субшкалы ассоциируются с личностной зрелостью, сформированностью процессов саморегуляции, ответственностью и самодостаточностью, что логично коннотирует с феноменологическим полем аутентичной личности.

Таблица 3

**Интегральные особенности характера и темперамента
(шкалы ТСИ Р. Клонингера), обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности
(регрессионный анализ)**

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	B	SEB	t	p	f ²
1	R _{adj} ² = 0.32 SE = 3.26	Самостоятельность → АЖ	0.57	0.35	0.03	11.38	0.000	0.56
2	R _{adj} ² = 0.23 SE = 4.45	Самостоятельность → ПВВ	-0.35	-0.27	0.05	-5.16	0.000	0.19
		Зависимость от подкрепления → ПВВ	0.20	0.39	0.11	3.65	0.000	0.07
		Избегание опасности → ПВВ	0.14	0.12	0.06	2.07	0.040	0.05
3	R _{adj} ² = 0.30 SE = 5.36	Самостоятельность → СО	-0.46	-0.45	0.06	-7.10	0.000	0.37
		Самотрансцендентность → СО	0.18	0.23	0.07	3.26	0.001	0.06
		Зависимость от подкрепления → СО	-0.14	-0.36	0.13	-2.64	0.009	0.04
		Избегание опасности → СО	0.15	0.16	0.06	2.26	0.024	0.05

Примечание. R_{adj}² – скорректированный коэффициент детерминации; SE – стандартная ошибка оценки; β – стандартизованный коэффициент регрессии; B – нестандартизованный коэффициент регрессии; SEB – стандартная ошибка B; f² – размер эффекта Коэна; АЖ – Аутентичная жизнь; ПВВ – Принятие внешнего влияния; СО – Самоотчуждение.

Высокое *Принятие внешнего влияния* ожидаемо определяется *Сентиментальностью*, *Страхом неопределенности* и *Застенчивостью* и в целом сопряжено с установкой остерегаться нового, того, что может нести в себе психологическую угрозу (все перечисленные субшкалы принадлежат к шкале *Избегание опасности*). Отрицательный вклад вносят *Ответственность* (объясняет 70% изменений R² в модели), *Гармоничная вторая натура* и, что удивительно, *Астения*, которая проявляется в виде общей психосоматической уязвимости человека. Возможно, эти артефактные связи действуют по принципу гиперкомпенсации: антиципируя риски быстрого психического истощения от взаимодействия с другими, человек блокирует любые формы давления извне, в том числе с помощью «упреждающего» противостояния мнениям, ожиданиям и предложениям окружающих. Так, например, было обнаружено, что у молодых людей высокий уровень невротизации прогнозирует конфронтационные установки и агрессивное поведение (Sun et al., 2016).

Наконец, *Самоотчуждение* объясняется широким набором характерологических свойств, среди которых большинство относится к супершкале *Самостоятельность: Целенаправленность, Ответственность, Гармоничная вторая натура, Самопринятие* и *Привязчивость* – все они вносят отрицательный вклад в *Самоотчуждение* и потенциально могут быть ресурсными в плане

развития личностной интеграции и самосогласованности. Поддерживает *Самоотчуждение* неожиданное сочетание черт характера – *Страх перед неопределенностью*, *Любознательность* и *Вера в сверхъестественное*. Складывается впечатление, что самоотчуждению личности способствуют взаимно противоречивые влечения – любопытство по отношению к сверхъестественному и одновременно страх перед неопределенностью, которая неизбежно сопутствует сверхъестественным явлениям («Хочу знать, но боюсь»).

Аутентичность и черты личности

Процедура

В исследовании приняли участие 174 респондента (53 мужского пола, 121 – женского, $M_{\text{возраст}} = 19.04$, $SD_{\text{возраст}} = 0.95$). Большинство испытуемых – студенты психологических вузов г. Москвы. Условия участия были теми же, что и в исследовании 1. Опросники заполнялись на онлайн-платформе 1ka.si.

Методики

Для измерения аутентичности использовалась русскоязычная версия *Шкалы аутентичности*. Базовые черты личности измерялись с помощью русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «*Маркеры факторов “Большой пятерки”*» (Goldberg, 1992; Князев и др., 2010). Опросник состоит из 50 утверждений, степень согласия с которыми респондент оценивает по 5-балльной шкале Лайкерта. Опросник включает пять шкал: *Экстраверсию*, *Согласие*, *Сознательность*, *Нейротизм* и *Интеллект*. Опросник хорошо зарекомендовал себя с точки зрения своих психометрических качеств; в нашем исследовании самосогласованность шкал опросника варьировала от 0.69 до 0.87.

Результаты и их обсуждение

В таблице 4 приведены результаты корреляционного анализа, показывающие схожую композицию связей, представленных в исследовании авторов оригинальной версии Шкалы аутентичности (Wood et al., 2008). *Аутентичная жизнь* наиболее тесно и отрицательно связана с *Нейротизмом* и положительно – с чертами, определяющими успешность социальной интеграции (*Экстраверсией* и *Согласием*), а также с *Сознательностью*, иными словами, с готовностью принимать на себя ответственность, контролировать импульсные действия и предусматривать последствия своих поступков.

И по результатам А. Вуда с соавт., и по нашим данным, *Принятие внешнего влияния* имеет более слабые и менее разнообразные корреляции с чертами: отрицательные – с *Сознательностью* и *Интеллектом* и положительную – с *Нейротизмом*. Однако у зарубежных коллег *Принятие внешнего влияния* наиболее тесно коррелировало с *Экстраверсией*, в то время как в текущем исследовании подобных связей не обнаружено в принципе (Wood et al., 2008).

Самоотчуждение ожидаемо отрицательно коррелирует с *Экстраверсией*, *Согласием* и *Сознательностью* и положительно — с *Нейротизмом*.

Что касается регрессионных связей между чертами личности и аутентичностью, то тут компоненты аутентичности сильно обусловлены эмоциональной стабильностью (отсутствием *Нейротизма*), что еще раз отсылает нас к концептуализации аутентичности как базового ресурса психологического здоровья (таблица 5). Несмотря на небольшую предсказательную способность всех моделей (17%, 8% и 18.3% для *Аутентичной жизни*, *Принятия*

Таблица 4

Связь черт личности Большой пятерки с проявлениями диспозициональной аутентичности (r Пирсона)

Переменные	1	2	3	4	5	6	7
Аутентичность							
1. Аутентичная жизнь	-						
2. Подверженность внешнему влиянию	-0.26***	-					
3. Самоотчуждение	-0.53***	0.25***	-				
Маркеры факторов Большой пятерки							
4. Экстраверсия	0.22**	-0.01	-0.27***	-			
5. Согласие	0.25***	-0.14	-0.20**	0.23**	-		
6. Сознательность	0.24**	-0.20**	-0.26***	0.13	0.30***	-	
7. Нейротизм	-0.37***	0.20**	0.36***	-0.20**	-0.08	-0.21**	-
8. Интеллект	0.09	-0.22**	-0.08	0.22**	0.31***	0.25***	0.01

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 5

Факторы Большой пятерки, обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности (регрессионный анализ)

Модель	Качество модели	Регрессионный путь	β	B	SEB	t	p	f^2
1	$R_{adj}^2 = 0.17$ SE = 3.28	Нейротизм → АЖ	-0.35	-0.16	0.03	-4.98	0.000	0.19
		Согласие → АЖ	0.22	0.15	0.05	3.11	0.002	0.08
2	$R_{adj}^2 = 0.08$ SE = 4.46	Интеллект → ПВВ	-0.22	-0.22	0.07	-3.01	0.003	0.08
		Нейротизм → ПВВ	0.21	0.12	0.04	2.80	0.006	0.07
3	$R_{adj}^2 = 0.18$ SE = 4.99	Нейротизм → СО	0.28	0.21	0.05	3.97	0.000	0.12
		Экстраверсия → СО	-0.19	-0.14	0.05	-2.66	0.009	0.06
		Сознательность → СО	-0.18	-0.16	0.06	-2.51	0.013	0.06

Примечание. См. расшифровку к табл. 3.

внешнего влияния и Самоотчуждения соответственно), предикторы (кроме *Нейротизма*) характеризуются уникальностью с точки зрения их влияния на каждый компонент аутентичности. Так, *Согласие* задает *Аутентичную жизнь*, *Интеллект* — *Принятие внешнего влияния*, а *Экстраверсия* и *Сознательность* — *Самоотчуждение*. По-видимому, личностные черты обладают большей дискриминативной способностью предсказывать выраженность каждого компонента аутентичности, чем характер и темперамент человека.

Любопытным кажется то, что именно *Интеллект* вносит больший отрицательный вклад в *Принятие внешнего влияния*, а не просоциальные черты, подобные *Экстраверсии* и *Согласию*. Мы допускаем, что это может быть связано с более высокой степенью изоморфности *Интеллекта* по сравнению с *Экстраверсией* и *Согласием*: открытость новому опыту как устойчивая черта и одновременно как ситуационный поведенческий паттерн связана с аутентичностью сильнее, чем *Экстраверсия* и *Согласие* в этих же двух ипостасях (Fleeson, Wilt, 2010).

Сравнивая полученные нами результаты с данными А. Вуда и др., можно констатировать рядоположенность выводов как в отношении размера эффекта регрессий (показатель детерминации компонентов аутентичности факторами Большой пятерки у зарубежных коллег варьировал в пределах 11–13%, у нас — от 8 до 18%), так и в отношении содержания связей, за тем исключением, что *Нейротизм* в наших моделях вносит существенно больший вклад в отсутствие аутентичности (Wood et al., 2008).

Заключение

Проводя данное исследование, мы стремились внести ясность в исследование диспозициональной аутентичности, описать ее онтологические характеристики, а также определить, какие индивидуальные особенности способствуют или, наоборот, препятствуют аутентичности.

В первую очередь, наши данные подтверждают гипотезы зарубежных исследователей о том, что аутентичность представляет собой самостоятельную черту (Grégoire et al., 2014; Pinto et al., 2011; Wood et al., 2008), которая в некоторой степени может быть предзадана факторными чертами, входящими в состав Большой пятерки, либо особенностями характера и темперамента. Обе серии исследования показывают, что характер и базовые черты личности вносят умеренный вклад в аутентичность. Несмотря на то что в нашем исследовании характер и темперамент объяснили большую часть дисперсии аутентичности, чем в предыдущих исследованиях (28% против 18%), относительная прогностическая способность регрессионной модели все равно невелика. Таким образом, аутентичность несводима к особенностям темперамента, характера и к чертам и должна рассматриваться как самостоятельное системное качество личности более высокого порядка, чем, например, самостоятельность, ответственность или трансцендентность. Идея холистичности аутентичности как характеристики зрелой личности широко транслируется в экзистенциальной психологии, где она понимается как некая имманентная

характеристика, внутренняя сила, которая априори существует у каждого и может быть раскрыта.

Предикторами аутентичности оказались почти все структурные факторы темперамента и характера, выделенные Р. Клонингером, за исключением *Кооперативности*, т.е. способности к принятию других людей и идентификации с ними, и *Поиска нового*, проявляющегося в любознательности, психической подвижности и импульсивности. Наибольшей объяснительной силой обладает черта характера *Самостоятельность*: она вносит положительный вклад (и является единственным предиктором) в *Аутентичную жизнь* и отрицательный — в *Принятие внешнего влияния* и *Самоотчуждение*. Остальные особенности характера и темперамента — *Зависимость от подкрепления*, *Избегание опасности* и *Самотрансцендентность* — имеют малый размер эффекта с точки зрения предикции компонентов аутентичности. Среди субшкал ТСИ Р. Клонингера второго порядка *Аутентичную жизнь* уверенно предсказывают только *Ответственность* и *Гармоничная вторая натура*. В *Принятие внешнего влияния* большой вклад вносят нежелание принимать на себя *Ответственность* и *Сентиментальность*. Риски *Самоотчуждения* велики у тех людей, которые проявляют отстраненность в отношениях с окружающими, не ориентированы на достижения, и тех, которые не толерантны к ситуациям неопределенности.

Что касается отношений между чертами личности и аутентичностью, то тут ее компоненты сильно обусловлены *Нейротизмом*, что еще раз отсылает нас к концептуализации аутентичности как базового ресурса психологического здоровья. В переживание *Аутентичной жизни* вносят вклад *Согласие* и *Нейротизм* (отрицательный). *Принятие внешнего влияния* сопряжено с эмоциональной неустойчивостью и неприятием нового опыта. Наконец *Самоотчуждение* диктуется высоким *Нейротизмом* и низкими *Экстраверсией* и *Сознательностью*.

Таким образом, диспозициональная аутентичность — адаптивное качество, свойственное зрелой и самостоятельной личности, принимающей себя и толерантной к неопределенности, личности с устоявшимися ценностями.

Ограничения и перспективы исследования

К ограничениям исследования следует отнести разнокалиберность выборки: полученные результаты в большей мере релевантны для женщин молодого возраста. Поэтому задача будущих исследований — изучить функциональные отношения аутентичности с чертами и характером на более сбалансированных выборках.

Также ближайшая задача — работа над внутренней самосогласованностью шкалы *Аутентичная жизнь*. Мы связываем относительно низкие значения ее внутренней надежности (α Кронбаха — 0.64) с критично малым количеством пунктов, входящих в эту шкалу.

Перспективная задача ближайшего времени состоит в уточнении феноменологического статуса самой аутентичности: в данном исследовании мы рассматривали ее только как черту, однако аутентичность может быть рассмотрена и как состояние личности, и тогда ее связи с характером и темпераментом могут быть совершенно иными.

Литература

- Алмаев Н. А., Островская Л. Д. (2005). Адаптация опросника темперамента и характера Р. Клонинджера на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*, 6, 74–86.
- Бардадымов, В. А. (2012). Аутентичность личности подростков на разных стадиях аддиктивного поведения (Кандидатская диссертация). Московский городской психолого-педагогический институт, Москва.
- Бочавер, К. А., Данилов, А. Б., Нартова-Бочавер, С. К., Квитчастый, А. В., Гаврилова, О. Я., Зязина, Н. А. (2019). Перспективы салютогенного подхода к профилактике синдрома выгорания у российских врачей. *Клиническая и специальная психология*, 8(1), 58–77. doi:10.17759/cpse.2019080104
- Катха Упанишада (часть 1.1). Режим доступа: <http://bg-aquarium.com/ru/book/katha-upanisada/cast-11>
- Классическое конфуцианство. (2000). *Конфуций. Лунь Юй* (т. 1). СПб./М.: Нева/Олма-Пресс.
- Князев, Г. Г., Митрофанова, Л. Г., Бочаров, В. А. (2010). Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга «Маркеры факторов “Большой Пятерки”». *Психологический журнал*, 31(5), 100–110.
- Леонтьев, Д. А., Шильманская, А. Е. (2019). Жизненная позиция личности: от теории к операционализации. *Вопросы психологии*, 1, 90–100.
- Мистерия Дао. Мир «Дао дэ цзина». (1996). М.: Сфера.
- Нартова-Бочавер, С. К. (2011). Понятие аутентичности в зарубежной психологии личности: история, феноменология, исследования. *Психологический журнал*, 32(6), 18–29.
- Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. (2007). Смыслотрата и отчуждение. *Культурно-историческая психология*, 3(4), 68–77.
- Платон. (1986). *Диалоги*. М.: Мысль.
- Хромов, А. Б. (2000). *Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие*. Курган: Изд-во Курганского государственного университета.
- Янченко, А. А., Нартова-Бочавер, С. К. (2020). Сострадание к себе как адаптивное свойство личности. *Психологические исследования*, 3. Режим доступа: <http://psystudy.ru/>

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Нартова-Бочавер Софья Кимовна — профессор, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: психология индивидуальных различий, психология суверенности, психология среды.

Контакты: s-nartova@yandex.ru

Ирхин Борис Денисович — аспирант, факультет социальных наук, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: психология среды, кросс-культурная психология, социальная психология.

Контакты: zugoi.a@gmail.com

Резниченко София Ивановна — научный сотрудник, департамент психологии, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: психология индивидуальных различий, психология среды, клиническая психология, организационная психология, психометрика.

Контакты: reznichenko.sofya@yandex.ru

Приложение

Частные особенности характера и темперамента (субшкалы ТСИ Р. Клонингера), обуславливающие проявления диспозициональной аутентичности (регрессионный анализ)

Переменные	B	SEB	β	p
<i>Модель 1: Аутентичная жизнь ($F(7, 259) = 24,05; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.39$)</i>				
Ответственность (С)	0.63	0.11	0.32	0.000
Гармоничная вторая натура (С)	0.38	0.08	0.28	0.000
Гипертрофированная эмпатия (СТ)	-0.34	0.11	-0.16	0.002
Страх неопределенности (ИО)	-0.39	0.15	-0.14	0.010
Сострадание (К)	0.23	0.08	0.13	0.010
Привязчивость (ЗП)	0.27	0.11	0.12	0.017
Экстравагантность (ПН)	0.19	0.09	0.10	.048
<i>Модель 2: Принятие внешнего влияния ($F(6, 260) = 17.48; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.27$)</i>				
Ответственность (С)	-0.77	0.16	-0.31	0.000
Сентиментальность (ЗП)	0.61	0.17	0.19	0.000
Астения (ИО)	-0.48	0.15	-0.22	0.002
Страх неопределенности (ИО)	0.65	0.24	0.18	0.007
Гармоничная вторая натура (С)	-0.23	0.11	-0.14	0.034
Застенчивость (ИО)	0.32	0.16	0.13	0.044
<i>Модель 3: Самоотчуждение ($F(8, 258) = 19.50; p < 0.001; R_{adj}^2 = 0.36$)</i>				
Привязчивость (ЗП)	-0.94	0.19	-0.26	0.000
Целенаправленность (С)	-0.70	0.22	-0.21	0.002
Страх неопределенности (ИО)	0.84	0.27	0.19	0.002
Любознательность (ПН)	0.48	0.16	0.17	0.003
Вера в сверхъестественное (СТ)	0.38	0.13	0.15	0.004
Гармоничная вторая натура (С)	-0.37	0.14	-0.17	0.009
Ответственность (С)	-0.49	0.19	-0.16	0.011
Самопринятие (С)	-0.31	0.14	-0.11	0.033

Примечание. В скобках указаны верхнеуровневые шкалы опросника Р. Клонингера: С – Самостоятельность; ЗП – Зависимость от подкрепления; ПН – Поиск нового; ИО – Избегание опасности; СТ – Самотрансцендентность; К – Кооперативность, В – нестандартизованный коэффициент регрессии; SEB – стандартная ошибка В; β – стандартизованный коэффициент регрессии.

Trait Authenticity in the Intrapersonal Space

S.K. Nartova-Bochaver^a, B.D. Irkhin^a, S.I. Reznichenko^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

Dispositional authenticity is a narrow personal trait, describing personal ability to live in accord with their inner self and resist the external influences. The tripartite model of authenticity comprises three components: authentic living, not accepting external influence and lack of self-alienation. In the current research we performed two empirical studies, aiming to mark dispositional authenticity on a map of personality. The objectives of these studies were 1) to clarify the ontological status of authenticity as a trait by correlating it with other personality features, 2) to determine the pattern of traits that are most favorable or unfavorable for its manifestation, and 3) to find its possible predictors. We used the Russian version of the Authenticity scale (Wood et al, 2008; adapted by S. Nartova-Bochaver et al., 2020) as a main research instrument. In our first study (n = 271) we used the Russian version of the Temperament and Character Inventory (TCI-140) (Cloninger et al., 1993; adapted by N. Almaev, L. Ostrovskaya, 2005). It was found that Self-Directedness as a character trait is a key predictor of authenticity. Somewhat weaker authenticity can be explained by the features of temperament – low Harm Avoidance and Reward Dependence. Novelty Seeking and Cooperativeness do not play a role in maintaining authenticity. In Study 2 (n = 174) we analyzed the relationship between authenticity and the basic personality traits, measured by the Big-Five Factor Markers (Goldberg, 1992; adapted by G. Knyazev et al., 2010). It was found that authenticity is strongly conditioned by emotional stability (low Neuroticism), while self-alienation is provoked by high Neuroticism and low Extraversion and Conscientiousness. The relatively weak predictive ability of character and temperament traits towards to authenticity confirms the assumption that authenticity should be considered as an independent and systemic personal trait.

Keywords: authenticity, personality, temperament, character, Big Five.

References

- Almaev, N. A., & Ostrovskaya, L. D. (2005). Russian-language adaptation of Temperament and Character Inventory by R. Cloninger. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 6, 74–86. (in Russian)
- Ashton, M. C., & Lee, K. (2007). Empirical, theoretical, and practical advantages of the HEXACO model of personality structure. *Personality and Social Psychology Review*, 11, 150–166.
- Bardadymov, V. A. (2012). *Autentichnost' lichnosti podrostkov na raznykh stadiyakh addiktivnogo povedeniya* [Teenagers' personal authenticity at different stages of addictive behavior] (PhD dissertation). Moscow State Institute of Psychology and Education, Moscow, Russian Federation. (in Russian)

- Barrett-Lennard, G. T. (1998). *Carl Rogers' helping system: Journey and substance*. London: Sage.
- Bochaver, K. A., Danilov, A. B., Nartova-Bochaver, S. K., Kvitchasty, A. V., Gavrilova, O. Y., & Zyazina, N. A. (2019). Future of salutogenic approach to prevention of burnout syndrome in Russian physicians. *Klinicheskaja i Spetsial'naja Psichologija [Clinical Psychology and Special Education]*, 8(1), 58–77. doi:10.17759/psycljn.2019080104 (in Russian)
- Cloninger, C. R., Svrakic, D. M., & Przybeck, T. R. (1993). A psychobiological model of temperament and character. *Archives of General Psychiatry*, 50, 975–990.
- Cohen, J. (1988). *Statistical power analysis for the behavioral sciences* (2nd ed.). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Deci, E. L., & Ryan, R. M. (1985). The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 19, 109–134.
- Fleeson, W., & Wilt, J. (2010). The relevance of Big Five trait content in behavior to subjective authenticity: Do high levels of within-person behavioral variability undermine or enable authenticity achievement? *Journal of Personality*, 78, 1353–1382.
- Goldberg, L. R. (1992). The development of markers for the Big-Five factor structure. *Psychological Assessment*, 4(1), 26–42.
- Gray, J. A. (1987). *The psychology of fear and stress* (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Grégoire, S., Baron, L., Ménard, J., & Lachance, L. (2014). The Authenticity Scale: Psychometric properties of a French translation and exploration of its relationships with personality and well-being. *Canadian Journal of Behavioural Science / Revue Canadienne des Sciences du Comportement*, 46(3), 346–355. doi:10.1037/a0030962
- Hair, J. F., Black, W. C., Babin, B. J., & Anderson, R. E. (2010). *Multivariate data analysis*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall.
- Harter, S. (2002). Authenticity. In C. R. Snyder & S. J. Lopez (Eds.), *Handbook of positive psychology* (pp. 382–394). Oxford, UK: Oxford University Press.
- Katha Upanishad (Pt. 1.1). Retrieved from <http://bg-aquarium.com/ru/book/katha-upanisada/cast-11> (in Russian)
- Kernis, M. H., & Goldman, B. M. (2006). A multicomponent conceptualization of authenticity: Theory and research. *Advances in Experimental Social Psychology*, 38, 283–357.
- Khromov, A. B. (2000). *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti [Five-factor personality questionnaire]*. Kurgan: Kurgan State University. (in Russian)
- Klassicheskoe konfutsianstvo [Classical Confucianism]. (2000). *Konfutsii. Lun' Yui [Confucius. Analects]* (Vol. 1). Saint Petersburg/Moscow: Neva/Olma-Press. (in Russian)
- Knyazev, G. G., Mitrofanova, L. G., & Bocharov, V.A. (2010). Validization of Russian version of Goldberg's "Big-Five Factor Markers" Inventory. *Psichologicheskii Zhurnal*, 31(5), 100–110. (in Russian)
- Lenton, A. P., Slabu, L., & Sedikides, C. (2016). State authenticity in everyday life. *European Journal of Personality*, 30(1), 64–82.
- Leontiev, D. A., & Shil'manskaya, A. E. (2019). Personal life position: making theoretical notions operational. *Voprosy Psichologii*, 1, 90–100. (in Russian)
- Lopez, F. G., & Rice, K. G. (2006). Preliminary development and validation of a measure of relationship authenticity. *Journal of Counseling Psychology*, 53, 362–371.
- Maltby, J., Wood, A. M., Day, L., & Pinto, D. (2012). The position of authenticity within extant models of personality. *Personality and Individual Differences*, 52(3), 269–273.
- Misteriya Dao. Mir Dao De Tszina [The Mystery of the Tao. Tao Te Ching]. (1996). Moscow: Sfera. (in Russian)

- Nartova-Bochaver, S. K. (2011). Understanding of authenticity in foreign psychology of personality: History, phenomenology, research. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 32(6), 18–29. (in Russian)
- Osin, E. N., & Leontiev, D. A. (2007). *Smysloutrata i otcuzhdenie* [Loss of meaning and estrangement]. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 3(4), 68–77. (in Russian)
- Parish, S. M. (2009). Are we condemned to authenticity? *ETHOS, Journal of the Society for Psychological Anthropology*, 37(1), 139–153.
- Pinto, D. G., Maltby, J., & Wood, A. M. (2011). Exploring the tripartite model of authenticity within Gray's approach and inhibition systems and Cloninger's bio-social model of personality. *Personality and Individual Differences*, 51(2), 194–197.
- Plato. (1986). *Dialogi* [Dialogs]. Moscow: Mysl'. (in Russian)
- Robinson, O. C., Lopez, F. G., Ramos, K., & Nartova-Bochaver, S. (2013). Authenticity, social context, and well-being in the United States, England, and Russia: A three country comparative analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 44(5), 719–737.
- Ryan, R. M., & Deci, E. L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: Guilford Press Publishing.
- Sheldon, K. M., Ryan, R. M., Rawsthorne, L., & Ilardi, B. (1997). Trait self and true self: Cross-role variation in the Big-Five personality traits and its relations with psychological authenticity and subjective well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, 73, 1380–1393.
- Sun, J.-W., Xue, J.-M., Bai H.-Y., Zhang, H.-H., Lin, P.-Z., & Cao, F.-L. (2016). The association between negative life events, neuroticism and aggression in early adulthood. *Personality and Individual Differences*, 102, 139–144. doi:10.1016/j.paid.2016.06.066
- Sutton, A. (2020). Living the good life: A meta-analysis of authenticity, well-being and engagement. *Personality and Individual Differences*, 153, 109645. doi:10.1016/j.paid.2019.109645
- Wood, A. M., Linley, P. A., Maltby, J., Baliousis, M., & Joseph, S. (2008). The authentic personality: A theoretical and empirical conceptualization and the development of the authenticity scale. *Journal of Counseling Psychology*, 55(3), 385–399.
- Yanchenko, A. A., & Nartova-Bochaver, S. K. (2020). Self-compassion as an adaptive feature of the person. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, 13(71). Retrieved from <http://psystudy.ru/> (in Russian)

Sofya K. Nartova-Bochaver — Professor, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, DSc.
Research Area: individual differences, psychology of sovereignty, environmental psychology.
E-mail: s-nartova@yandex.ru

Boris D. Irkhin — PhD student, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics.
Research Area: environmental psychology, cross-cultural psychology, social psychology.
E-mail: zuroi.a@gmail.com

Sofia I. Reznichenko — Research Fellow, School of Psychology, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, PhD.
Research Area: differential psychology, environmental psychology, clinical psychology, organizational psychology, psychometrics.
E-mail: reznichenko.sofya@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ НАПОМИНАНИЯ О СМЕРТИ НА ОТНОШЕНИЕ К ДРУГИМ СТРАНАМ: РОЛЬ ПРАВОГО АВТОРИТАРИЗМА

И.С. ПРУСОВА^а, О.А. ГУЛЕВИЧ^а

^а *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Согласно теории управления страхом смерти, осознание неизбежности смерти вызывает у людей парализующий страх. Чтобы справиться со страхом, люди используют психологические защиты. Они демонстрируют более позитивное отношение к тем, кто похож на них, и более негативное отношение к тем, кто отличается от них. Напоминание о смерти оказывает влияние на отношение к отдельным людям и социальным группам. Цель этого исследования – проанализировать влияние напоминания о смерти на отношение к «недоброжелательно» и «доброжелательно» настроенным аутгруппам. В исследовании приняли участие студенты двух российских университетов (N = 80). Сначала они заполняли онлайн-опросник, содержащий методики для измерения правого авторитаризма и воспринимаемой межгрупповой угрозы. Через неделю после этого они приходили в лабораторию, где участвовали в двухфакторном эксперименте: 2 (напоминание о смерти) × 2 (тип страны). Они смотрели видеофрагменты, напоминающие или не напоминающие о смерти, а затем выражали отношение к стране, которая, по результатам предварительного исследования, воспринималась как более или менее угрожающая. Исследование показало, что напоминание о смерти оказывает большее влияние на отношение к «недоброжелательно» настроенной, чем к «доброжелательно» настроенной стране. Однако это различие опосредовано уровнем правого авторитаризма. Люди с относительно низким уровнем авторитаризма после напоминания о смерти выражают более негативное отношение к представителям обеих стран. Люди с относительно высоким уровнем авторитаризма выражают более негативное отношение к «недоброжелательно» настроенным странам, но более позитивное отношение к «доброжелательно» настроенным.

Ключевые слова: страх смерти, правый авторитаризм.

Представление о смерти – важный элемент человеческой культуры. Тема смерти присутствует в живописи и литературе, музыке и кинематографе, однако в разных культурах играет разную роль. Некоторые исследователи полагают, что идея смерти больше интегрирована в культуру азиатских и европейских, чем североамериканских стран (Parkes et al., 1997). Жители Европы и Азии чаще думают о смерти в повседневной жизни и более спокойно реагируют на идею конечности человеческого существования, чем жители США (Burke et al., 2010).

В России тема смерти вызывает настороженное отношение. Недавний опрос Левада-центра* показал, что у 51% россиян разговоры и размышления о смерти вызывают страх, а 37% верят в то, что размышлениями и разговорами о конце жизни можно «накликать» скорую смерть (Россияне о помощи неизлечимо больным, 2018). В то же время в обыденной жизни люди нередко сталкиваются со стимулами, напоминающими о смерти. Источником таких стимулов могут стать новости, посвященные террористическим актам. В данном исследовании рассматривалось влияние этих новостей на отношение к другим странам.

Психологическая защита как следствие напоминания о смерти

В основе нашего исследования лежит теория управления страхом смерти (Terror Management Theory) (Solomon et al., 1991; Чистопольская, Ениколопов, 2014). Согласно этой теории, люди обладают инстинктом самосохранения. Для того чтобы выжить, они пытаются адаптироваться к окружающему миру. Многие способы адаптации роднят человека с другими живыми существами. Однако только люди обладают способностью к абстрактному мышлению, которая позволяет им осознать неизбежность смерти.

Противоречие между инстинктом самосохранения и неизбежностью смерти вызывает у людей парализующий страх. Чтобы уменьшить его, люди используют психологическую защиту — создают и принимают культурные верования — совокупность идей, включающую (1) представление о реальности, которое подчеркивает осмысленность, целенаправленность и важность человеческой жизни; (2) стандарты, по которым можно оценить поведение человека; (3) надежду на то, что следование этим стандартам позволит человеку обрести буквальное или символическое бессмертие.

В современном мире существует много способов понимания реальности, но нет объективных критериев для оценки их правильности. Чтобы подтвердить правильность своего культурного мировоззрения, человек ориентируется на мнение окружающих. Люди, которые разделяют это мировоззрение, увеличивают уверенность человека в его правильности, а люди, которые придерживаются иного мировоззрения, снижают эту уверенность.

Напоминание о смерти увеличивает потребность человека в культурных верованиях, которые позволяют ему справиться с возникающим страхом. Чтобы защитить свои взгляды, человек дает более позитивную оценку и более позитивно ведет себя по отношению к тем, кто разделяет его взгляды и образ жизни, а более негативно — к тем, кто демонстрирует другие предпочтения (Pyszczynski et al., 2015).

Предыдущие исследования, проведенные в рамках теории управления страхом смерти, показали, что напоминание о смерти оказывает влияние на аттитюды и поведение человека по отношению к другим людям и социальным группам. Однако в большинстве исследований не проводилось различий между отношением к группам, которые воспринимаются и не воспринимаются челове-

* Организация, признанная иностранным агентом.

ком как источник угрозы своему существованию. Цель этого исследования — проанализировать влияние напоминания о смерти на отношение к «доброжелательно» и «недоброжелательно» настроенным группам.

Влияние напоминания о смерти на отношение к социальным группам

Метаанализ исследований, проведенных в рамках теории управления страхом смерти, продемонстрировал, что «актуальность смерти» оказывает устойчивое влияние на отношение человека к окружающим (Burke et al., 2010). После напоминания о смерти человек выражает более позитивное отношение к людям, которые подтверждают его взгляды, и негативное отношение к людям, которые критикуют их. Объектом отношения может стать отдельный человек или социальная группа. После напоминания о смерти люди сильнее идентифицируются с ингруппой, но выражают более негативное отношение к сексуальным, религиозным, расовым, этническим и национальным аутгруппам (Greenberg, Kosloff, 2008).

Например, ряд исследований показал, что после напоминания о смерти евроамериканцы выражают более негативное отношение к афроамериканцам (Bradley et al., 2012); студенты американских университетов — к евреям (Cohen et al., 2009); шотландцы — к англичанам (Castano, 2004); немцы — к туркам (Pyszczynski et al., 2003); итальянцы — к немцам (Castano et al., 2002); жители европейских стран — к арабам и мигрантам (Das et al., 2009; Echebarria-Echabe, 2013; Echebarria-Echabe, Perez, 2016; Pan et al., 2017); арабы — к европейцам (Das et al., 2009); нигерийские студенты — к представителям народа хауса (Ezeh et al., 2017).

Однако отдельные исследования свидетельствуют о том, что напоминание о смерти оказывает негативное влияние на отношение к одним аутгруппам, но не влияет на отношение к другим. Например, после напоминания о смерти американские студенты демонстрировали более негативное отношение к нелегальному мигранту из Мехико, но не из Ванкувера (Bassett, Connelly, 2011), а также к Израилю, но не к Индии (Cohen et al., 2009). На наш взгляд, эти различия могут быть связаны с восприятием угрозы, исходящей от аутгруппы.

В соответствии с теорией управления страхом смерти после напоминания о смерти люди стремятся защитить ингруппу. Для этого они обесценивают и отвергают людей, которые угрожают этому сообществу. Следовательно, можно предположить, что напоминание о смерти оказывает большее влияние на отношение к аутгруппам, которые воспринимаются как источник угрозы. В зависимости от ситуации «угрожающими» могут казаться люди с другими политическими и религиозными взглядами, члены других этнических групп, жители других стран и т.д.

Идея взаимосвязи между напоминанием о смерти и воспринимаемой межгрупповой угрозой уже высказывалась некоторыми авторами. Например, по мнению Дж. Бассета и Дж. Конелли (Bassett, Connelly, 2011), большее влияние напоминания о смерти на отношение к мексиканскому мигранту было связано с восприятием более сильной угрозы от Мексики, чем, например, от

Канады. Однако это исследование обладало несколькими методическими ограничениями (например, маленькая выборка, отсутствие шкалы для измерения воспринимаемой межгрупповой угрозы), которые не позволяют сделать однозначный вывод о влиянии воспринимаемой угрозы на связь между напоминанием о смерти и отношением к аутгруппе.

В этом исследовании было проанализировано, как напоминание о смерти влияет на отношение к другим странам. Предполагается, что «актуальность смерти» ухудшает отношение к другим государствам. Однако она оказывает большее влияние на отношение к странам (аутгруппам), которые воспринимаются как «недоброжелательно» настроенные, чем к странам, которые воспринимаются как «доброжелательно» настроенные по отношению к стране проживания (ингруппе) (гипотеза 1). Это происходит, поскольку, по мнению людей, «недоброжелательно» настроенные страны угрожают благополучию и, как следствие, культурному мировоззрению жителей их собственной страны.

Правый авторитаризм как фактор, усиливающий влияние «актуальности смерти»

Сторонники теории управления страхом смерти полагают, что напоминание о смерти — это универсальный стимул, который оказывает влияние в разных ситуациях. Однако существуют индивидуальные особенности, которые позволяют смягчить его воздействие. Наиболее известными характеристиками являются самооценка и религиозность. Психологические исследования показывают, что под влиянием страха смерти люди с высокой самооценкой (Burke et al., 2010) и внутренней религиозной ориентацией/верующие люди, которым напомнили о ценности сострадания (De Zavala et al., 2012; Rothschild et al., 2009), выражают менее негативное отношение к отдельным индивидам и группам, чем люди, обладающие противоположными особенностями.

Однако можно предположить, что существуют и другие психологические особенности, которые ослабляют или усиливают влияние страха смерти на отношение к окружающим. К их числу относится правый авторитаризм. Этот термин был введен канадским психологом Бобом Альтмейером. Согласно его определению, правый авторитаризм включает три взаимосвязанных компонента (Altemeyer, 1981, 1988): (1) конвенционализм — приверженность традициям и социальным нормам, якобы разделяемым всем обществом; (2) авторитарное подчинение — готовность безоговорочно подчиняться представителям власти, которые считаются легитимными в той социальной группе, к которой принадлежит носитель взглядов; (3) авторитарная агрессия — негативное отношение ко всем, кто отказывается подчиняться таким властям, и к тем, кого эти власти считают своими врагами.

Недавний метаанализ исследований продемонстрировал, что люди с высоким уровнем авторитаризма демонстрируют более негативное отношение к гендерным, сексуальным, расовым, этническим и религиозным аутгруппам, чем люди с низким уровнем (Hodson, Dhont, 2015). Однако существуют свидетельства того, что правый авторитаризм взаимодействует с ощущением

угрозы. С одной стороны, ощущение угрозы может вызывать конкретная аут-группа. Например, исследования показали, что правый авторитаризм предсказывает негативное отношение к мигрантам, которые воспринимаются как источник опасности для физического благополучия и образа жизни принимающего населения (Cohrs, Asbrock, 2009).

С другой стороны, ощущение угрозы может вызывать ситуационный стимул — напоминание о смерти. Согласно теории управления страхом смерти, размышления о смерти побуждают людей защищать свое культурное мировоззрение. Люди с низким и с высоким уровнем правого авторитаризма обладают разным отношением к аутгруппам. Поэтому напоминание о смерти может оказывать на них разное влияние. Например, недавнее исследование показало, что напоминание о смерти ухудшает отношение к мигрантам у людей с высоким уровнем правого авторитаризма, но улучшает отношение к этой группе у людей с низким уровнем правого авторитаризма (Weise et al., 2012).

В этом исследовании было проанализировано, как связь правого авторитаризма и отношения к другим странам опосредована взаимодействием групповой и ситуативной угрозы. Предполагается, что напоминание о смерти оказывает более негативное влияние на отношение к «недоброжелательно» настроенным (vs «доброжелательно» настроенным) группам у людей с высоким уровнем правого авторитаризма (vs у людей с низким уровнем) (гипотеза 2). Это происходит, поскольку люди с высоким уровнем правого авторитаризма сильнее реагируют на возможную угрозу, чем люди с низким уровнем авторитаризма. Чем сильнее угроза, тем выше различие в реакциях у людей с разным уровнем авторитаризма.

Исследование

Метод

Выборка

В исследовании приняли участие 80 студентов различных факультетов Высшей школы экономики и Государственного академического университета гуманитарных наук. Выборка состояла из 51 женщины и 29 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет ($M = 21.15$; $SD = 2.40$). Данные собирались в ноябре 2017 – феврале 2018 г. Приглашались студенты, посещающие курсы по психологии, которые получали кредиты за участие в эксперименте. Экспериментальные условия были уравнены по количеству студентов из разных университетов. Были сформированы 4 экспериментальные группы, в каждой из которых было по 20 человек (см. таблицу 1).

Экспериментальный план

В исследовании было создано четыре экспериментальных условия: 2 (напоминание о смерти: видеозаписи с террористическими актами или с лечением

Таблица 1

Распределение респондентов по экспериментальным группам

	Отношение к Украине						Отношение к Беларуси					
	Экспериментальное условие			Контрольное условие			Экспериментальное условие			Контрольное условие		
	М	SD	N	М	SD	N	М	SD	N	М	SD	N
Мужчины	20.63	1.41	7	19.67	0.58	7	22.40	2.41	7	20.75	0.71	8
Женщины	20.58	2.50	13	20.76	1.82	13	21.40	3.60	13	21.92	3.23	12

зубов) × 2 (тип страны: «доброжелательно» настроенная или «недоброжелательно» настроенная).

Напоминание о смерти. В экспериментальном условии респонденты смотрели репортажи о террористических актах, произошедших в четырех российских городах – Москве, Санкт-Петербурге, Волгограде и Беслане с 2004 по 2017 г. Эти репортажи включали изображения взрывов, разрушенных зданий и жертв террористов. После этого люди письменно отвечали на два вопроса: «Представьте, что вы оказались на месте жертвы террористического акта, как люди на видео. Какие чувства вы испытываете? Подробно опишите ваши чувства», «Что вы думаете, с вами бы произошло, если бы вы оказались на месте жертвы террористического акта? Подробно опишите ваши мысли».

В контрольном условии участники смотрели репортажи о лечении зубов. В этих репортажах демонстрировалось лечение кариеса и установка зубных имплантов, которые привели к негативным последствиям. После этого люди письменно отвечали на два вопроса: «Представьте, что вы оказались на месте пациента стоматологической клиники, как люди на видео. Какие чувства вы испытываете? Подробно опишите ваши чувства», «Как вы думаете, что с вами произошло бы, если бы вы оказались на месте пациента стоматологической клиники? Опишите ваши мысли подробно».

Чтобы проконтролировать силу экспериментального воздействия, были использованы два показателя – негативные эмоции и мысли, связанные со смертью. Для измерения *негативных эмоций* была использована методика PANAS (Watson et al., 1988). Русскоязычная версия этой методики состоит из 20 прилагательных, описывающих эмоциональные состояния (Осин, 2012). Эти прилагательные объединяются в субшкалы позитивных и негативных эмоций. Респонденты оценивают свое текущее эмоциональное состояние. Они отмечают, в какой степени испытывают каждую из указанных эмоций, по 5-балльной шкале от «1» (*почти или совсем нет*) до «5» (*очень сильно*). Для контроля экспериментального воздействия была использована шкала негативных эмоций ($\alpha_{\text{негативные эмоции}} = 0.935$). Респонденты из контрольного и экспериментального условия должны были продемонстрировать одинаковый уровень негативных эмоций.

Для измерения *мыслей, связанных со смертью*, было использовано задание на завершение слов. Русскоязычный вариант этого задания включает 5 нейтральных

и 5 ключевых слов с пропущенными буквами. Респонденты должны завершить написание слова, вставив недостающие буквы. Вариант дополнения нейтральных слов (*крик, игра, град, рама, помада*) только один. Ключевые слова (*прах-крах, морг-морс, гибель-кисель, гроб-гриб, труп-трап*) могут быть дополнены двумя разными способами. Для контроля экспериментального воздействия были использованы ключевые слова. Респонденты из экспериментального условия должны были написать больше слов, связанных со смертью, чем респонденты из контрольного условия.

Тип страны. Во второй части исследования участники выражали свое отношение к близко расположенным и схожим в культурном отношении «доброжелательно ориентированной» (Беларуси) или «недоброжелательно ориентированной» (Украине) странам. Первоначальный выбор стран происходил на основании результатов социологического опроса. Согласно исследованию, проведенному негосударственной социологической организацией «Левада-центр» в 2017 г. (Друзья и враги России, 2017), Беларусь заняла первое место в списке дружественно ориентированных стран: 46% участников опроса считали эту страну другом России. В то же время Украина заняла второе место в списке враждебно ориентированных стран: 50% участников опроса считали эту страну врагом России.

Для анализа того, как эти страны воспринимаются участниками исследования, была использована методика *воспринимаемой межгрупповой угрозы*. Она включала два утверждения, отражающих восприятие реальной угрозы («[Название страны] представляет угрозу безопасности России», «[Название страны] представляет угрозу для экономического благосостояния России») и два утверждения — восприятие символической угрозы («[Название страны] представляет угрозу для российской культуры», «[Название страны] угрожает российским нормам и ценностям») (Stephan et al., 1998). Респонденты могли согласиться или не согласиться с этими утверждениями по 5-балльной шкале от «1» (*совершенно не согласен*) до «5» (*совершенно согласен*). Предварительный анализ показал, что все утверждения образуют одну шкалу ($\alpha_{\text{угроза}} = 0.91$), поэтому в ходе дальнейшего анализа различие между двумя типами угрозы не проводилось.

Правый авторитаризм. Для измерения авторитаризма использовалась методика правого авторитаризма, которая была разработана Б. Альтмейером и адаптирована для русскоязычной выборки Е.Р. Агадуллиной. Она включает в себя 12 прямых и 10 обратных утверждений. Респонденты должны были выразить свое отношение к каждому утверждению по 9-балльной шкале от «-4» (*абсолютно не согласен*) до «4» (*абсолютно согласен*) ($\alpha = 0.83$). Более высокие значения по данной шкале соответствовали более высокому уровню правого авторитаризма. При обработке результатов значения от «-4» до «4» были трансформированы в значения от «1» до «9».

Зависимые переменные

В исследованиях, посвященных влиянию напоминания о смерти на отношение к аутгруппам, используются два основных показателя отношения.

Первый показатель — общие шкалы предрассудков, затрагивающие эмоциональный и когнитивный аспекты отношения (Cohen et al., 2009; Das et al., 2009; Echebarria-Echabe, 2013; Echebarria-Echabe, Perez, 2016; Pan et al., 2017). Второй показатель — наборы черт для измерения стереотипных представлений об аутгруппе (Castano et al., 2002; Castano, 2004; Pyszczynski et al., 2003). В этом исследовании были выделены три общих показателя, которые могут быть использованы для измерения отношения к разным социальным группам: когнитивный (групповое доверие), эмоциональный (групповая симпатия) и поведенческий (социальная дистанция) компоненты отношения. Это позволило нам разделить влияние напоминания о смерти на разные компоненты отношения.

Групповое доверие. Для измерения доверия респонденты должны были оценить степень доверия к украинцам/белорусам по 10-балльной шкале от «1» (*совсем не доверяю*) до «10» (*полностью доверяю*).

Групповая симпатия. Для измерения симпатии участники исследования должны были оценить свое отношение к украинцам/белорусам по 100-балльной шкале от «0» (*холодное*) до «100» (*теплое*).

Социальная дистанция. Для измерения социальной дистанции респонденты должны были оценить свое желание общаться с украинцем/белорусом как с членом семьи, другом, начальником, подчиненным и соседом (Gulevich et al., 2015). Для этого респонденты должны были согласиться или не согласиться с пятью утверждениями, выразив свое отношение по 5-балльной шкале, от «1» (*совершенно не согласен*) до «5» (*совершенно согласен*) ($\alpha = 0.86$). Более высокие значения отражали большее желание взаимодействовать с этими людьми.

Процедура

Респонденты приглашались для участия в исследовании, посвященном изучению обыденных представлений. За неделю перед основной частью исследования они заполняли опросник для измерения правого авторитаризма и воспринимаемой межгрупповой угрозы. Каждый респондент выражал свое мнение только об одной стране, которую он оценивал позже, в ходе основной части исследования. Онлайн версия этого опросника была расположена на сайте <https://docs.google.com/>.

Через неделю после заполнения этой методики респонденты получали электронное письмо с приглашением принять участие в исследовании. В каждом письме был указан уникальный номер, который позволял сопоставлять ответы респондента в подготовительной и основной части исследования без нарушения анонимности. После прихода в лабораторию респонденты подписывали согласие на участие в исследовании.

Затем они смотрели видеозапись с изображением лечения зубов или террористических актов, решали ребусы (задание, призванное активизировать психологическую защиту), заполняли методики для контроля напоминания о смерти и выражали свое отношение к Беларуси или Украине. В конце экспериментальной

сессии проводился дебрифинг: респонденты получали информацию о целях исследования и смотрели смешной мультфильм. Экспериментальная сессия длилась около 30 минут.

Результаты

Контроль экспериментального воздействия

Анализ результатов проводился с помощью программы SPSS 23.0.0. Чтобы проверить эффективность напоминания о смерти, сравнивались выраженность негативных эмоций и количество слов, связанных со смертью, у людей, которые смотрели видеозаписи террористических актов и лечения зубов. Т-критерий для независимых выборок показал, что участники экспериментальной и контрольной групп демонстрировали одинаковый уровень негативных эмоций ($M_{\text{смерть}} = 2.43$, $SD_{\text{смерть}} = 1.27$; $M_{\text{стоматолог}} = 2.20$, $SD_{\text{стоматолог}} = 0.85$; $t(78) = 0.939$, $p = 0.351$, $d = 0.213$). Однако респонденты из экспериментального условия написали больше слов, связанных со смертью, чем респонденты из контрольного условия ($M_{\text{смерть}} = 2.58$, $SD_{\text{смерть}} = 1.08$; $M_{\text{стоматолог}} = 1.28$, $SD_{\text{стоматолог}} = 0.91$; $t(78) = 5.823$, $p < 0.001$, $d = 1.302$).

Чтобы проверить восприятие «доброжелательности» – «недоброжелательности» относительно Украины и Беларуси, сравнивались оценки воспринимаемой угрозы, данные в ходе предварительного исследования. Т-критерий для независимых выборок показал, что респонденты ощущали большую угрозу от Украины ($M = 2.81$, $SD = 1.16$), чем от Беларуси ($M = 1.67$, $SD = 0.68$): $t(78) = 5.366$, $p < 0.001$; $d = 1.199$). Кроме того, одновыборочный t-критерий продемонстрировал, что респонденты ощущали средний уровень угрозы со стороны Украины ($t(39) = 1.061$, $p = 0.295$, $d = 0.340$, $M_{\text{угроза}} = 2.81$, $SD_{\text{угроза}} = 1.16$) и низкий уровень угрозы со стороны Беларуси ($t(39) = 12.377$, $p < 0.001$, $d = 3.964$; $M_{\text{угроза}} = 1.67$, $SD_{\text{угроза}} = 0.68$).

Основные результаты

Сначала участники были разделены на группы с относительно высоким и относительно низким уровнем авторитаризма посредством медианы ($Mdn = 5.068$): 40 респондентов с относительно низким уровнем авторитаризма и 40 респондентов с относительно высоким уровнем авторитаризма. В исследовании не было ни одного респондента, чей результат точно соответствовал медиане, поэтому ни один участник не был исключен. Для проверки гипотез использовалась многомерная линейная модель (MANOVA). Фиксированными факторами в ней были наличие vs отсутствие напоминания о смерти, «доброжелательно» настроенная vs «недоброжелательно» настроенная страна и относительно низкий vs относительно высокий уровень авторитаризма. Результаты представлены в таблицах 2 и 3.

Таблица 2

Аттитуды к «доброжелательно» и «недоброжелательно» настроенным странам

	Напоминание о лечении				Напоминание о смерти			
	Низкий авторитаризм		Высокий авторитаризм		Низкий авторитаризм		Высокий авторитаризм	
Отношение к Беларуси								
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Симпатия	79.69	18.94	54.14	26.40	69.29	14.27	85.00	12.58
Доверие	7.46	2.53	5.00	2.16	5.57	2.76	8.23	2.42
Социальная дистанция	4.23	0.90	3.71	1.12	4.14	0.85	4.45	0.58
Отношение к Украине								
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Симпатия	67.80	20.55	61.00	26.01	42.20	15.50	34.50	20.20
Доверие	6.10	2.60	5.40	2.27	5.00	2.71	4.00	2.16
Социальная дистанция	4.02	1.12	3.72	0.88	4.08	0.77	2.96	1.22

Результаты исследования показали, что напоминание о смерти оказало разное влияние на симпатию к «доброжелательно» и «недоброжелательно» настроенной стране: ($F(1, 78) = 16.51, p < 0.001, h^2 = 0.187$). После просмотра видефрагментов о террористических актах участники демонстрировали меньшую симпатию ($M_{\text{смерть}} = 38.35, SD_{\text{смерть}} = 17.96; M_{\text{стоматолог}} = 64.40, SD_{\text{стоматолог}} = 23.08$) к украинцам, но такая тенденция не наблюдалась в отношении белорусов ($M_{\text{смерть}} = 79.50, SD_{\text{смерть}} = 14.95; M_{\text{стоматолог}} = 70.75, SD_{\text{стоматолог}} = 24.56$). В то же время напоминание о смерти не оказывало влияния на доверие ($F(1, 78) = 2.90, p = 0.093, h^2 = 0.039$) и социальную дистанцию ($F(1, 78) = 2.47, p = 0.120, h^2 = 0.033$) к украинцам и белорусам. Эти результаты подтверждают гипотезу 1 относительно эмоционального компонента отношения к группам, но опровергают эту гипотезу относительно когнитивного и поведенческого компонентов отношения.

Дальнейший анализ показал, что влияние напоминания о смерти на симпатию ($F(1, 78) = 5.58, p = 0.021, h^2 = 0.072$), доверие ($F(1, 78) = 5.77, p = 0.019, h^2 = 0.074$) и социальную дистанцию ($F(1, 78) = 3.68, p = 0.059, h^2 = 0.049$ на уровне тенденции) опосредовано уровнем правого авторитаризма (см. рисунок 1). После напоминания о смерти люди с низким уровнем авторитаризма демонстрировали такой же уровень симпатии, доверия и социальной дистанции по отношению к украинцам, как и к белорусам. В то же время люди с высоким уровнем авторитаризма демонстрировали меньшую симпатию, доверие и готовность общаться с украинцами, но большую симпатию, доверие и готовность к общению с белорусами. Эти результаты подтверждают гипотезу 2.

Таблица 3

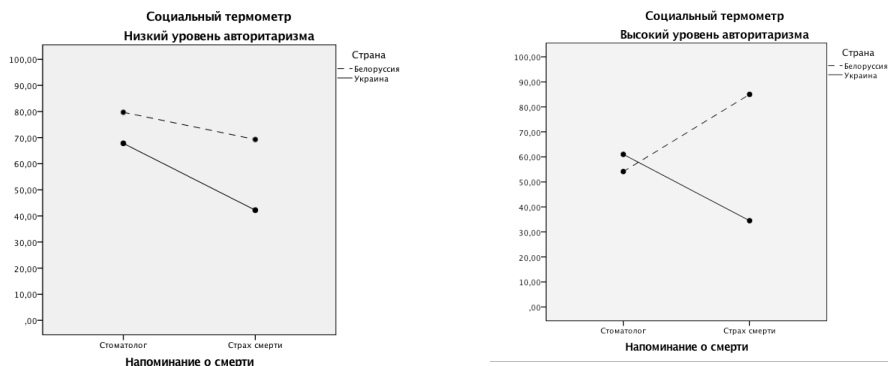
**Влияние страха смерти, типа аутгруппы и авторитаризма на отношение к украинцам
и белорусам**

НП	ЗП	SS	df	MS	F	p	η^2
Напоминание о смерти	Симпатия	1193.11	1	1193.11	3.14	0.081	0.042
	Доверие	1.60	1	1.60	0.26	0.609	0.004
	Социальная дистанция	0.01	1	0.01	0.01	0.948	<0.001
Страна	Симпатия	8130.70	1	8130.70	21.42	<0.001	0.229
	Доверие	39.57	1	39.57	6.53	0.013	0.083
	Социальная дистанция	3.67	1	3.67	4.21	0.044	0.055
Авторитаризм	Симпатия	705.37	1	705.37	1.86	0.177	0.025
	Доверие	2.69	1	2.69	0.44	0.508	0.006
	Социальная дистанция	3.18	1	3.18	3.65	0.060	0.048
Напоминание о смерти × Страна	Симпатия	6269.45	1	6269.45	16.51	<0.001	0.187
	Доверие	17.570	1	17.57	2.90	0.093	0.039
	Социальная дистанция	2.151	1	2.15	2.47	0.120	0.033
Напоминание о смерти × Авторитаризм	Симпатия	1940.58	1	1940.58	5.11	0.027	0.066
	Доверие	27.68	1	27.68	4.56	0.036	0.060
	Социальная дистанция	5.753E-8	1	5.753E-8	0.01	1.000	<0.001
Страна × Авторитаризм	Симпатия	25.92	1	25.92	0.07	0.795	0.001
	Доверие	4.29	1	4.29	0.71	0.403	0.010
	Социальная дистанция	1.74	1	1.74	1.99	0.163	0.027
Напоминание о смерти × Страна × Авторитаризм	Симпатия	2117.51	1	2117.51	5.58	0.021	0.072
	Доверие	35.00	1	35.00	5.77	0.019	0.074
	Социальная дистанция	3.20	1	3.20	3.68	0.059	0.049
Ошибка	Симпатия	27336.76	72	379.68			
	Доверие	436.55	72	6.06			
	Социальная дистанция	62.74	72	0.87			

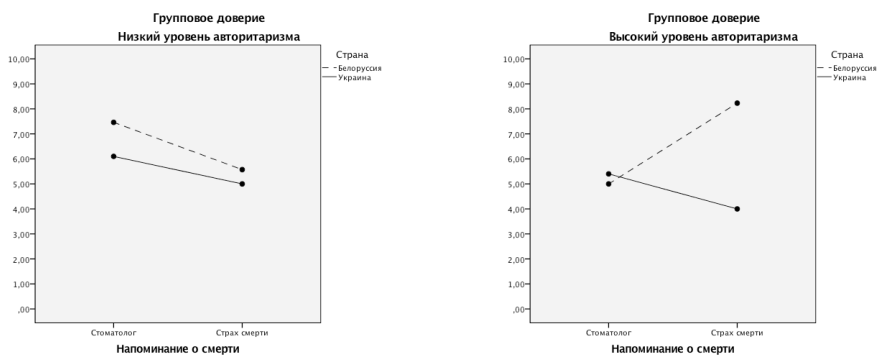
Примечание. НП – независимая переменная, ЗП – зависимая переменная.

Рисунок 1

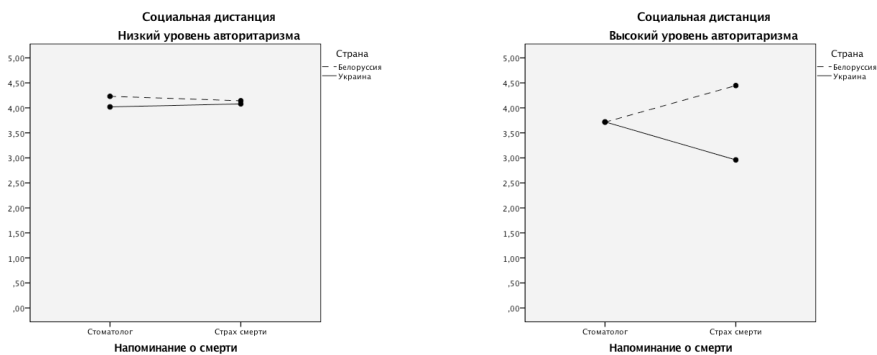
Влияние напоминания о смерти, уровня авторитаризма и «доброжелательности» страны на отношение к ней

(а) Симпатия к странам

(б) Доверие к странам

(в) Социальная дистанция с жителями стран

Обсуждение

В этом исследовании рассматривалась связь между напоминанием о смерти и отношением к другим странам у людей с относительно низким и относительно высоким уровнем авторитаризма. Предполагалось, что после напоминания о смерти люди будут демонстрировать более негативное отношение к странам, которые вызывают у них ощущение угрозы. Однако это более характерно для людей с высоким уровнем авторитаризма. Для проверки этих предположений было проведено экспериментальное исследование, участники которого оценивали две страны, различающиеся по уровню воспринимаемой угрозы.

Наши результаты подтвердили предположение о взаимодействии напоминания о смерти и воспринимаемой межгрупповой угрозы. В частности, исследование показало, что видеотрекеры с изображением террористических актов оказывают более негативное влияние на отношение к «недоброжелательно» настроенной, чем к «доброжелательно» настроенной стране. Согласно теории управления страхом смерти, это различие вызвано необходимостью психологической защиты. «Недоброжелательно» настроенное государство воспринимается как источник угрозы для своей страны, ставит под сомнение распространенное в ней культурное мировоззрение. Как следствие, при напоминании о смерти люди реагируют на упоминание этой страны более негативно, чем на упоминание «доброжелательно» настроенного государства.

Это различие ярче проявляется на эмоциональном, чем на когнитивном и поведенческом уровне: напоминание о смерти оказывает большее влияние на выражение симпатии по отношению к «недоброжелательно» настроенной стране, чем на доверие и готовность общаться с ее представителями. Возможно, это происходит, поскольку симпатия отражает позитивное отношение к группе в целом, которое формируется на основе стереотипного представления о ней. В то же время доверие и готовность к общению зависят не только от общего представления о группе, но также и от обстоятельств, при которых происходит общение (например, знания языка). Таким образом, сочетание групповой и ситуативной угрозы оказывает влияние на самый общий параметр отношения.

Однако влияние напоминания о смерти на отношение к «недоброжелательно» и «доброжелательно» настроенной стране опосредовано уровнем правого авторитаризма. Люди с относительно низким уровнем авторитаризма после напоминания о смерти демонстрируют похожие реакции к «доброжелательно» и «недоброжелательно» настроенному государству: они выражают меньшую симпатию, доверие и готовность к общению с ее представителями. В то же время люди с относительно высоким уровнем авторитаризма демонстрируют разные реакции: они выражают большую симпатию, доверие и готовность к общению с жителями «доброжелательно» настроенной страны, но меньшую симпатию, доверие и готовность общаться с жителями «недоброжелательно» настроенного государства.

Возможное объяснение этого различия содержится в модели двух путей Дж. Даккита (Duckitt, 2001). По его мнению, правый авторитаризм порождается стремлением к социальной сплоченности и коллективной безопасности. В пользу этой точки зрения говорят исследования, показавшие, что авторитарным людям свойственны так называемые ценности консерватизма: безопасность, конформность и традиции (Feather, McKee, 2012; Livi et al., 2014). Как следствие, люди с высоким уровнем авторитаризма сильнее реагируют на воспринимаемую межгрупповую угрозу. Они дают более негативную оценку странам, которые представляют угрозу сплоченности и безопасности, и более позитивную оценку странам, которые поддерживают существующую в обществе систему власти. Напоминание о смерти укрепляет стремление защищать свое мировоззрение и, как следствие, усиливает эту тенденцию.

В целом наше исследование вносит вклад в изучение связи между напоминанием о смерти и отношением к аутгруппам. Оно показывает, что воздействие этого фактора зависит от индивидуальных характеристик человека, особенностей группы и аспекта отношения. Тем не менее оно имеет ограничение. Респонденты оценивали страны, вызывающие слабое (Беларусь) или среднее (Украина), но не сильно выраженное ощущение межгрупповой угрозы. Вероятно, это связано со спецификой выборки: в исследовании принимали участие молодые люди, получающие образование в двух московских университетах. Чтобы проанализировать влияние актуальности смерти на отношение к странам, вызывающим сильное ощущение угрозы, необходимо проводить исследование на других, менее толерантных выборках.

Литература

- Друзья и враги России. (2017, 5 июня). Режим доступа: <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/>
- Осин, Е. Н. (2012). Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 9(4), 91–110.
- Россияне о помощи неизлечимо больным. (2018, 15 июня). Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/06/15/rossiyane-o-pomoshhi-neizlechimo-bolnym/>
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н. (2014). Теория управления страхом смерти: основы, критика и развитие. *Вопросы психологии*, 2, 125–142.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Прусова Ирина Сергеевна — аспирант, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Сфера научных интересов: психология межгрупповых отношений.
Контакты: iprusova@hse.ru

Гулевич Ольга Александровна — профессор, департамент психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доктор психологических наук.
Сфера научных интересов: психология межгрупповых отношений, политическая психология.
Контакты: ogulevich@hse.ru

The Influence of Mortality Salience on Attitudes towards Other Countries: The Role of Right-Wing Authoritarianism

I.S. Prusova^a, O.A. Gulevich^a

^a National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation

Abstract

In line with the Terror Management Theory, recognition of the inevitability of death induces the paralyzing fear. To reduce this fear, people use psychological defences. They demonstrate more positive attitudes towards those who are similar to them, and more negative towards those who are different. Mortality salience influences on attitudes towards individuals and social groups. The goal of the study was to analyse the effect of mortality salience on attitudes towards “hostile-oriented” and “friendly-oriented” outgroups. To examine the effect of mortality salience, we conducted the experimental research. Students from two Russian universities (N = 80) participated in the study. Participants completed the online questionnaires to indicate the level of RWA and perceived threat from other countries. A week later, they arrived at the laboratory to take part in a two-factor experiment: 2 (mortality salience) × 2 (type of country). They watched videotapes with reminders of death or without it and, thereafter, demonstrated the level of sympathy, trust, and readiness to interact with inhabitants of the country. The results showed that mortality salience negatively influenced on attitudes towards “hostile-oriented” than towards “friendly-oriented” country. This difference was moderated by RWA. After reminders of death, people with low RWA demonstrated the same positions towards “friendly” and “hostile-oriented” countries. At the same time, people with high RWA showed more positive attitudes towards inhabitants of “friendly-oriented” country, whereas more negative towards people from “hostile-oriented” country.

Keywords: mortality salience, right-wing authoritarianism.

References

- Altemeyer, B. (1981). *Right-wing authoritarianism*. Winnipeg, MB: University of Manitoba Press.
- Altemeyer, B. (1988). *Enemies of freedom: Understanding right-wing authoritarianism*. Mississauga, ON: Jossey-Bass.
- Bassett, J. F., & Connelly, J. N. (2011). Terror management and reactions to undocumented immigrants: Mortality salience increases aversion to culturally dissimilar others. *The Journal of Social Psychology, 151*(2), 117–120. doi:10.1080/00224540903365562
- Bradley, K. I., Kennison, S. M., Burke, A. L., & Chaney, J. M. (2012). The effect of mortality salience on implicit bias. *Death Studies, 36*(9), 819–831. doi:10.1080/07481187.2011.605987
- Burke, B. L., Martens, A., & Faucher, E. H. (2010). Two decades of Terror Management Theory: A meta-analysis of mortality salience research. *Personality and Social Psychology Review, 14*(2), 155–195. doi:10.1177/1088868309352321

- Castano, E. (2004). In case of death, cling to the ingroup. *European Journal of Social Psychology, 34*(4), 375–384. doi:10.1002/ejsp.211
- Castano, E., Yzerbyt, V., Paladino, M.-P., & Sacchi, S. (2002). I belong, therefore, I exist: ingroup identification, ingroup entitativity, and ingroup bias. *Personality and Social Psychology Bulletin, 28*(2), 135–143. doi:10.1177/0146167202282001
- Chistopolskaya, K. A., & Enikolopov, S. N. (2014). The theory of controlling the fear of death: Foundations, criticism, development. *Voprosy Psichologii, 2*, 125–142. (in Russian)
- Cohen, E., Harber, K.D., Jussim, L., & Bhasin, G. (2009). Modern anti-semitism and anti-Israeli attitudes. *Journal of Personality and Social Psychology, 97*(2), 290–306. doi:10.1037/a0015338
- Cohrs, J. C., & Asbrock, F. (2009). Right-wing authoritarianism, social dominance orientation and prejudice against threatening and competitive ethnic groups. *European Journal of Social Psychology, 39*(2), 270–289. doi:10.1002/ejsp.545
- Das, E., Bushman, B. J., Bezemer, M. D., Kerkhof, P., & Vermeulen, I. E. (2009). How terrorism news reports increase prejudice against outgroups: A terror management account. *Journal of Experimental Social Psychology, 45*(3), 453–459. doi:10.1016/j.jesp.2008.12.001
- De Zavala, A. G., Cichocka, A., Orehek, E., & Abdollahi, A. (2012). Intrinsic religiosity reduces intergroup hostility under mortality salience. *European Journal of Social Psychology, 42*(4), 451–461. doi:10.1002/ejsp.1843
- Druz'ya i vragi Rossii [Friends and enemies of Russia]. (2017, June 5). Retrieved from <https://www.levada.ru/2017/06/05/druzya-i-vragi-rossii-2/> (in Russian)
- Duckitt, J. (2001). A dual-process cognitive-motivational theory of ideology and prejudice. *Advances in Experimental Social Psychology, 33*, 41–114. doi:10.1016/S0065-2601(01)80004-6
- Echebarria-Echabe, A. (2013). Mortality salience and uncertainty: Similar effects but different processes? *European Journal of Social Psychology, 43*(3), 185–191. doi:10.1002/ejsp.1938
- Echebarria-Echabe, A., & Perez, S. (2016). The impact of different procedures to arouse mortality awareness on various worldview dimensions. *European Journal of Social Psychology, 46*(3), 392–399. doi:10.1002/ejsp.2144
- Ezeh, V. C., Mefoh, P. C., Nwonyi, S. K., & Aliche, J. C. (2017). Mortality salience and prejudice towards ethno-religion minorities: Results and implications of a Nigerian study. *Journal of Psychology in Africa, 27*(5), 420–426. doi:10.1080/14330237.2017.134777
- Feather, N. T., & McKee, I. R. (2012). Values, right-wing authoritarianism, social dominance orientation, and ambivalent attitudes toward women. *Journal of Applied Social Psychology, 42*(10), 2479–2504. doi:10.1111/j.1559-1816.2012.00950.x
- Greenberg, J., & Kosloff, S. (2008). Terror Management Theory: Implications for understanding prejudice, stereotyping, intergroup conflict, and political attitudes. *Social and Personality Psychology Compass, 2*(5), 1881–1894. doi:10.1111/j.1751-9004.2008.00144.x
- Gulevich, O., Sarieva, I., & Prusova, I. (2015). Ethnic prejudices in Russia: questionnaire adaptation for the measurement of prejudices towards migrants. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 12*(2), 112–132.
- Hodson, G., & Dhont, K. (2015). The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity. *European Review of Social Psychology, 26*(1), 1–42. doi:10.1080/10463283.2015.1070018
- Livi, S., Leone, L., Falgares, G., & Lombardo, F. (2014). Values, ideological attitudes and patriotism. *Personality and Individual Differences, 64*, 141–146. doi:10.1016/j.paid.2014.02.040
- Osin, E. N. (2012). Measuring positive and negative affect: Development of a Russian-language analogue of PANAS. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 9*(4), 91–110. (in Russian)

- Pan, P.-L., Zhou, S., & Hayes, M. T. (2017). Immigrant perpetrators in the news: A terror management approach to resultant hostility, perceived vulnerability, and immigration issue judgment. *Journal of International and Intercultural Communication*, 10(3), 219–236. doi:10.1080/17513057.2017.1280525
- Parkes, C. M., Laungani, P., & Young, B. (1997). *Death and bereavement across cultures*. London: Routledge.
- Pyszczynski, T., Solomon, S., & Greenberg, J. (2003). Terror management research: prejudice and self-esteem striving. In *The wake of 9/11: The psychology of terror* (pp. 71–92). Washington, DC: American Psychological Association.
- Pyszczynski, T., Solomon, S., & Greenberg, J. (2015). Thirty years of Terror Management Theory: From genesis to revelation. In *Advances in experimental social psychology* (Vol. 52, pp. 1–70). San Diego, CA: Academic Press Inc. doi:10.1016/bs.aesp.2015.03.001
- Rossiyanе o pomoshchi neizlechimo bol'nym [Russians about help for terminally ill people]. (2018, June 15). Retrieved from <https://www.levada.ru/2018/06/15/rossiyanе-o-pomoshhi-neizlechimo-bol'nym/> (in Russian)
- Rothschild, Z., Abdollahi, A., & Pyszczynski, T. (2009). Does peace have a prayer? The effect of mortality salience, compassionate values and religious fundamentalism on hostility toward out-groups. *Journal of Experimental Social Psychology*, 45(4), 816–827. doi:10.1016/j.jesp.2009.05.016
- Solomon, S., Greenberg, J., & Pyszczynski, T. (1991). A Terror Management Theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews. In *Advances in experimental social psychology* (Vol. 24, pp. 93–159). San Diego, CA: Academic Press. doi:10.1016/S0065-2601(08)60328
- Stephan, W. G., Ybarra, O., Martinez, C., Schwarzwald, J., & Tur-Kaspa, M. (1998). Prejudice toward immigrants to Spain and Israel: An integrated threat theory analysis. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 29(4), 559–576. doi:10.1177/0022022198294004
- Watson, D., Clark, L. A., & Tellegen, A. (1988). Positive and negative affect schedule (PANAS). *Journal of Personality and Social Psychology*, 54(1), 1063–1070. doi:10.1037/t03592-000
- Weise, D. R., Arciszewski, T., Verliac, J.-F., Pyszczynski, T., & Greenberg, J. (2012). Terror management and attitudes toward immigrants differential effects of mortality salience for low and high right-wing authoritarians. *European Psychologist*, 17(1), 63–72. doi:10.1027/1016-9040/a000056

Irina S. Prusova — PhD student in Psychology, National Research University Higher School of Economics.

Research Area: psychology of intergroup relations.

E-mail: iprusova@hse.ru

Olga A. Gulevich — Professor, Psychology Department, National Research University Higher School of Economics, DSc in Social Psychology.

Research Area: psychology of intergroup relations, political psychology.

E-mail: o.gulevich@hse.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОДАРЕННОСТИ И ЕЕ ДЕТЕРМИНАЦИЯ МОТИВАЦИЕЙ УСПЕХА И РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНЬЮ СВОБОДЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.Н. СОБОЛЕВА^а

^а *Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 680021, Россия, Хабаровск, ул. Серышева, д. 47*

Резюме

Статья посвящена малоизученной проблеме формирования одаренности в условиях различной степени свободы в деятельности; определяется, какое влияние на это формирование оказывает низкая или высокая мотивация успеха, присущая субъекту. Выявлены и описаны три степени свободы в деятельности: низкая степень свободы обусловлена нормативным способом действия; средняя степень свободы обусловлена скомбинированным способом действия, из имеющихся в опыте субъекта и нормативных инструкциях; высокая степень свободы обусловлена созданием нового способа действия. Основная задача исследования состоит в раскрытии того, как условия различной степени свободы в деятельности преломляются во внутренних условиях, в качестве которых выступают низкая и высокая мотивация успеха и различные структуры одаренности. Исследование проводилось на выборке из 54 квалифицированных машинистов железнодорожного транспорта с использованием специализированного тренажера, позволяющего имитировать три степени свободы в деятельности. Психологический анализ деятельности позволил выявить семь способностей, обеспечивающих реализацию деятельности. На основе эмпирических данных показано, что низкая, средняя и высокая степень свободы в деятельности проявляются в различной мере продуктивности деятельности. Низкая и высокая мотивация успеха субъекта в условиях свободы выбора в деятельности не оказывает существенного влияния на продуктивность деятельности. В зависимости от низкой и высокой мотивации успеха формируются различные по составу и мере интеграции структуры одаренности в условиях различной степени свободы в деятельности. С одной стороны, низкая и высокая мотивации успеха выступают в качестве внутренних детерминант, с другой стороны, низкая, средняя и высокая степень свободы в деятельности выступают в качестве внешних детерминант формирования различных структур одаренности.

Ключевые слова: свобода в профессиональной деятельности, нормативный способ действия, мотивация успеха, структура одаренности.

Постановка проблемы

Проблема формирования профессиональной одаренности в детерминации мотивацией успеха под влиянием различной степени свободы в деятельности представляется сложной и малоизученной. Сложность состоит, во-первых, в неоднозначном понимании одаренности и ее состава разными авторами,

во-вторых, одаренность мало изучена в аспекте профессиональной деятельности, в-третьих, не изучены проявления свободы в профессиональной деятельности.

Зарубежные психологи переводят одаренность в сферу интеллекта, общих и специальных способностей, творческой активности и проблем личности в целом. Такое понимание одаренности привело к развитию преимущественно многофакторных концепций в русле психометрического, измерительного подхода. Однако понимания сущности одаренности не предлагается, в ее исследовании обнаруживается отрыв от деятельности. Внедеятельностный подход к проблеме одаренности приводит к узости теоретических и методологических оснований ее изучения, а также упрощает получение результатов и их интерпретацию.

Преимущество отечественной психологии состоит в исследовании одаренности с позиции деятельностного подхода, в аспекте которого возникло представление о формировании и развитии одаренности в деятельности.

Мультипликативная модель одаренности Д.В. Ушакова (2011), эконихологическая модель одаренности В.И. Панова (2005), модель художественной одаренности А.А. Мелик-Пашаева (1981), модель проблемного обучения и одаренности А.М. Матюшкина (2003), динамическая модель одаренности Ю.Д. Бабаевой (1997) и др. составляют основу современной отечественной теории одаренности. Ученые стремятся выявить компонентный состав одаренности через сложную систему взаимосвязей интеллекта, способностей, мотивации, личностного смысла с окружающей и образовательной средой, деятельностью и жизненным путем личности.

Проблема системности одаренности решается в «Рабочей концепции одаренности» (авторы: Ю.Д. Бабаева, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, В.Н. Дружинин, И.И. Ильясов, И.В. Калищ, Н.С. Лейтес, А.М. Матюшкин, А.А. Мелик-Пашаев, В.И. Панов, Д.В. Ушаков, М.А. Холодная, В.Д. Шадриков, Н.Б. Шумакова, В.С. Юркевич). Научный коллектив рассматривает одаренность как системное свойство, которое развивается в течение жизни, является качеством психики. Одаренность определяет возможность достижения человеком более высоких, незаурядных результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми. Классификация одаренности по критерию «вид деятельности и обеспечивающие ее сферы психики» является перспективной в направлении решения проблемы соотношения одаренности и отдельных способностей, понимания творческой одаренности как особого вида (Богоявленская, Шадриков, 1998).

Обозначенная проблема соотношения одаренности и отдельных способностей является ключевой для понимания сущности одаренности.

К настоящему времени в исследованиях проблемы одаренности не сложилось единого понимания ее структуры, определения ее сущности.

Б.М. Теплов первым обозначил понимание одаренности как качественное сочетание способностей в отношении конкретного вида деятельности (Теплов, 1985).

В.Д. Шадриков в теории способностей и деятельности предлагает понимание одаренности как системного взаимодействия способностей, направленного на получение желательного результата, выступающего как качественное новообразование субъекта деятельности, имеющего индивидуальную меру выраженности и развивающегося в деятельности и в жизнедеятельности (Шадриков, 2019, с. 211).

Понимание одаренности заключено в определении сущности способностей. Если рассматривать понятие одаренности в отрыве от способностей, то теория и практика упускают из вида источник происхождения и развития одаренности, что делает затруднительным ее качественный анализ.

Понятие «способности» используется достаточно широко и наполняется различным, специфичным содержанием. Однако до сих пор нет его общепринятого определения.

В отечественной психологии к проблеме определения понятия способностей обращался Б.М. Теплов. Он выделил четыре признака, входящие в понятие «способности»: 1) это свойство, которое имеет отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности или многих деятельностей; 2) это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; 3) понятие «способность» не сводится к тем знаниям, навыкам или умениям, которые уже выработаны у данного человека; 4) способности по существу дела не могут быть врожденными (Теплов, 1985, с. 20). Вместе с этим он ставил задачу выяснения приблизительной формы и содержания понятия способностей (Там же, с. 15).

Развитие психофизиологического подхода к проблеме способностей в работах Э.А. Голубевой, Е.П. Ильина, К.К. Платонова и др. способствовало укреплению позиции, в соответствии с которой под способностями можно понимать познавательные процессы, такие как память, мышление, интеллект, а также общие свойства нервной системы, но авторы не определяют, каким образом осуществляется переход от памяти, мышления к способности. Вместе с этим сформировалось устойчивое представление о развитии способностей в личностно-деятельностной детерминации, которое получило свое дальнейшее развитие (Голубева, 2005; Ильин, 2004; Платонов, 1972; Богоявленская, 2009).

Д.Б. Богоявленская считает интеллектуальную активность единицей анализа творчества в деятельности. Основная идея развития творческих способностей заключается в формировании способности к саморазвитию деятельности как свойства целостной личности, отражающего взаимодействие когнитивной и аффективной сфер (Богоявленская, 2009).

В.Н. Дружинин, М.А. Холодная, А.В. Карпов экспериментально доказывают, что к общим способностям можно отнести интеллект, обучаемость, креативность, познавательные стили и рефлексивность (Дружинин, 2008; Карпов, 2004; Холодная, 2002).

Благодаря работам В.А. Толочка, В.И. Панова, А.Н. Воронина формируется представление о профессиональных способностях как сложных системных образованиях, опосредованных не только деятельностью и личностной

организацией, но и явлениями, характерными для общества (Воронин, 2011; Панов, 2011; Толочек, 2011).

Таким образом, накоплен большой материал экспериментальных исследований способностей, однако проблема сущности этого явления не решена. Проблема сущности способностей связана с проблемой сущности одаренности.

В.Д. Шадриков впервые раскрывает понятие способностей и обращается к психической функции. Способности рассматриваются как свойства функциональных систем, реализующих познавательные и психомоторные функции, имеющие индивидуальную меру выраженности и проявляющиеся в успешности и качественном своеобразии освоения и реализации деятельности (Шадриков, 2019, с. 102).

Е.П. Ильин разделяет точку зрения о том, что способности следует рассматривать как свойства функциональных систем, реализующих отдельные психические функции. Он подчеркивает, что различия в степени проявления способностей составляют качественную характеристику у разных людей (Ильин, 2004).

Понимание способностей как свойств функциональных систем, реализующих познавательные и психомоторные функции, наполняет конкретным содержанием понимание одаренности как системного взаимодействия способностей, направленного на получение желательного результата, выступающего как качественное новообразование субъекта деятельности.

Рассматривая одаренность как качественное взаимодействие способностей, мы развиваем положение Б.М. Теплова и решаем проблему многокомпонентности одаренности, усматривая в ее структуре только способности. А такие образования, как мотивация, цели, личностные смыслы, личностные свойства, могут рассматриваться в качестве иных внутренних детерминант, оказывающих влияние на формирование и развитие одаренности. В качестве внешних детерминант могут выступать условия образовательной среды, требования деятельности и т.п.

Правомерно предположить, что плодотворное исследование проблемы одаренности возможно в аспекте понимания способностей и одаренности В.Д. Шадриковым, и мы будем придерживаться данного подхода в исследовании профессиональной одаренности.

Настоящее исследование посвящено проблеме профессиональной одаренности, т.е. системного взаимодействия способностей в целях конкретной деятельности, выступающего как системное качество субъекта деятельности, категория деятельности уточняется до конкретного вида профессиональной деятельности. Одаренность субъекта деятельности и есть профессиональная одаренность.

Изучение одаренности в профессиональной деятельности еще более сложно, если ее формирование исследуется под влиянием объективных условий и требований, заключающихся в своей основе нормативный способ действия и нормативный результат. А проявление одаренности, как правило, связывают с достижением субъектом выдающихся, творческих результатов. И здесь возникает

вопрос о правомерности использования понятия одаренности в отношении нормативной деятельности.

Однако большинство отечественных психологов современности признают, что одаренность развивается и формируется в деятельности, она не существует до деятельности. В связи с этим приобретает значение понимание свободы в профессиональной деятельности, а исследование формирования одаренности переводится в ее аспект.

В отечественной психологии деятельностный подход и теория субъекта деятельности глубоко и полно раскрывают проблему свободы выбора субъекта в деятельности.

С.Л. Рубинштейн, создавая теорию психологии субъекта деятельности, сформулировал положение о том, что все внешние воздействия преломляются внутренними условиями, таким образом, на первый план выступают внутренние условия как детерминанты психики, поведения и деятельности (Рубинштейн, 1973). Именно положение С.Л. Рубинштейна о приоритетности субъекта явилось фундаментальным в развитии теории свободы человека при осуществлении деятельности.

Большинством отечественных психологов современности свобода выбора понимается как личная инициатива субъекта, как возможность действовать по-своему, на свой страх и риск в условиях неопределенности и противоречий. Свобода выбора – это возможность самосовершенствоваться, находить новые способы решения противоречия между личностью и требованиями деятельности.

В качестве внутренних детерминант свободного выбора субъектом выделяют мотивы, цели, которые направляют и побуждают субъекта деятельности, а также способности, одаренность субъекта, обеспечивающие достижение результата. В качестве объективных детерминант выделяют требования конкретной профессиональной деятельности.

Свобода выбора выступает как взаимодействие внутренних и внешних детерминант, при котором субъект качественно изменяется сам и изменяется его деятельность, приобретая индивидуальное, творческое своеобразие.

Однако отметим, что психология субъекта деятельности на современном этапе не стала узловой в психологической науке. Методологическое положение С.Л. Рубинштейна о том, что все внешние воздействия преломляются во внутренних условиях, является основным в понимании свободы профессиональной деятельности, имеется ограниченный эмпирический материал, подтверждающий его.

Ярославской психологической школой деятельность изучается с позиции внутренних условий, но нет работ, показывающих, как будут изменяться внутренние условия субъекта, каким образом будут проявляться, структурироваться под влиянием конкретных требований деятельности.

Учитывая позицию В.Д. Шадрикова, опираясь на словарные толкования свободы, а также на теоретические представления о свободе в деятельности С.Л. Рубинштейна, мы придерживаемся следующего определения: *свобода в профессиональной деятельности* — это способность к определенному поведению

(действиям), которая, с одной стороны, определяется целями и мотивами субъекта деятельности, а с другой — объективными требованиями и условиями деятельности (Рубинштейн, 1973; Шадриков, 2019).

Под способностью субъекта действовать понимаются различные внутренние условия, в качестве которых могут выступать мотивация и одаренность человека. Формирование одаренности можно исследовать как динамичное объединение способностей в зависимости от мотивации субъекта в условиях свободы выбора в деятельности, обусловленной требованиями. Способности выступают в качестве механизма реализации деятельности. Способности вовлекаются в деятельность и системно взаимодействуют в соответствии с требованиями деятельности, таким образом формируется системное новообразование — одаренность (Шадриков, 2013, с. 109).

Однако возникает вопрос: каким образом может проявляться различная степень свободы в профессиональной деятельности?

Здесь вскрывается важный аспект: деятельность имеет ту или иную степень неопределенности объективных условий и требований. В основе объективной неопределенности лежат нормативные требования. Характер нормативных требований может усложняться в зависимости от конкретных объективных и субъективных факторов, оказывающих непосредственное влияние на деятельность. Изменение характера неопределенности существенно влияет на свободу выбора способа действия.

Степень свободы в профессиональной деятельности заключается в нормативном способе деятельности, который может реализовываться субъектом в его строгой нормативности, либо способ действия комбинируется из имеющихся в опыте и инструкциях, либо осуществляется кардинальное переструктурирование и создается новый способ действия (Абульханова, 1999; Карпов, 2004; Шадриков, 2013).

Три способа действия составляют базовое основание степени свободы в профессиональной деятельности: низкую, среднюю и высокую.

Выбор субъектом одного из трех способов деятельности, а следовательно, степени свободы в деятельности детерминируется, с одной стороны, мотивацией и структурой одаренности, с другой стороны, конкретными требованиями и условиями деятельности.

Мера активности и ответственности субъекта в условиях низкой, средней и высокой степени свободы является различной и напрямую определяется выбором способа действия. Ведущим фактором, определяющим выбор субъектом способа действия, возможно, будет уровень его квалификации.

Учитывая сказанное, мы будем придерживаться следующего определения *степени свободы в профессиональной деятельности*: это возможность субъекта реализовать инициативные действия в аспекте репродуктивной или продуктивной активности, направленной на выбор такого способа действия, который представляет для него наибольший личностный смысл под влиянием конкретных условий деятельности. Выбор способа деятельности субъектом осуществляется с ориентацией на основные параметры продуктивности деятельности, такие как производительность, надежность и качество.

Чем выше неопределенность условий и требований деятельности, тем выше степень объективной, внешней свободы и тем большей свободой выбора обладает субъект и реализует ее в принятии решений и действиях.

Согласно различной степени свободы в деятельности, обусловленной способом действия, изучение одаренности применимо как в отношении нормативного, так и необычного, творческого результата деятельности. Данный подход расширяет границы в применении понятия одаренности и ее исследованиях в отношении любой деятельности.

Одаренность является механизмом и внутренним условием реализации низкой, средней и высокой степени свободы в профессиональной деятельности. Назначение одаренности в структуре деятельности состоит в обеспечении субъекта необходимой информацией для достижения цели, которая формируется на основе актуальной потребности.

Формирование системы одаренности происходит как процесс взаимодействия входящих в нее познавательных и психомоторных способностей и установления связей между ними в соответствии с низкой, средней или высокой степенью свободы в деятельности, обусловленной требованиями. Результатом системного взаимодействия способностей выступает новое системное свойство одаренности.

В исследовании необходимо учитывать внутренние детерминанты, которые оказывают влияние на формирование одаренности в условиях различной степени свободы. Мотивация является тем внутренним условием, которое в индивидуальной мере и типе направленности способствует выбору способа действия в условиях различной степени свободы. В свою очередь, мотивация приводит к изменению способа действия, за которым стоит работа конкретной структуры одаренности в условиях различной степени свободы в деятельности.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что свобода в профессиональной деятельности детерминирована объективными требованиями деятельности, которые реализуются через различные внутренние условия, в качестве которых может выступать одаренность как системное взаимодействие способностей, а также мотивация субъекта деятельности. Реализация субъектом различной степени свободы в деятельности приводит к изменению целостной системы одаренности, что может проявиться в индивидуальной мере продуктивности деятельности.

Организация исследования и методы

В экспериментальном исследовании приняли участие 54 квалифицированных машиниста железнодорожного транспорта, которые были разделены на три группы по 18 человек: первую группу составили машинисты, реализующие поездку на тренажере в условиях низкой степени свободы в деятельности; вторую группу — машинисты, осуществляющие ту же деятельность в условиях средней степени свободы; третью группу — машинисты, осуществляющие ту же деятельность в условиях высокой степени свободы. Далее

участники каждой из трех групп были разделены на основании низкой и высокой мотивации успеха.

Сопоставление качественных характеристик трех групп производилось по следующим критериям: возраст, образование, стаж в должности машиниста, класс машиниста, наставничество в течение года, экспертность в течение года, участие в выявлении проектно-конструкторских недостатков при эксплуатации новой техники в течение пяти лет, участие в проектно-конструкторских разработках новой техники в течение пяти лет. Три группы достаточно однородны, являются репрезентативными, что позволяет экстраполировать полученные выводы на генеральную совокупность машинистов железнодорожного транспорта в РФ.

Исследование было проведено в три этапа.

На первом этапе был осуществлен психологический анализ деятельности машиниста, в результате которого выявлен состав профессиональной одаренности, включающий семь наименований способностей, а также была определена мотивация успеха как детерминанта формирования профессиональной одаренности. В таблице 1 представлены перечень способностей, мотивация успеха и методики их диагностики.

На втором этапе осуществлялась диагностика продуктивности под влиянием низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности на компьютерных тренажерных комплексах «Торвест-Видео» в моделях: «ВЛС-80», «Ярмак» (разработаны и изготовленные в ЗАО «Научно-производственный центр «СПЕКТР» г. Екатеринбурга, 2003). Исследование испытуемых проводилось индивидуально.

Согласно выявленным трем способам действия в условиях низкой, средней и высокой степени свободы, были разработаны и задавались конкретные технические параметры на компьютерных тренажерных комплексах, представленные в таблице 2.

На третьем этапе осуществлялась диагностика структуры одаренности, мотивации успеха (см. описание первого этапа). Индивидуальное обследование квалифицированных машинистов включало 8 методик и проводилось сразу после выполнения задания на тренажере.

Результаты

Математическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена, поскольку подавляющее большинство данных, полученных в экспериментальном исследовании, нормально не распределено. Различия между тремя независимыми выборками в мере продуктивности деятельности на тренажере определялись с помощью непараметрического критерия Крускала—Уоллеса. При обработке данных использовался пакет статистических программ — SPSS Statistica версия 17.0.

Наряду с этим использовались оригинальные разработки В.Д. Шадрикова, предложенные для оценки меры когерентности системы одаренности, а также

Таблица 1

Состав профессиональной одаренности и методики ее оценки

Состав профессиональной одаренности	Методики диагностики и субъективные опросники
1. Общие способности координации движений тела	Компьютерный стабилографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ “Ритм”», г. Таганрог): тест со ступенчатым отклонением в одном направлении с удержанием позы (разработчик – С.С. Слива и др., 2001)
2. Специальные способности координации движений тела	Компьютерный стабилографический метод с биологически обратной связью «Стабилан-01» (ЗАО «ОКБ “Ритм”», г. Таганрог): тест на оценку запаса устойчивости человека при отклонении вперед-назад, вправо-влево (разработчик – С.С. Слива и др., 2001)
3. Способности сенсомоторной реакции рук и глаз	Аппаратурная методика оценки времени сложной двигательной реакции рук и глаз (авторское право принадлежит компании ОАО «РЖД», ДВГУПС, 2004)
4. Способности переключения внимания	Аппаратурная методика определения скорости переключения внимания на красно-черных таблицах Шульте-Патонова (авторское право принадлежит ОАО РЖД, ДВГУПС, 2004)
5. Способности устойчивости внимания	Аппаратурная методика определения устойчивости внимания (авторское право принадлежит ОАО РЖД, ДВГУПС, 2004)
6. Способности мышления на уровне технического понимания	Тест «Механика» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
7. Способности мышления на уровне реконструкции технического образа	Тест «Сборка» (разработан Дж. Фланаганом и адаптирован В.А. Чикером, 2003)
Детерминанта формирования профессиональной одаренности	
Низкая и высокая мотивация успеха	Тест для оценки мотивационной направленности личности (разработан Дж. Кулем (1985) в модификации А.М. Боковикова, 1999)

характера структурной организации системы в рамках структурно-функционального подхода.

Методика расчета меры когерентности системы одаренности, согласно процедуре, состоит в следующем. За каждую корреляционную взаимосвязь начисляются баллы по следующему принципу: для $p \leq 0.001 = 4$ балла, для

Таблица 2

**Технические характеристики низкой, средней и высокой степени свободы
в деятельности на компьютерных тренажерных комплексах**

Критерии	Низкая степень свободы в деятельности	Средняя степень свободы в деятельности	Высокая степень свободы в деятельности
1. Профиль пути 24 км: спуски и подъемы, кривые	– от 0.0 до 4‰; – нет кривых	– от 0.0 до 7‰; – кривая большого радиуса	– от 0.0 до 12‰; – кривая малого радиуса
2. Условия деятельности	Порывистый ветер до 12 м/с на участке протяженностью 300 м	Плановые ремонтные работы на конкретном участке пути протяженностью 300 м	Неожиданное постепенное прибывание сточных вод и погружение рельс под воду на участке протяженностью 300 м
3. Способ действия	Нормативный способ действия	Комбинирование нормативных способов действия	Переструктурирование нормативных способов действия
4. Тип ситуации неисправности	При ведении электропоезда загорается сигнальная лампа ЗБ (зарядка батареей), нет зарядки аккумуляторных батареей	При ведении электропоезда прекратилась работа вспомогательных машин	При ведении электропоезда происходит отключение главного выключателя в обеих секциях

Примечание. Ситуации неисправности под влиянием высокой степени свободы в деятельности подбирались на основе малой вероятности характерных причин неисправности и редкости их встречаемости в работе машиниста.

$p \leq 0.01 = 3$ балла, для $p \leq 0.05 = 2$ балла, для $p \leq 0.1 = 1$ балл. Количество баллов суммируется. Полученная сумма отражает величину индекса когерентности системы одаренности. Чем выше индекс когерентности системы, тем более интегрированной и целостной является система одаренности (Шадриков, 2013, с. 403).

Рассмотрим результаты продуктивности деятельности в условиях различной степени свободы в группах с низкой и высокой мотивацией успеха.

Из приведенных в таблице 3 данных следует, что успешность деятельности по преимущественному числу показателей продуктивности отчетливо различается между тремя группами с низкой мотивацией успеха, выполняющих деятельность в условиях различной степени свободы.

Получены статистически значимые различия между тремя группами с низкой мотивацией успеха по показателям «продолжительность поездки», «время устранения ситуации неисправности», «уровень управления автотормоза-

Таблица 3

Различия по показателям продуктивности деятельности под влиянием низкой, средней и высокой степени свободы на компьютерном тренажере в группах с низкой мотивацией успеха (критерий Крускала–Уоллеса)

Степень свободы в деятельности / группы		Низкая степень свободы в деятельности		Средняя степень свободы в деятельности		Высокая степень свободы в деятельности		Н _{эмп} Крускала–Уоллеса
Показатели продуктивности деятельности на компьютерном тренажере		Первая группа с НИЗ МОТ, n = 9		Вторая группа с НИЗ МОТ, n = 9		Третья группа с НИЗ МОТ, n = 9		
		X _{ср}	∑	X _{ср}	σ	X _{ср}	σ	
Производительность	1. Продолжительность поездки, сек	2720	626.3	6119	1602.9	6331.3	1111.8	15.766
Надежность	2. Время устранения ситуации неисправности, сек	317.4	160.1	581.1	173.4	720.4	232.4	12.592
	3. Количество нарушений безопасности движения поезда	2.2	1.9	4.6	2.8	4.5	3.04	4.308
Качество	4. Уровень управления автотормозами	2.7	0.4	1.8	0.7	2.5	0.5	7.245

Примечание. НИЗ МОТ – низкая мотивация успеха. Уровень управления автотормозами: 3 – высокий, 2 – средний, 1 – низкий. Полу жирным шрифтом выделены эмпирические значения N_{эмп} Крускала–Уоллеса, попавшие в зону значимости. Критерий Крускала–Уоллеса: N_{кр} = 5.991 для p ≤ 0.05; N_{кр} = 9.210 для p ≤ 0.01 при v = 2.

ми» в пользу первой группы, осуществляющей деятельность в условиях низкой степени свободы (таблица 3). Однако самый низкий уровень управления автотормозами оказался в условиях средней степени свободы в деятельности. Кроме того, в условиях низкой и высокой степени свободы в деятельности уровень управления автотормозами практически идентичен.

Таким образом, чем выше степень свободы в деятельности, тем ниже производительность и надежность, а качество деятельности снижается от низкой к средней степени свободы и повышается от средней к высокой степени свободы в деятельности.

Получены статистически значимые различия между тремя группами с высокой мотивацией успеха по показателям «продолжительность поездки», «время устранения ситуации неисправности», «количество нарушений безопасности движения поезда» в пользу первой группы, осуществляющей деятельность в условиях низкой степени свободы. Однако минимальное количество нарушений безопасности имеется в группе, выполняющей деятельность в условиях средней степени свободы (таблица 4).

Таким образом, чем выше степень свободы в деятельности, тем ниже производительность и надежность деятельности в группах с высокой мотивацией успеха. Качество деятельности остается стабильно выполняемым субъектом вне зависимости от степени свободы в деятельности.

Рассмотрим полученные корреляционные структуры одаренности в условиях различной степени свободы в группах с низкой и высокой мотивацией успеха.

Сопоставление структур одаренности, изображенных на рисунке 1, позволяет отметить, что под влиянием низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности имеется различный состав способностей в структурах и характер корреляционных связей между ними в группах с низкой и высокой мотивацией успеха.

В группе с высокой мотивацией успеха в условиях низкой степени свободы в деятельности структура одаренности вообще не сформировалась.

В целом в группах с низкой и высокой мотивацией успеха можно отметить, что увеличивается компонентный состав в структуре, идет нарастание корре-

Таблица 4

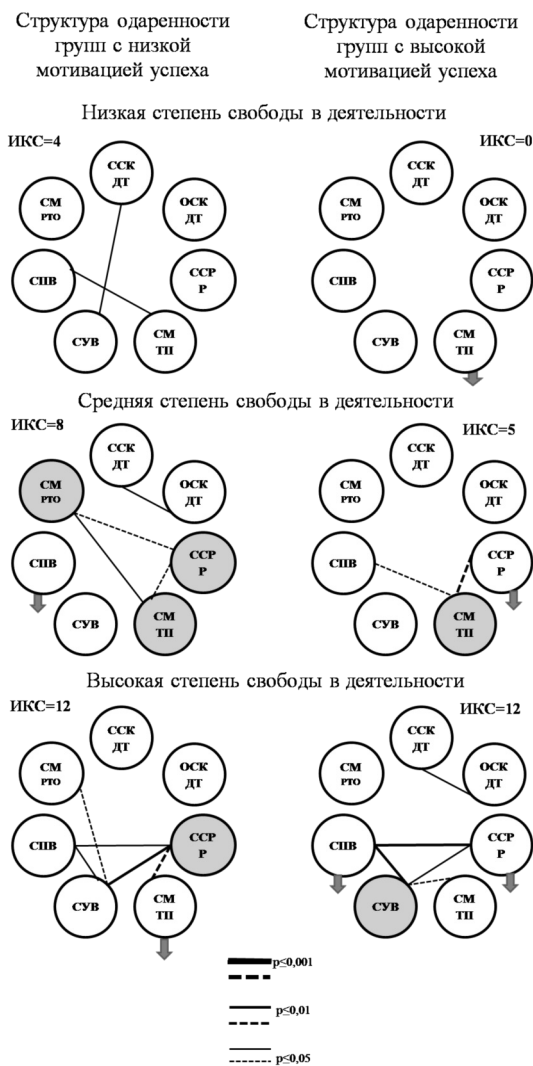
Различия по показателям продуктивности деятельности под влиянием низкой, средней и высокой степени свободы на компьютерном тренажере в группах с высокой мотивацией успеха (критерий Крускала–Уоллеса)

Степень свободы в деятельности / группы		Низкая степень свободы в деятельности		Средняя степень свободы в деятельности		Высокая степень свободы в деятельности		Н _{эмп} Крускала–Уоллеса
Показатели продуктивности деятельности на компьютерном тренажере		Первая группа с ВЫС МОТ, n = 9		Вторая группа с ВЫС МОТ, n = 9		Третья группа с ВЫС МОТ, n = 9		
		X _{ср}	∑	X _{ср}	σ	X _{ср}	σ	
Производительность	1. Продолжительность поездки, сек	2843	472.2	4653.6	1178.1	6142.4	1003.4	17.278
Надежность	2. Время устранения ситуации неисправности, сек	403.2	147.8	560.1	187.7	711.8	136.8	10.385
	3. Количество нарушений безопасности движения поезда	3	1.6	1.4	1.6	4.7	2.3	9.328
Качество	4. Уровень управления автотормозами	2.2	0.6	2.6	0.5	2.6	0.7	3.422

Примечание. ВЫС МОТ – высокая мотивация успеха. Уровень управления автотормозами: 3 – высокий, 2 – средний, 1 – низкий. Полужирным шрифтом выделены эмпирические значения N_{эмп} Крускала–Уоллеса, попавшие в зону значимости. Критерий Крускала–Уоллеса: N_{кр} = 5.991 для p ≤ 0.05; N_{кр} = 9.210 для p ≤ 0.01 при v = 2.

Рисунок 1

Структура одаренности в условиях низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности групп с низкой и высокой мотивацией успеха

Примечание. ИКС – индекс когерентности системы. ОСКДТ – общие способности координации движений тела, ССКДТ – специальные способности координации движений тела, ССРР – способности сенсомоторной реакции рук и глаз, СПВ – способности переключения внимания, СУВ – способности устойчивости внимания, СМТП – способности мышления на уровне технического понимания, СМРТО – способности мышления на уровне реконструкции технических образов. Затемненные кружки указывают на базовые способности в структуре одаренности. Широкие стрелки от способностей указывают на то, что они являются ведущими в системе одаренности.

ляционных связей в структуре одаренности от низкой к средней и высокой степени свободы в деятельности (рисунок 1).

Структура связей в одаренности с точки зрения ее представленности в отношении условий низкой, средней и высокой степени свободы имеет следующие характерные особенности: 1) имеются индивидуальные положительные связи в структурах; 2) имеются индивидуальные отрицательные связи в структурах; 3) имеются сходные положительные связи, но различной меры тесноты; 4) имеются сходные отрицательные связи, но различной меры тесноты (рисунок 1).

Примечательно, что во всех структурах одаренности вовлечены способности, относимые к группам сенсомоторных, аттенционных и мыслительных способностей.

Самыми структурированными и целостными системами одаренности являются системы в зависимости от низкой (ИКС=12) и высокой мотивации успеха (ИКС=12), сформированные в условиях высокой степени свободы в деятельности. Данные системы одаренности обеспечивают процесс разработки нового способа действия. Примечательным для данных систем одаренности является одинаковая мера интеграции, но различный состав и характер корреляционных связей (рисунок 1).

В качестве базовых выступают различные способности в системах одаренности. Однако под влиянием низкой степени свободы в системах одаренности не проявилось базовых способностей в группах с низкой и высокой мотивацией успеха (рисунок 1).

Базовыми являются такие способности, которые имеют наибольшее число значимых корреляционных связей с другими компонентами системы одаренности. Базовые способности играют интегрирующую роль в системе одаренности и являются основой для установления компенсаторных функциональных связей между ее компонентами (Шадриков, 2013).

В условиях средней степени свободы в деятельности к базовым относятся следующие способности:

- сенсомоторной реакции рук и глаз, мышления на уровне технического понимания и на уровне реконструкции технического образа в группе с низкой мотивацией успеха;
- мышления на уровне технического понимания в группе с высокой мотивацией успеха.

В условиях высокой степени свободы в деятельности к базовым относятся следующие способности:

- сенсомоторной реакции рук и глаз в группе с низкой мотивацией успеха;
- устойчивости внимания в группе с высокой мотивацией успеха (рисунок 1).

Выявлены различные ведущие способности, которые имеют наибольшее количество значимых корреляционных связей с показателями продуктивности деятельности. Ведущие способности непосредственно оказывают влияние на продуктивность деятельности (Там же). Однако в группе с низкой мотивацией успеха в структуре одаренности вообще не проявилось ведущих способностей в условиях низкой степени свободы в деятельности.

В условиях низкой степени свободы в деятельности к ведущим относится способность:

– мышления на уровне технического понимания в группе с высокой мотивацией успеха.

В условиях средней степени свободы в деятельности к ведущим относятся следующие способности:

– переключения внимания в группе с низкой мотивацией успеха;

– сенсомоторной реакции рук и глаз в группе с высокой мотивацией успеха.

В условиях высокой степени свободы в деятельности к ведущим относятся следующие способности:

– мышления на уровне технического понимания в группе с низкой мотивацией успеха;

– сенсомоторной реакции рук и глаз, переключения внимания в группе с высокой мотивацией успеха.

Обсуждение

Полученные результаты показывают, что низкая, средняя и высокая степени свободы в деятельности обуславливают конкретные способы действия. Низкая, средняя и высокая степени свободы в деятельности проявляются в различной мере производительности, надежности и качества деятельности.

В зависимости от низкой мотивации успеха производительность, надежность и качество деятельности снижаются с повышением степени свободы в деятельности. В зависимости от высокой мотивации успеха производительность и надежность снижаются, а качество деятельности остается неизменным с повышением степени свободы в деятельности (см. таблицы 3 и 4).

Профессиональная одаренность, рассматриваемая на уровне отдельных функциональных систем, реализующих соответствующие сенсомоторные, аттенционные и мыслительные способности, представляет собой целостное структурное образование. Соответственно, в условиях низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности одаренность может быть рассмотрена как самостоятельная система, свойства которой не сводятся к набору свойств входящих в нее компонентов, во многом они обусловлены спецификой установившихся между данными компонентами взаимосвязей и структурных отношений.

В зависимости от низкой и высокой мотивации успеха формируются различные по составу и мере интеграции структуры одаренности в условиях низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности. Высокими функциональными возможностями обладает система одаренности, сформированная в условиях высокой степени свободы в деятельности, причем как в зависимости от низкой, так и от высокой мотивации успеха. В этой связи отметим, что, скорее всего, большую роль в интеграции системы одаренности играет высокая степень свободы в деятельности, чем низкая и высокая мотивация успеха (см. рисунок 1).

Между тем имеется исключение: в зависимости от высокой мотивации успеха структура одаренности вообще не сформировалась под влиянием низкой степени свободы в деятельности (см. рисунок 1). В данном случае возможно, что высокая мотивация успеха, присущая субъектам, компенсирует функционирование системы одаренности и тем самым обеспечивает реализацию нормативного способа действия. Результаты исследования трудовой деятельности не противоречат данному предположению. Достижения в профессиональной деятельности являются производными от функции мотивационных влияний и способностей человека, а отправной точкой выступает свобода выбора решения субъектом (Poulton, 1970; Rockwell, 1972). В работах Е.П. Ильина, Х. Хекхаузена отмечается, что сила мотивации субъекта в успешном решении трудовых задач может преодолеть недостатки в знаниях и способностях (Ильин, 2004; Хекхаузен, 2003).

Формирование структур одаренности в детерминации различными внешними и внутренними условиями подчиняется системогенетическим закономерностям неравномерности и достаточности. Взаимодействие между способностями в системах одаренности в детерминации различными внешними и внутренними условиями носит линейный и нелинейный характер. Нелинейная зависимость между способностями обусловлена оптимальным уровнем их проявления в структуре, который оказывается различным и достаточным для обеспечения низкой, средней и высокой степени свободы в деятельности. Исключение составляет структура одаренности, сформированная в зависимости от низкой мотивации успеха под влиянием низкой степени свободы в деятельности, где имеются положительные линейные связи и низкая мера интеграции (см. рисунок 1).

Формирование структур одаренности в детерминации низкой и высокой мотивацией успеха происходит как процесс смены различных базовых и ведущих способностей в условиях различной степени свободы в деятельности. Исключение составляет структура одаренности в зависимости от низкой мотивации успеха, в которой базовых и ведущих способностей не проявилось под влиянием низкой степени свободы в деятельности (см. рисунок 1).

Выводы

Проведенное экспериментальное исследование позволило нам проработать теоретическое положение С.Л. Рубинштейна и получить подтверждение того, что свобода в профессиональной деятельности детерминирована объективными требованиями деятельности, которые реализуются через различные внутренние условия, в качестве которых выступают низкая и высокая мотивация успеха и одаренность как системное взаимодействие способностей субъекта.

Формирование системы одаренности происходит как процесс взаимодействия входящих в нее познавательных и психомоторных способностей и установления связей между ними в соответствии с низкой, средней или высокой степенью свободы в деятельности, обусловленной требованиями. Реализация

субъектом различной степени свободы в деятельности приводит к изменению целостной системы одаренности, что проявляется в индивидуальной мере продуктивности деятельности.

Одаренность в детерминации различными внешними и внутренними условиями обеспечивает как нормативный способ действия, так и его существенное переструктурирование, поэтому правомерно применять понятие одаренности в отношении как нормативного результата, так и выдающегося, творческого результата деятельности.

Литература

- Абульханова, К. А. (1999). *Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды*. М./Воронеж: Московский психолого-социальный институт/НПО «МОДЭК», 1999.
- Бабаева, Ю. Д. (1997). Динамическая теория одаренности. В кн. Д. Б. Богоявленская (ред.), *Основные современные концепции творчества и одаренности* (с. 275–294). М.: Молодая гвардия.
- Богоявленская, Д. Б. (2009). *Психология творческих способностей: Монография*. Самара: Издательский дом «Федоров».
- Богоявленская, Д. Б., Шадриков, В. Д. (ред.). (1998). *Рабочая концепция одаренности*. М.: Магистр.
- Воронин, А. Н. (2011). Психология способностей в условиях глобализации. В кн. В. А. Бодров, А. Л. Журавлев (ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики* (вып. 2, с. 243–267). М.: Институт психологии РАН.
- Голубева, Э. А. (2005). *Способности. Личность. Индивидуальность*. Дубна: Феникс, 2005.
- Дружинин, В. Н. (2008). *Психология общих способностей*. СПб.: Питер.
- Ильин, Е. П. (2004). *Психология индивидуальных различий*. СПб.: Питер.
- Карпов, А. В. (2004). *Метасистемная организация уровней структур психики*. М.: Институт психологии РАН.
- Матюшкин, А. М. (2003). *Мышление, обучение, творчество*. М./Воронеж: Московский психолого-социальный институт/НПО «МОДЭК».
- Мелик-Пашаев, А. А. (1981). *Педагогика искусства и творческие способности*. М.: Знание.
- Панов, В. И. (2005). *Одаренность и одаренные дети: Экспсихологический подход: Монография*. М.: РУДН.
- Панов, В. И. (2011). Одаренность и профессиональные способности. В кн. В. А. Бодров, А. Л. Журавлев (ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики* (вып. 2, с. 224–242). М.: Институт психологии РАН.
- Платонов, К. К. (1972). *Проблемы способностей*. М.: Наука.
- Рубинштейн, С. Л. (1973). *Человек и мир. Проблемы общей психологии*. М.: Педагогика.
- Теплов, Б. М. (1985). *Избранные труды: Т. 1. Способности и одаренность*. М.: Педагогика.
- Толочек, В. А. (2011). Профессиональные способности, потенциал и успешность субъекта: критический анализ проблемы и модели исследования. В кн. В. А. Бодров, А. Л. Журавлев (ред.), *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики* (вып. 2, с. 320–343). М.: Институт психологии РАН.

-
- Ушаков, Д. В. (2011). *Психология интеллекта и одаренности*. М.: Институт психологии РАН.
- Хекхаузен, Х. (2003). *Мотивация и деятельность*. СПб./М.: Питер/Смысл.
- Холодная, М. А. (2002). *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. СПб.: Питер.
- Шадриков, В. Д. (2013). *Психология деятельности человека*. М.: Институт психологии РАН.
- Шадриков, В. Д. (2019). *Способности и одаренность человека*. М.: Институт психологии РАН.

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе References после англоязычного блока.

Соболева Татьяна Николаевна — доцент, кафедра общей, юридической и инженерной психологии, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, кандидат психологических наук, доцент.

Сфера научных интересов: профессиональные способности, одаренность.

Контакты: t.n.s.25vivat@mail.ru

The Formation of Professional Talent and Its Determination by the Low and High Motivation for Success under the Influence of Different Degrees of Freedom in Activity

T.N. Soboleva^a

^aThe Far Eastern State Transport University, 47, Seryshev Str., Khabarovsk, 680021, Russian Federation

Abstract

This article is devoted to the poorly studied problem of the formation of professional talent in the conditions of different degrees of freedom in activity and the influence of a person's low or high motivation for success on this formation. Three degrees of freedom in activity have been identified and described: the low degree of freedom is due to the normative mode of action; the average degree of freedom is due to the combined mode of action from the subject's experience and regulatory instructions; and the high degree of freedom is due to the creation of a new mode of action. The main objective of the study is to describe how the conditions of different degrees of freedom in activity are refracted with internal conditions, which are low and high motivation for success, and various talent structures. The study was conducted on a sample of 54 qualified train drivers using a specialized simulator, which allows simulating three degrees of freedom in activity. The psychological analysis of activity revealed seven abilities ensuring the implementation of activity. Based on the empirical data, it is shown that low, medium, and high degrees of freedom in activity are manifested in different measures of productivity. Low and high motivation for a person's success in freedom of choice conditions in the activity does not influence the productivity of the activity. Along with this, depending on the low and high motivation for success, different structures of talent in terms of composition and degree of integration under the conditions of different degrees of freedom in the activity are formed. On the one hand, the low and high motivation for success acts as internal determinants, on the other hand, low, medium and high degrees of freedom in the activity act as external determinants for the formation of various talent structures.

Keywords: freedom in professional activity, normative mode of action, motivation for success, talent structure.

References

- Abul'khanova, K. A. (1999). *Psikhologiya i soznanie lichnosti (Problemy metodologii, teorii i issledovaniya real'noi lichnosti): Izbrannyye psikhologicheskie trudy* [Psychology and consciousness of personality (Problems of methodology, theory and study of real personality): Selected psychological works]. Moscow/Voronezh: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut/NPO "MODEK". (in Russian)
- Babaeva, Yu. D. (1997). Dinamicheskaya teoriya odarennosti [The dynamic theory of talent]. In D. B. Bogoyavlenskaya (Ed.), *Osnovnyye sovremennyye kontseptsii tvorchestva i odarennosti* [Basic modern concepts of creativity and talent] (pp. 275–294). Moscow: Molodaya gvardiya. (in Russian)

- Bogoyavlenskaya, D. B. (2009). *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostei* [The psychology of creativity]. Samara: Izdatel'skii dom "Fedorov". (in Russian)
- Bogoyavlenskaya, D. B., & Shadrikov, V. D. (Eds.). (1998). *Rabochaya kontsepsiya odarennosti* [The working concept of talent]. Moscow: Magistr. (in Russian)
- Druzhinin, V. N. (2008). *Psikhologiya obshchikh sposobnostei* [The psychology of general abilities]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Golubeva, E. A. (2005). *Sposobnosti. Lichnost'. Individual'nost'* [Abilities. Personality. Individuality]. Dubna: Feniks. (in Russian)
- Heckhausen, H. (2003). *Motivatsiya i deyatel'nost'* [Motivation and activity]. Saint Petersburg/Moscow: Piter/Smysl. (in Russian; transl. of: Heckhausen, H. (1980). *Motivation und Handeln. Lehrbuch der Motivationspsychologie*. Berlin: Springer. (in Deutsch))
- Il'in, E. P. (2004). *Psikhologiya individual'nykh razlichii* [The psychology of individual differences]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Karpov, A. V. (2004). *Metasistemnaya organizatsiya urovnevykh struktur psikhiki* [Metasystem organization of level structures of the mind]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Kholodnaya, M. A. (2002). *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya* [The psychology of intelligence. Research paradoxes]. Saint Petersburg: Piter. (in Russian)
- Matyushkin, A. M. (2003). *Myshlenie, obuchenie, tvorchestvo* [Thinking, learning, creativity]. Moscow/Voronezh: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut/NPO "MODEK". (in Russian)
- Melik-Pashaev, A. A. (1981). *Pedagogika iskusstva i tvorcheskije sposobnosti* [Pedagogy of art and creative abilities]. Moscow: Znanie. (in Russian)
- Panov, V. I. (2005). *Odarennost' i odarennye deti: Ekopsikhologicheskii podkhod* [Giftedness and gifted children: Ecopsychological approach]. Moscow: RUDN University. (in Russian)
- Panov, V. I. (2011). Odarennost' i professional'nye sposobnosti [Talent and professional abilities]. In V. A. Bodrov & A. L. Zhuravlev (Eds.), *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki* [Topical issues of labor psychology, engineering psychology and ergonomics] (Iss. 2, pp. 224–242). Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Platonov, K. K. (1972). *Problemy sposobnostei* [Ability problems]. Moscow: Nauka. (in Russian)
- Poulton, E. C. (1970). *Environment and human efficiency*. Springfield, IL: Charles C. Thomas.
- Rockwell, T. (1972). Skills, judgment and information acquisition in driving. In T. W. Forbes (Ed.), *Human factors in highway traffic safety research* (pp. 133–164). New York: Wiley.
- Rubinstein, S. L. (1973). *Chelovek i mir. Problemy obshchei psikhologii* [A person and the world. Issues of general psychology]. Moscow: Pedagogika. (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2013). *Psikhologiya deyatel'nosti cheloveka* [The psychology of human activity]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Shadrikov, V. D. (2019). *Sposobnosti i odarennost' cheloveka* [Human abilities and talent]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Teplov, B. M. (1985). *Izbrannye trudy* [Selected works]: Vol. 1. *Sposobnosti i odarennost'* [Abilities and talent]. Moscow: Pedagogika. (in Russian)
- Tolochek, V. A. (2011). Professional'nye sposobnosti, potentsial i uspeshnost' sub'ekta: kriticheskii analiz problemy i modeli issledovaniya [Professional abilities, potential and success of the subject: a critical analysis of the problem and the research model]. In V. A. Bodrov & A. L. Zhuravlev (Eds.), *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki* [Topical issues of labor psychology, engineering psychology and ergonomics] (Iss. 2, pp. 320–343). Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)

- Ushakov, D. V. (2011). *Psikhologiya intellekta i odarennosti* [The psychology of intelligence and talent]. Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Voronin, A. N. (2011). Psikhologiya sposobnosti v usloviyakh globalizatsii [Psychology of abilities in the context of globalization]. In V. A. Bodrov & A. L. Zhuravlev (Eds.), *Aktual'nye problemy psikhologii truda, inzhenernoi psikhologii i ergonomiki* [Topical issues of labor psychology, engineering psychology and ergonomics] (Iss. 2, pp. 243–267). Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)

Soboleva Tatyana Nikolaevna — Associate Professor, General, Legal and Engineering Psychology Department, The Far Eastern State Transport University, PhD in Psychology, Associate Professor.

Research Area: professional abilities, talent.

Email: t.n.s.25vivat@mail.ru

ВЕРА В СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР, МУЖСКИЕ НОРМАТИВНЫЕ УСТАНОВКИ И АТРИБУЦИЯ ВИНЫ ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Е.В. УЛЫБИНА^а

^а *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82–84*

Резюме

Работа посвящена эмпирическому изучению веры в справедливый мир (ВСМ), принятия мужских нормативных установок (МНУ) и оценки окружающими, мужчинами и женщинами, атрибуции вины жертвам изнасилования. В исследовании участвовали 1038 респондентов в возрасте от 18 до 70 лет (630 женщин), заполнявших анкету онлайн. Анкета включала опросник МНУ (Клецина, Иоффе, 2013), опросник ВСМ (Нартова-Бочавер и др., 2013), позволяющий измерить уровень веры в справедливость мира для всех (ВСМобщ) и уровень веры в справедливость мира для себя (ВСМличн), а также виньетку, содержащую рассказ о преступлениях равной тяжести, половом (изнасиловании) либо неполовом (разбое), жертвой во всех случаях была девушка, преступником – мужчина. Результаты показали, что и мужчины, и женщины приписывают жертвам полового и неполового преступления равную вину, оценка вины прямо связана с МНУ, ВСМобщ и ожидаемым обвинением со стороны окружающих. Согласно результатам регрессионного анализа, уровень атрибуции вины жертве во всех случаях связан с уровнем принятия МНУ и ожидаемого отношения, и только в подвыборке мужчин в атрибуцию вины жертве изнасилования вносит вклад с наименьшей значимостью уровень ВСМобщ. И принятие МНУ, и ожидаемое обвинение со стороны других отражают представление о существующей социальной реальности, а ВСМобщ характеризует субъективную оценку справедливости этой социальной реальности. Таким образом, большая детерминированность оценки вины жертвы уровнем МНУ и ожидаемого обвинения, чем ВСМобщ, позволяет говорить о стремлении респондентов скорее избежать противоречий с социальной реальностью, чем сохранить оценку реальности как справедливой.

Ключевые слова: вера в справедливый мир, мужские нормативные установки, атрибуция вины жертве преступления, ожидаемое отношение к жертве.

Выявление факторов, оказывающих влияние на отношение к жертвам преступлений, имеет высокую значимость, определяемую возможностью использования их как для предотвращения преступлений, так и для защиты жертвы от потенциального негативного отношения и обвинений, усугубляющих вред, уже причиненный преступником. Особую остроту эта проблема приобретает, когда речь идет о жертвах изнасилований. Изнасилования обладают высокой

латентностью, порядка 87–90% (Горбачев, 2016, с. 66), в частности, потому что жертвы боятся огласки и неизбежного, по их мнению, негативного отношения окружающих. По словам юриста М. Давтян, «стать жертвой сексуального насилия — это большой позор. ...Быть насильником сегодня не так позорно, как быть изнасилованной» (Меркурьева, 2015). Существующие негативные установки по отношению к жертвам изнасилования определяют актуальность вопроса о связи ожидаемого со стороны окружающих обвинения жертвы с собственным отношением к ней и вклада ожидаемого отношения среди других факторов, связанных с обвинением жертвы.

Феномен обвинения жертв изнасилования был и остается предметом множества исследований (см.: Grubb, Harrower, 2008; Grubb, Turner, 2012). При этом характеристики жертвы, влияющие на обвинение (внешний вид, поведение, социальный статус, собственный опыт переживания насилия и др.), изучены достаточно подробно, в то время как характеристики наблюдателей — тех, кто оценивает вину жертвы со стороны, — изучены меньше (van der Bruggen, Grubb, 2014).

Травматичность существующего в обществе отношения к жертвам изнасилования делает особенно актуальным вопрос о том, отражает ли обвинение жертвы преимущественно потребность сохранить непротиворечивый субъективный образ справедливого мира (ВСМ) или же стремление избежать противоречий с мнением большинства. Вопрос об относительной значимости этих факторов представляет интерес как в связи с пониманием природы негативного отношения к жертве, так и в связи с определением направления работы по коррекции отношения к жертвам.

Вера в справедливый мир

Вера в справедливый мир (ВСМ) «представляет собой общую мировоззренческую установку (часто называемую заблуждением или иллюзией), в соответствии с которой люди убеждены в том, что мир устроен упорядоченно и корректно, представляет собой такое место, где каждый человек, в конечном итоге, получает то, что заслуживает: и награды, и наказания» (Нартова-Бочавер, Астанина, 2014, с. 18). М. Лернер, обобщая результаты своих экспериментов (Lerner, 1977; Lerner, Miller, 1978), предположил, что тенденция наблюдателей оправдывать несправедливое распределение наград и наказаний, приписывая заслуги награжденным и обвиняя наказанных, связана со стремлением сохранить образ справедливого мира, в котором с хорошими людьми ничего плохого случиться не может, а несчастья — это следствие собственных ошибок или плохих дел. Эта иллюзия дает адаптивные преимущества и является неотъемлемой частью нормального развития (Lerner, 1977). ВСМ формируется на основе внутриспсихической потребности, связанной с инвестициями в долгосрочные цели, и опыта переживания несправедливости и под влиянием социального обучения (Hafer, Sutton, 2016).

После создания методики измерения индивидуальных различий в выраженности ВСМ (Rubin, Peplau, 1975) адаптивный характер веры в справедливость

был подтвержден. ВСМ способствует достижению отдаленных целей и смягчает действие стресса (Tomaka, Blascovich, 1994), связана с альтруизмом (Bierhoff et al., 1991; DePalma et al., 1999; Zuckerman, 1975), межличностным доверием (Bègue, 2002), доверием к государственным структурам (Zuckerman, Gerbasi, 1977). Люди, видящие мир как понятный и предсказуемый, доверяют миру и другим людям, оказывают помощь и рассчитывают на взаимность.

Но так как реальный мир сложнее, то страдания невинных жертв, особенно если они не могут быть легко смягчены (Rubin, Peplau, 1975), ставят под сомнение образ справедливого мира, и для того, чтобы его защитить, люди с высокими показателями ВСМ, считая, что каждый получает то, что заслужил, приписывают большую вину жертвам изнасилования (Pinciotti, Orcutt, 2017) и проявляют меньше сочувствия мигрантам (Dalbert, Yamauchi, 1994), инвалидам (Furnham, 1995), бездомным (Guzewicz, Takooshian, 1992), бедным (Smith, 1985) и другим людям, оказавшимся в неблагоприятных обстоятельствах (Furnham, 2003; Furnham, Procter, 1989; Rubin, Peplau, 1975).

Позже в качестве отдельных шкал были выделены вера в справедливость мира для себя лично (ВСМличн) и вера в справедливость мира для всех (ВСМобщ) (Dalbert, et al., 2001; Lipkus et al., 1996); хотя эти шкалы и коррелируют друг с другом, они выполняют разные функции. Психосоциальной адаптации людей способствует ВСМличн, связанная с положительным самовосприятием и продуктивными стратегиями преодоления стресса (Bègue, Bastounis, 2003; Lipkus et al., 1996; Dalbert, 1999), со способностью прощать себя и других (Strelan, 2007), помогать малоимущим (Bègue et al., 2008). А ВСМобщ положительно связана с более строгим отношением к нарушителям (Bègue, Bastounis, 2003), с негативным отношением к пожилым и бедным (Sutton, Douglas, 2005; Bègue, Bastounis, 2003) и отрицательно связана с благотворительностью (Bègue et al., 2008), так как справедливый в целом мир не предполагает незаслуженных страданий, а значит, во всех бедах виноваты сами пострадавшие.

Однако, как показывают исследования, ВСМ не может сама по себе объяснить отношение к жертве изнасилования (van der Bruggen, Grubb, 2014), это не единственный и даже не всегда самый значимый фактор, вносящий вклад в обвинение. Так, например, уровень консерватизма и ориентация на социальное доминирование вносят больший вклад в обвинение жертвы изнасилования, чем ВСМ (Lambert, Raichle, 2000). Люди с консервативными взглядами, по мнению ряда авторов, склонны поддерживать традиционную систему межгендерного доминирования, и обвинение женщины как жертвы закрепляет право мужчин на реализацию власти.

Отношение к женщине как жертве

Многочисленные исследования показывают, что отношение к женщине, жертве изнасилования, во многом определяется гендерными стереотипами, так как ситуация затрагивает одновременно иллюзию правильности мироустройства вообще и представление о правильности традиционных межгендерных отношений. Традиционная культура, закрепляя гендерную иерархию, поддер-

живает и право мужчин на насилие, которое «опирается на патриархальные общественные ценности, подчеркивающие главенство сильного и подчинение слабого (особенно половым путем)» (Андронникова, 2015). Люди с традиционными взглядами на гендерные роли, как показывают имеющиеся данные (см.: Андронникова, 2015; Anderson et al., 1997; De Judicibus, McCabe, 2001; Grubb, Turner, 2012; Коерке et al., 2014; Murnen et al., 2002; Truman et al., 1996; Willis et al., 1996), в большей степени склонны оправдывать насилие в отношении женщин вообще и сексуальное насилие в частности, приписывать жертвам значительную вину за происшедшее. Сексуальное насилие по отношению к женщинам опосредовано ощущением «мужского права», чувства, что потребности мужчин имеют приоритет над потребностями женщин, а социальная роль мужчин позволяет ожидать от женщин удовлетворения их потребностей, включая сексуальные (Hill, Fischer, 2001). При этом традиционный взгляд на гендерные роли вносит большой вклад в приписывание вины жертве изнасилования, чем пол участников исследования (Sims et al., 2007), и женщины, разделяющие ценности гендерной иерархии, соглашались с правом мужчин проявлять насилие по отношению к женщинам. Чем выше уверенность в оправданности и справедливости гендерной иерархии, тем с большей вероятностью можно ожидать и оправдания насилия со стороны мужчин по отношению к женщинам (Hockett et al., 2009; Hockett et al., 2016). Это согласуется с исследованиями, показывающими прямую связь сексизма с принятием насилия по отношению к женщинам (Glick, Fiske, 1996; Russell, Trigg, 2004; Sakalli-Uğurlu, Glick, 2003).

Мужские нормативные установки

Степень согласия с гендерными стереотипами отражает, в частности, уровень принятия мужских нормативных установок (МНУ). Изучение МНУ берет начало в работах Э. Томпсона и Дж. Плека, которые в 1986 г. предложили опросник для измерения согласия с мужскими нормами — вариантом социальных норм, обобщающих существующие в культуре ожидания относительно поведения мужчин, предписывающих и запрещающих то, что мужчины должны чувствовать и делать (Thompson, Pleck, 1986). В предложенном ими подходе «маскулинность» рассматривается как социальный конструкт, при анализе которого внимание фокусируется на социальных факторах, определяющих содержание представлений о «настоящем мужчине», а формирование маскулинности происходит за счет социального научения при наблюдении за тем, что общество считает приемлемым или неприемлемым для мужчины (Mahalik et al., 2003).

Идеологии маскулинности достаточно разнообразны (см.: Levant, Richmond, 2008; Mahalik et al., 2003; Thompson, Bennett, 2015), можно говорить об общем ядре стандартов, связанных с традиционной мужской ролью (Pleck, 1995). Традиционная мужская нормативность предполагает антиженственность — стремление избежать сходства с женщиной, право мужчины на власть, склонность к риску и проявлению силы (Thompson, Pleck, 1986), она исключает гендерное равенство (Davis, Greenstein, 2009), в результате образ

традиционного «настоящего мужчины» строится на «мужской доминантности и оппозиции всему женскому» (Клецина, Иоффе, 2017, с. 32).

Содержание МНУ имплицитно допускает возможность насилия по отношению к женщинам, и, согласно обзору Т. Мура и Г. Стюарта (Moore, Stuart, 2005), показатели нормативности входят в число 4 из 10 рассмотренных авторами измерений маскулинности, обладающих средней или сильной вероятностью предсказания насилия по отношению к женщинам со стороны интимных партнеров.

Взаимодействие ВСМ и гендерных стереотипов при оценке вины жертвы

Анализ взаимодействия вкладов ВСМ и гендерных стереотипов при оценке вины жертвы изнасилования показывает, что оценка виновности жертвы полового преступления осуществляется, прежде всего, с гендерных позиций, а вклад ВСМ либо меньше, чем вклад гендерных стереотипов (Adolfsson, Strömwall, 2017; Sakalli-Uğurlu et al., 2007; Valor-Segura et al., 2011; Yamawaki et al., 2009), либо совсем не значим (Brems, Wagner, 1994; Hammond et al., 2011). ВСМ оценивает степень соблюдения правил в мире в целом, гендерные стереотипы определяют правила в межгендерных отношениях, и, когда речь идет об оценке межгендерной ситуации, вклад правил, регулирующих частную область, выше, чем правил, описывающих мир в целом. А в эгалитарных культурах ни враждебный сексизм, ни ВСМ не прогнозируют приписывание вины жертве, и значимый вклад в обвинение вносит только доброжелательный сексизм — убеждение в том, что женщины слабы и нуждаются в защите и опеке со стороны сильных мужчин (Pedersen, Strömwall, 2013). Для людей с традиционными взглядами невиновность жертвы изнасилования несет меньшую угрозу образу справедливого мира в целом, чем образу справедливости традиционных гендерных стереотипов, в то время как в эгалитарной среде невинность жертвы изнасилования не воспринимается как угроза ни отсутствующей или слабо выраженной гендерной иерархии, ни представлению о справедливости мира. Различие связей ВСМ и гендерных стереотипов с обвинением жертвы в зависимости от культурного контекста показывает влияние доминирующих в обществе убеждений о межгендерных отношениях на собственные суждения респондентов.

Влияние мнения окружающих

Принимая решение в ситуации неопределенности люди, ориентируются, в частности, на мнение окружающих. Эксперименты С. Аша (Asch, 1956; Bond, Smith, 1996) показали, что люди склонны изменять свои оценки в сторону согласия с оценками большинства, в том числе и при анонимном ответе (Deutsch, Gerard, 1955). В сложной, неоднозначной ситуации суждения других воспринимаются как более достоверный источник информации о реальности, так как если определенным образом думает и поступает большинство, то это, вероятно, оправданно и адаптивно (Cialdini et al., 1990; Lönnqvist et al., 2009). Согласие с мнением

большинства дает ощущение принадлежности к группе, поддерживает идентичность (Abrams et al., 1990; Hogg, Reid, 2006; Postmes et al., 2005), а принадлежность к большинству, в свою очередь, повышает самооценку (Pool et al., 1998).

Отношение к изнасилованию во многом поддерживается за счет транслируемого культурой мифа об изнасиловании – представлений о том, что жертва сама хочет быть изнасилованной, что мужчина имеет право проявлять силу и что «порядочные женщины» застрахованы от сексуальной агрессии (Burt, 1980), а знание о том, что этот миф поддерживается большинством, повышает и принятие мифа участниками исследования (Bohner et al., 2006; Bohner et al., 2010; Eyssele et al., 2006).

Влияние знания об отношении окружающих к жертве изнасилования на атрибуцию вины жертве только начинает изучаться. В работе И. Андерсон и Э. Лайонс (Anderson, Lyons, 2005) испытуемые читали газетный отчет об изнасиловании, в одном варианте которого говорилось о том, что друзья и знакомые выразили жертве поддержку, в другом – что близкие не поддержали ее. Результаты показали, что читавшие о поддержке жертвы осудили ее гораздо меньше, чем те, кто читал про отсутствие поддержки. Последующие исследования, в которых варьировались уровни поддержки и рассматривалась роль поддержки при учете других факторов (Brown, Testa, 2008; Pinciotti, Orcutt, 2017), подтвердили значимость влияния знания об отношении к жертве со стороны близких на оценку вины жертвы участниками исследования.

Однако в реальной ситуации люди обычно не знают о том, как отнеслись к жертве близкие, но, как правило, у них есть представление о том, как могут отнестись к жертве окружающие, и это ожидаемое отношение, как предполагается, может быть связано и с собственной оценкой вины жертвы.

Цель исследования

Анализ предыдущих исследований показывает, что в случае обвинения жертвы изнасилования больший вклад в приписывание вины вносит согласие с традиционными гендерными стереотипами, чем показатели ВСМ/ ВСМобщ, респонденты в большей степени стремятся сохранить представление о справедливости традиционной межгендерной иерархии, чем мира в целом.

Гендерные стереотипы, в частности МНУ как элемент социальных норм, транслируются культурой, и согласие с ними отражает, с одной стороны, согласие с социальными нормами в области межгендерных отношений, а с другой – соответствие личным установкам в этой области. Принятие гендерных стереотипов и ориентацию на актуальное мнение окружающих можно рассматривать как формы конформизма, они не эквивалентны друг другу. Люди с высокими показателями гендерных стереотипов могут жить в окружении, не осуждающем жертву, а люди, не поддерживающие стереотипы, – в обществе, осуждающем жертв. Но вопрос о том, что больше вносит вклад в обвинение жертв изнасилования – ориентация на актуальное мнение большинства о жертве или собственные представления респондентов о межгендерных отношениях, – остается открытым.

Слабо изучен и вопрос о значимости межгендерной позиции и ориентации на мнение окружающих при обвинении женщин, жертв изнасилования, и женщин, жертв непополовой физической агрессии со стороны мужчин. Имеющиеся немногочисленные и противоречивые данные не позволяют говорить об устойчивости тенденции большего обвинения жертвы полового или непополового преступления. Так, в некоторых случаях (Brems, Wagner, 1994; Howard, 1984; Kanekar et al., 1985) жертве грабежа приписывали бóльшую вину, чем жертве изнасилования, а в других (Bieneck, Krahe, 2011) получены данные о том, что жертву изнасилования обвиняли больше. Можно предположить, что факторы, связанные с гендерными стереотипами и существующим убеждением о негативном отношении к жертвам изнасилования, будут вносить меньший вклад в обвинение жертвы непополового преступления, чем в обвинение жертв изнасилования.

Гипотезы

Проведенный анализ исследований по проблеме позволил сформулировать следующие гипотезы:

1. Приписывание вины жертве изнасилования и у мужчин, и у женщин прямо связано с ВСМобщ, МНУ и ожидаемым отношением к жертве окружающих (в дальнейшем — ожидаемым отношением); МНУ и ожидаемое отношение вносят больший вклад в приписывание вины, чем ВСМобщ и у мужчин, и у женщин.

2. Приписывание вины жертве разбоя и у мужчин, и у женщин прямо связано с ВСМобщ, МНУ и ожидаемым отношением; ВСМобщ вносит больший вклад в отношение к жертве разбоя, чем МНУ и ожидаемое отношение.

Участники и методы исследования

Респонденты — 1038 человек (630 женщин, 408 мужчин) в возрасте от 18 до 70 лет — заполняли онлайн-форму, размещенную в социальных сетях. Сбор данных проходил с июня по август 2017 г. Участникам предлагалась анкета, включающая опросник МНУ (Клецина, Иоффе, 2013), опросник ВСМ (Нартова-Бочавер и др., 2013) и виньетку, имеющую две формы. Опросник МНУ «предназначен для выявления системы убеждений и установок относительно маскулинности и мужских ролей, которая побуждает действовать в соответствии с этими установками и избегать того, что ими не поощряется» (Клецина, Иоффе, 2013). Опросник представляет собой адаптацию опросника «Мужские нормативные установки» (The Male Attitude Norms Inventory-II) Р. Луйта (Luyt, 2005) и включает 40 утверждений, согласие с которыми оценивается по 5-балльной шкале Лайкерта (примеры утверждений: «Мужчина должен быть жестким», «Именно мужчина должен принимать все окончательные решения в семье», «Мужчина успешен, если он хорошо зарабатывает»).

Опросник ВСМ (Нартова-Бочавер и др., 2013) состоит из 13 утверждений, 7 из которых составляют шкалу ВСМличн (примеры утверждений: «Как пра-

вило, жизнь ко мне справедлива», «Я верю, что обычно получаю то, что заслуживаю»), а 6 – шкалу ВСМобщ («Я считаю, что, по большому счету, люди получают то, что заслуживают», «Я уверен, что справедливость всегда побеждает несправедливость»). Согласие с утверждениями оценивается по 7-балльной шкале Лайкерта.

Для оценки отношения к жертве использовалась следующая виньетка: «Девушка возвращалась домой после вечеринки, где немного выпила. У нее было хорошее настроение. По дороге домой она познакомилась с симпатичным молодым человеком, который предложил ее проводить. Молодой человек был вежлив, не навязчив, и девушка согласилась. Когда они проходили мимо пустыря, молодой человек (1-й вариант) толкнул ее в кусты и, угрожая ножом, изнасиловал; (2-й вариант) ударил ее кастетом по голове, причинив тяжкое телесное повреждение, вырвал сумку с деньгами и документами и убежал. Рассказ об истории без упоминания имени девушки попал в социальные сети и вызвал обсуждение. Высказывались разные мнения о поведении девушки и о том, что ей нужно было делать. Оцените степень согласия с каждым утверждением:

1. Девушка сама виновата в том, что с ней произошло.

2. Если девушка расскажет о происшедшем, то многие сочтут, что она сама виновата».

Формулировка шкалы для оценки виновности жертвы была предложена в той форме, в которой она могла бы звучать при обсуждении ситуации в сети. Участникам предлагалось оценить степень согласия с каждым утверждением по 7-балльной шкале от 1 – «Совершенно не согласен» до 7 – «Совершенно согласен».

Участникам в случайном порядке предлагался либо 1-й вариант виньетки, либо 2-й. Половина анкет начиналась с одного из двух вариантов виньетки, а другая – с опросников, а виньетка располагалась в конце, перед вопросами о возрасте и поле участников.

Оба преступления, изнасилование и разбой, предполагают равную меру наказания, уравниены по степени тяжести и максимальному сроку наказания, в обоих случаях женщина, обычно более слабая, чем мужчина, имеет меньшие возможности защитить себя физически, описание обоих преступлений включает элемент романтического знакомства. И различие связано только с фактом сексуального аспекта агрессии.

Изложение результатов

Как показал анализ полученных данных (таблица 1), различия в уровне ВСМобщ и ВСМличн мужчин и женщин не значимы, уровень МНУ у мужчин ожидаемо выше, чем у женщин. К сожалению, не удалось собрать уравниенную по возрасту выборку, в полученных данных мужчины значимо старше женщин.

Показатели уровня согласованности шкал опросника веры в справедливый мир достаточно высокие и близки данным, полученным ранее в онлайн-опросе отечественных респондентов (Gulevich, Sarieva, 2015).

И в подвыборке мужчин, и в подвыборке женщин различия в приписывании вины жертвам полового и неполового преступления не значимы (таблица 2). Жертве изнасилования женщины приписывают значимо меньшую вину, чем мужчины ($t = 3.182, p < 0.01$), различия в приписывании вины жертве разбоя не значимы. Ожидаемое обвинение жертвы со стороны других во всех случаях значимо выше собственного обвинения на уровне $p < 0.000$.

В таблице 3 представлены результаты корреляционного анализа вины жертвы разбоя и жертвы изнасилования и ожидаемого обвинения со стороны других с возрастом респондентов, МНУ и шкалами ВСМ у мужчин и женщин.

Таблица 1

Описательная статистика показателей возраста, МНУ, ВСМличн и ВСМобщ у мужчин и женщин

Переменные	Женщины		Мужчины		t-критерий Стьюдента	α
	M	SD	M	SD		
Возраст	34.557	16.511	47.431	13.887	-13.043***	
Общее принятие мужских нормативных установок	112.798	24.120	129.103	21.403	-11.112***	0.90
Вера в справедливость мира для себя лично	34.129	9.024	34.706	8.875	-1.013	0.91
Вера в справедливость мира для всех	21.790	8.100	22.248	7.888	-0.897	0.80

*** $p < 0.001$.

Таблица 2

Различия в уровне приписывания вины жертве и ожидаемом обвинении жертвы со стороны других у мужчин и женщин

Вид преступления	Изнасилование		Разбой		t-критерий Стьюдента
	M	SD	M	SD	
Женщины					
Девушка сама виновата в случившемся	2.823	1.843	3.034	1.961	-1.396
Если она расскажет о случившемся, другие сочтут ее виноватой	4.752	1.783	4.531	1.893	1.503
Мужчины					
Девушка сама виновата в случившемся	3.382	2.106	3.353	2.099	0.141
Если она расскажет о случившемся, другие сочтут ее виноватой	4.623	1.883	4.142	1.903	2.563*

* $p < 0.05$.

Для оценки относительного вклада возраста, МНУ, ВСМобщ, ВСМличн и ожидаемого обвинения со стороны других в приписывание вины жертве был использован регрессионный анализ с прямым пошаговым включением (таблица 4).

Обсуждение результатов

МНУ и ожидаемое обвинение вносят больший вклад в приписывание вины жертве, чем ВСМобщ, во всех случаях, что подтверждает 1-ю гипотезу и не подтверждает 2-ю. Оба преступления оцениваются, прежде всего, в гендерном контексте как вариант насилия мужчины по отношению к женщине и с опорой на ожидаемое общественное мнение.

Большой вклад МНУ в оценку женщины как жертвы соответствует выявленной ранее тенденции, согласно которой вклад гендерных стереотипов в обвинение женщины как жертвы изнасилования выше, чем вклад иллюзии справедливости. Полученные результаты позволяют предполагать, что эта

Таблица 3

Корреляции оценок вины жертвы разбоя и жертвы изнасилования и ожидаемого обвинения со стороны других с возрастом респондентов, МНУ и шкалами ВСМ у мужчин и женщин

Показатели	Женщины		Мужчины	
	Она сама виновата в случившемся	Ожидаемое обвинение	Она сама виновата в случившемся	Ожидаемое обвинение
Изнасилование				
Возраст	0.139*	0.080	0.124	0.181**
Общее принятие мужских нормативных установок	0.393***	0.051	0.404***	0.217**
Вера в справедливость мира для себя лично	0.000	-0.127*	0.050	0.018
Вера в справедливость мира для всех	0.158**	-0.115*	0.226**	0.072
Ожидаемое обвинение	0.154**		0.325***	
Разбой				
Возраст	0.270***	0.082	0.121	0.065
Общее принятие мужских нормативных установок	0.497***	0.060	0.306***	0.129
Вера в справедливость мира для себя лично	0.031	-0.127*	0.121	0.025
Вера в справедливость мира для всех	0.220***	-0.092	0.187**	0.025
Ожидаемое обвинение	0.275***		0.440***	

* $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

Таблица 4

Результаты множественного регрессионного анализа с прямым пошаговым включением, в котором в качестве предикторов были включены возраст, МНУ, ВСМобщ, ВСМлич и ожидаемое обвинение, а в качестве зависимой переменной – приписывание вины жертве

Предикторы	b^*	t	p	$R^2(R_{\text{скоррест}})$
Женщины, приписывание вины жертве изнасилования				0.180 (0.172)
МНУ	0.364	6.828	0.000	
Ожидаемое обвинение	0.146	2.792	0.006	
Женщины, приписывание вины жертве разбоя				0.318 (0.309)
МНУ	0.422	7.835	0.000	
Ожидаемое обвинение	0.250	5.308	0.000	
Мужчины, приписывание вины жертве изнасилования				0.260 (0.245)
МНУ	0.344	5.478	0.000	
Ожидаемое обвинение	0.236	3.771	0.000	
ВСМобщ	0.213	3.192	0.002	
Мужчины, приписывание вины жертве разбоя				0.266 (0.254)
Ожидаемое обвинение	0.409	6.698	0.000	
МНУ	0.218	3.348	0.001	

тенденция действует не только по отношению к жертвам полового, но и по отношению к жертвам неполового преступления. Принятие МНУ выполняет двойную функцию: согласие с нормативами мужского поведения предоставляет внутренне согласованный вариант интерпретации ситуации межгендерных отношений, что поддерживает иллюзию понятного и контролируемого мира, основанного на правилах, и одновременно дает чувство единства с социальным окружением, снимает возможные сомнения в правильности собственных оценок ситуации за счет присоединения к социально детерминированным нормативам гендерной роли. В результате интерпретация межгендерного преступления осуществляется в большей степени с опорой на гендерные нормативы, чем на представление об общей справедливости.

Женщинами обе ситуации воспринимаются в равной степени как межгендерные, и приписывание вины жертвам обеих ситуаций служит поддержке традиционных отношений, в которых мужчины обладают силой и властью, а женщины должны соблюдать осторожность в отношениях с мужчинами. Вероятно, это дает женщинам, принимающим традиционные нормы, ощущение возможности контролировать ситуацию и избегать неприятностей при соблюдении правил. В этом случае сослаться на иллюзию справедливости уже нет необходимости. Для мужчин опора на МНУ как бы оправдывает проявление сексуальной и несексуальной агрессии «мужским правом», что определяет и высокий вклад МНУ в

приписывание вины жертве изнасилования, и меньший вклад в обвинение жертвы разбоя, так как разбой, даже в ситуации романтического знакомства, сложнее рассматривать как реализацию «мужского права». В результате у мужчин МНУ вносит меньший вклад в обвинение жертвы разбоя, чем ожидаемое обвинение.

Ожидаемое обвинение в среднем выше собственного по отношению ко всем жертвам и у мужчин, и у женщин. Возможно, различие связано со смещенной выборкой, которую составили пользователи социальных сетей, преимущественно фейсбука, ответившие на вопросы, и их показатели не отражают отношения к жертвам всей популяции. А возможно, люди ошибочно приписывают окружающим худшее отношение к жертвам, ориентируясь на большую представленность этой позиции в СМИ и социальных сетях. Однако природа этого расхождения нуждается в дополнительном изучении.

Ожидаемое обвинение во всех случаях вносит больший вклад в приписывание вины жертвам, чем ОС. Ожидаемое обвинение, как предполагается, связано с характеристиками объективной реальности, отражающими представление о доминирующем в данный момент отношении к жертвам, с которым респонденты могут соглашаться или не соглашаться, считать его справедливым или не справедливым. Ожидаемое обвинение коррелирует с МНУ только у мужчин при оценке жертвы изнасилования. Возможно, для мужчин принятие МНУ как общей маскулинной идеологии не предполагает отличия собственной оценки полового преступления от доминирующей оценки окружающих.

А в выборке женщин ожидаемое обвинение оценивается как в некоторой степени противоречащее справедливости, однако оно тоже вносит больший вклад в обвинение обеих жертв, чем ВСМобщ. И женщины, и мужчины учитывают возможное отношение к жертве при оценке ее вины в большей степени, чем то, насколько вероятная невиновность жертвы будет нарушать образ справедливого для всех мира.

ВСМобщ вносит вклад, наименьший по значимости у мужчин, только в обвинение жертвы изнасилования. Согласно Р. Чалдини с коллегами (Cialdini et al., 1976), приписывание вины жертве связано с ВСМобщ в той степени, в которой респонденты могут идентифицировать себя с агрессором, тем самым как бы оправдывая свое возможное соучастие. Из всех рассмотренных ситуаций только ситуация изнасилования предоставляет возможность для респондентов-мужчин в той или иной степени идентифицироваться с агрессором, и, возможно, обвиняя жертву, они как бы оправдывают всех мужчин.

Полученные результаты позволяют говорить, что и у мужчин, и у женщин оценка вины жертвы полового и неполового преступления в большей степени детерминирована стремлением избежать противоречий с социальной реальностью, представленной гендерными стереотипами и ожидаемым отношением к жертве, чем сохранением образа справедливого мира.

Выводы

Подтверждено предположение, согласно которому гендерные стереотипы вносят больший вклад в обвинение женщины как жертвы, чем уровень

ВСМ/ВСМобщ. Показано, что эта тенденция имеет отношение не только к жертвам полового, но и неполового преступления.

Показана связь обвинения жертвы, полового и неполового преступления с ожидаемым отношением со стороны окружающих и у мужчин, и у женщин. Ожидаемое обвинение во всех случаях вносит больший вклад в обвинение жертвы, чем ВСМобщ.

Ограничения и вопросы будущих исследований

Выборки мужчин и женщин не уравнены по возрасту, мужчины значительно старше, что могло повлиять на различия в структуре связей измеряемых показателей. Респондентами выступали пользователи социальных сетей, преимущественно фейсбука, и выборка не отражает генеральной совокупности в целом.

Объем дисперсии, объясняемой взаимодействием рассматриваемых предикторов, относительно невелик, что позволяет предполагать существование других факторов, связанных с приписыванием вины жертве. В качестве таких факторов могут выступать как содержание личного опыта встречи с насилием, так и личностные особенности респондентов, включая эмоциональный интеллект и эмпатию, терпимость к неопределенности, веру в опасный мир, конформизм, особенности системы ценностей, связанные с конфессиональными и региональными характеристиками респондентов.

Литература

- Андронникова, О. О. (2015). Теоретический анализ основных современных теорий виктимизации, разработанных в рамках зарубежной науки. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 4–1(64), 54–57.
- Горбачев, М. А. (2016). *Сексуальная преступность в России: криминологическое исследование* (Кандидатская диссертация). Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Москва.
- Клецина, И. С., & Иоффе, Е. В. (2013). Результаты первичного этапа адаптации российского аналога опросника «Мужские нормативные установки». *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 6(32), 6. Режим доступа: <http://psystudy.ru>
- Клецина, И. С., Иоффе, Е. В. (2017). *Гендерные нормы как социально-психологический феномен*. М.: Проспект.
- Меркурьева, А. (2015, 21 октября). А ты как хотела: как в России обращаются с жертвами изнасилования. *Афиша Daily*. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/a-ty-kak-hotela-kak-v-rossii-obrashchayutsya-s-zhertvami-iznasilovaniya>
- Нартова-Бочавер, С. К., Астанина, Н. Б. (2014). Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования. *Психологический журнал*, 35(1), 16–32.
- Нартова-Бочавер, С. К., Подлипняк, М. Б., Хохлова, А. Ю. (2013). Вера в справедливый мир и психологическое благополучие у глухих и слышащих подростков и взрослых. *Клиническая и специальная психология*, 2(3). Режим доступа: https://psyjournals.ru/files/64003/psy-clin_2013_3_Nartova_Hohlova_Podlipnjak.pdf

Ссылки на зарубежные источники см. в разделе *References* после англоязычного блока.

Улыбина Елена Викторовна — профессор, кафедра общей психологии, Институт общественных наук, РАНХиГС, доктор психологических наук.

Сфера научных интересов: вера в справедливый мир, гендерная психология, психология личности.

Контакты: evulbn@gmail.com

Contribution of Belief in a Just World, Male Attitude Norms and Expectant Attitude to Victim in Attribution of Blame to the Female Victim

E. V. Ulybina^a

^a *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 82-84 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation*

Abstract

The study describes the empirical research on the impact of belief in a just world, acceptance of male normative attitudes and public expectant attitude toward the victim on the victim blaming in rape or robbery on the part of both men and women. One thousand thirty eight respondents aged 18-70 (630 females) filled out an online survey. This survey included the questionnaire on male attitude norms (Kletsina, Ioffe, 2013), the questionnaire on belief in a just world (Nartova-Bochaver and others, 2013), which allowed to estimate the level of belief in a just world for everyone (general justice) and the level of belief in a just world for the self (personal justice), and, at last, the vignette, containing a story either about robbery or rape, with a woman as a victim and a man as a perpetrator. According to the analysis of the obtained data, both male and female respondents put blame on victims of robbery and rape equally; men and women did not differ on victim blaming in cases of robbery in terms of moral evaluation, but men more than women blamed a victim of rape. The results of the stepwise regression analysis showed that in both cases the level of acceptance of male normative attitudes and public expectant attitude make input into the level of victim blaming. The indicator of general justice makes input into the victim blaming in rape only in the subsample of men. The acceptance of both male normative attitudes and public expectant blame reflect the representations of the current social reality, whereas general justice frames the subjective evaluation of this social reality. Therefore, the higher determinacy of the victim blaming by the level of male normative attitudes and expectant blame as opposed to belief in general justice, allows us to assume that people tend more to avoid conflict with social reality than to retain an evaluation of reality as a just one.

Keywords: belief in a just world, male normative attitudes, attribution of guilt to the victim of a crime, expectant attitude to the victim.

References

- Abrams, D., Wetherell, M., Cochrane, S., Hogg, M. A., & Turner, J. C. (1990). Knowing what to think by knowing who you are: Self categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization. *British Journal of Social Psychology, 29*(2), 97–119. doi:10.1111/j.2044-8309.1990.tb00892.x
- Adolfsson, K., & Strömwall, L. A. (2017). Situational variables or beliefs? A multifaceted approach to understanding blame attributions. *Psychology, Crime and Law, 23*(6), 527–552. doi:10.1080/1068316X.2017.1290236
- Anderson, I., & Lyons, A. (2005). The effect of victims' social support on attributions of blame in female and male rape. *Journal of Applied Social Psychology, 35*(7), 1400–1417. doi:10.1111/j.1559-1816.2005.tb02176.x
- Anderson, K. B., Cooper, H., & Okamura, L. (1997). Individual differences and attitudes toward rape: A meta-analytic review. *Personality and Social Psychology Bulletin, 23*(3), 295–315. doi:10.1177/0146167297233008
- Andronnikova, O. O. (2015). Theoretical analysis of the main contemporary theories of victimization developed within foreign science. *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 1*(4(64)), 54–57. (in Russian)
- Asch, S. E. (1956). Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority. *Psychological Monographs: General and Applied, 70*(9), 1–70. doi:10.1037/h0093718
- Bègue, L. (2002). Beliefs in justice and faith in people: Just world, religiosity and interpersonal trust. *Personality and Individual Differences, 32*(3), 375–382. doi:10.1016/S0191-8869(00)00224-5
- Bègue, L., & Bastounis, M. (2003). Two spheres of belief in justice: Extensive support for the bidimensional model of belief in a just world. *Journal of Personality, 71*(3), 435–463. doi:10.1111/1467-6494.7103007
- Bègue, L., Charmaillaux, M., Cochet, J., Cury, C., & De Suremain, F. (2008). Altruistic behavior and the bidimensional just world belief. *The American Journal of Psychology, 121*(1), 47–56. doi:10.2307/20445443
- Bieneck, S., & Krahe, B. (2011). Blaming the victim and exonerating the perpetrator in cases of rape and robbery: Is there a double standard? *Journal of Interpersonal Violence, 26*(9), 1785–1797. doi:10.1177/0886260510372945
- Bierhoff, H. W., Klein, R., & Kramp, P. (1991). Evidence for the altruistic personality from data on accident research. *Journal of Personality, 59*(2), 263–280.
- Bohner, G., Pina, A., Tendayi Viki, G., & Siebler, F. (2010). Using social norms to reduce men's rape proclivity: Perceived rape myth acceptance of out-groups may be more influential than that of in-groups. *Psychology, Crime and Law, 16*(8), 671–693. doi:10.1080/1068316X.2010.492349
- Bohner, G., Siebler, F., & Schmelcher, J. (2006). Social norms and the likelihood of raping: Perceived rape myth acceptance of others affects men's rape proclivity. *Personality and Social Psychology Bulletin, 32*(3), 286–297. doi:10.1177/0146167205280912
- Bond, R., & Smith, P. B. (1996). Culture and conformity: A meta-analysis of studies using Asch's (1952b, 1956) line judgment task. *Psychological Bulletin, 119*(1), 111–137. doi:10.1037/0033-2909.119.1.111
- Brems, C., & Wagner, P. (1994). Blame of victim and perpetrator in rape versus theft. *The Journal of Social Psychology, 134*(3), 363–374. doi:10.1080/00224545.1994.9711741
- Brown, A. L., & Testa, M. (2008). Social influences on judgments of rape victims: The role of the negative and positive social reactions of others. *Sex Roles, 58*(7–8), 490–500. doi:10.007/s11199-007-9353-7
- Burt, M. (1980). Cultural myths and supports for rape. *Journal of Personality and Social Psychology, 38*(2), 217–230. doi:10.1037/0022-3514.38.2.217

- Cialdini, R. B., Kenrick, D. T., & Hoerig, J. H. (1976). Victim derogation in the Lerner paradigm: Just world or just justification? *Journal of Personality and Social Psychology*, *33*(6), 719–724. doi:10.1037/0022-3514.33.6.719
- Cialdini, R. B., Reno, R. R., & Kallgren, C. A. (1990). A focus theory of normative conduct: recycling the concept of norms to reduce littering in public places. *Journal of Personality and Social Psychology*, *58*(6), 1015–1026.
- Dalbert, C. (1999). The world is more just for me than generally: About the personal belief in a just world scale's validity. *Social Justice Research*, *12*, 79–98.
- Dalbert, C., Lipkus, I. M., Sallay, H., & Goch, I. (2001). A just and an unjust world: Structure and validity of different world beliefs. *Personality and Individual Differences*, *30*(4), 561–577. doi:10.1016/S0191-8869(00)00055-6
- Dalbert, C., & Yamauchi, L. A. (1994). Belief in a just world and attitudes toward immigrants and foreign workers: A cultural comparison between Hawaii and Germany. *Journal of Applied Social Psychology*, *24*(18), 1612–1626. doi:10.1111/j.1559-1816.1994.tb01565.x
- Davis, S. N., & Greenstein, T. N. (2009). Gender ideology: Components, predictors, and consequences. *Annual Review of Sociology*, *35*, 87–105. doi:10.1146/annurev-soc-070308-115920
- De Judicibus, M., & McCabe, M. P. (2001). Blaming the target of sexual harassment: Impact of gender role, sexist attitudes, and work role. *Sex Roles*, *44*(7), 401–417. doi:10.1023/A:1011926027920
- DePalma, M., Madey, S. F., Tillman, T. C., & Wheeler, J. (1999). Perceived patient responsibility and belief in a just world affect helping. *Basic and Applied Psychology*, *21*, 131–137. doi:10.1207/S15324834BA210205
- Deutsch, M., & Gerard, H. B. (1955). A study of normative and informational social influences upon individual judgment. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, *51*(3), 629–636. doi:10.1037/h0046408
- Eyssel, F., Bohner, G., & Siebler, F. (2006). Perceived rape myth acceptance of others predicts rape proclivity: Social norm or judgmental anchoring? *Swiss Journal of Psychology/Schweizerische Zeitschrift für Psychologie/Revue Suisse de Psychologie*, *65*(2), 93–99. doi:10.1024/1421-0185.65.2.93
- Furnham, A. (1995). The just world, charitable giving and attitudes to disability. *Personality and Individual Differences*, *19*(4), 577–583. doi:10.1016/0191-8869(95)00090-S
- Furnham, A. (2003). Belief in a just world: Research progress over the past decade. *Personality and Individual Differences*, *34*(5), 795–817. doi:10.1016/S0191-8869(02)00072-7
- Furnham, A., & Procter, E. (1989). Belief in a just world: Review and critique of the individual difference literature. *British Journal of Social Psychology*, *28*(4), 365–384. doi:10.1111/j.2044-8309.1989.tb00880.x
- Glick, P., & Fiske, S. T. (1996). The ambivalent sexism inventory: Differentiating hostile and benevolent sexism. *Journal of Personality and Social Psychology*, *70*(3), 491–512. doi:10.1037/0022-3514.70.3.491
- Gorbachev, M. A. (2016). *Seksual'naya prestupnost' v Rossii: kriminologicheskoe issledovanie* [Sexual crimes in Russia: a criminological study] (PhD dissertation). Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation. (in Russian)
- Grubb, A., & Harrower, J. (2008). Attribution of blame in cases of rape: An analysis of participant gender, type of rape and perceived similarity to the victim. *Aggression and Violent Behavior*, *13*(5), 396–405. doi:10.1016/j.avb.2008.06.006
- Grubb, A., & Turner, E. (2012). Attribution of blame in rape cases: A review of the impact of rape myth acceptance, gender role conformity and substance use on victim blaming. *Aggression and Violent Behavior*, *17*(5), 443–452. doi:10.1016/j.avb.2012.06.002

- Gulevich, O. A., & Sarieva, I. R. (2015). Just world belief and the image of the perfect political leader: the role of national identification. *Psychology Journal of Higher School of Economics*, *12*(3), 30–40.
- Guzewicz, T. D., & Takooshian, H. (1992). Development of a short-form scale of public attitudes toward homelessness. *Journal of Social Distress and the Homeless*, *1*(1), 67–79.
- Hafer, C. L., & Sutton, R. (2016). Belief in a just world. In *Handbook of social justice theory and research* (pp. 145–160). New York: Springer.
- Hammond, E. M., Berry, M. A., & Rodriguez, D. N. (2011). The influence of rape myth acceptance, sexual attitudes, and belief in a just world on attributions of responsibility in a date rape scenario. *Legal and Criminological Psychology*, *16*(2), 242–252. doi:10.1348/135532510X499887
- Hill, M. S., & Fischer, A. R. (2001). Does entitlement mediate the link between masculinity and rape-related variables? *Journal of Counseling Psychology*, *48*(1), 39–50. doi:10.1037/0022-0167.48.1.39
- Hockett, J. M., Saucier, D. A., Hoffman, B. H., Smith, S. J., & Craig, A. W. (2009). Oppression through acceptance? Predicting rape myth acceptance and attitudes toward rape victims. *Violence against Women*, *15*(8), 877–897. doi:10.1177/1077801209335489
- Hockett, J. M., Smith, S. J., Klausing, C. D., & Saucier, D. A. (2016). Rape myth consistency and gender differences in perceiving rape victims: A meta-analysis. *Violence against Women*, *22*(2), 139–167. doi:10.1177/1077801215607359
- Hogg, M. A., & Reid, S. A. (2006). Social identity, self-categorization, and the communication of group norms. *Communication Theory*, *16*(1), 7–30. doi:10.1111/j.1468-2885.2006.00003.x
- Howard, J. A. (1984). Societal influences on attribution: Blaming some victims more than others. *Journal of Personality and Social Psychology*, *47*(3), 494–505. doi:10.1037/0022-3514.47.3.494
- Kanekar, S., Pinto, N. J., & Mazumdar, D. (1985). Causal and moral responsibility of victims of rape and robbery. *Journal of Applied Social Psychology*, *15*(4), 622–637. doi:10.1111/j.1559-1816.1985.tb00905.x
- Kletsina, I. S., & Ioffe, E. V. (2013). Russian version of the Male Attitude Norms Inventory: the results of primary approbation. *Psikhologicheskie Issledovaniya*, *6*(32), 6. Retrieved from <https://psystudy.ru> (in Russian)
- Kletsina, I. S., & Ioffe, E. V. (2017). *Gendernye normy kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen* [Gender norms as a social psychological phenomenon]. Moscow: Prospekt. (in Russian)
- Koepke, S., Eyssel, F., & Bohner, G. (2014). “She deserved it”: Effects of sexism norms, type of violence, and victim’s pre-assault behavior on blame attributions toward female victims and approval of the aggressor’s behavior. *Violence against Women*, *20*(4), 446–464. doi:10.1177/1077801214528581
- Lambert, A. J., & Raichle, K. (2000). The role of political ideology in mediating judgments of blame in rape victims and their assailants: A test of the just world, personal responsibility, and legitimization hypotheses. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *26*(7), 853–863. doi:10.1177/0146167200269010
- Lerner, M. J. (1977). The justice motive: Some hypotheses as to its origins and forms. *Journal of Personality*, *45*(1), 1–52. doi:10.1111/j.1467-6494.1977.tb00591.x
- Lerner, M. J., & Miller, D. T. (1978). Just world research and the attribution process: Looking back and ahead. *Psychological Bulletin*, *85*(5), 1030–1051. doi:10.1037/0033-2909.85.5.1030
- Levant, R. F., & Richmond, K. (2008). A review of research on masculinity ideologies using the Male Role Norms Inventory. *The Journal of Men’s Studies*, *15*(2), 130–146. doi:10.3149/jms.1502.130
- Lipkus, I. M., Dalbert, C., & Siegler, I. C. (1996). The importance of distinguishing the belief in a just world for self versus for others: Implications for psychological well-being. *Personality and Social Psychology Bulletin*, *22*(7), 666–677. doi:10.1177/0146167296227002
- Lönnqvist, J. E., Walkowitz, G., Wichardt, P., Lindeman, M., & Verkasalo, M. (2009). The moderating effect of conformism values on the relations between other personal values, social norms, moral

- obligation, and single altruistic behaviours. *British Journal of Social Psychology*, 48(3), 525–546. doi:10.1348/014466608X377396
- Luyt, R. (2005). The Male Attitude Norms Inventory-II: A measure of masculinity ideology in South Africa. *Men and Masculinities*, 8(2), 208–229. doi:10.1177/1097184X04264631
- Mahalik, J. R., Locke, B. D., Ludlow, L. H., Diemer, M. A., Scott, R. P., Gottfried, M., & Freitas, G. (2003). Development of the Conformity to Masculine Norms Inventory. *Psychology of Men and Masculinity*, 4(1), 3–25 doi:10.1037/1524-9220.4.1.3
- Merkurieva, A. (2015, October 21). A ty kak khotela: kak v Rossii obrashchayutsya s zhertvami iznasilovaniya [What did you want? How the victims of rape are treated in Russia]. *Afisha Daily*. Retrieved from <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/a-ty-kak-hotela-kak-v-rossii-obrashchayutsya-s-zhertvami-iznasilovaniya> (in Russian)
- Moore, T. M., & Stuart, G. L. (2005). A review of the literature on masculinity and partner violence. *Psychology of Men and Masculinity*, 6(1), 46–61. doi:10.1037/1524-9220.6.1.46
- Murnen, S. K., Wright, C., & Kaluzny, G. (2002). If “boys will be boys,” then girls will be victims? A meta-analytic review of the research that relates masculine ideology to sexual aggression. *Sex Roles*, 46(11), 359–375. doi:10.1023/A:1020488928736
- Nartova-Bochaver, S. K., & Astanina, N. B. (2014). Theories and empirical researches on justice in the foreign personality psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 35(1), 16–32. (in Russian)
- Nartova-Bochaver, S. K., Podlipnyak, M. B., & Hohlova, A. Yu. (2013). Belief in a Just world and mental well-being in deaf and hearing youth and adults. *Klinicheskaya i Spetsial'naya Psikhologiya*, 2(3). Retrieved from https://psyjournals.ru/en/psyclin/2013/n3/Nartova_Bochaver_et_al.shtml (in Russian)
- Pedersen, S. H., & Strömwall, L. A. (2013). Victim blame, sexism and Just-world beliefs: A cross-cultural comparison. *Psychiatry, Psychology and Law*, 20(6), 932–941. doi:10.1080/13218719.2013.770715
- Pinciotti, C. M., & Orcutt, H. K. (2017). Understanding gender differences in rape victim blaming: The power of social influence and just world beliefs. *Journal of Interpersonal Violence*. Advance online publication. doi:10.1177/0886260517725736.
- Pleck, J. H. (1995). The gender role strain paradigm: An update. In R. F. Levant & W. S. Pollack (Eds.), *A new psychology of men* (pp. 11–32). New York: Basic Books.
- Pool, G. J., Wood, W., & Leck, K. (1998). The self-esteem motive in social influence: Agreement with valued majorities and disagreement with derogated minorities. *Journal of Personality and Social Psychology*, 75(4), 967–975.
- Postmes, T., Spears, R., Lee, A. T., & Novak, R. J. (2005). Individuality and social influence in groups: Inductive and deductive routes to group identity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 89(5), 747–763. doi:10.1037/0022-3514.89.5.747
- Rubin, Z., & Peplau, L. A. (1975). Who believes in a just world? *Journal of Social Issues*, 31(3), 65–89. doi:10.1111/j.1540-4560.1975.tb00997.x
- Russell, B. L., & Trigg, K. Y. (2004). Tolerance of sexual harassment: An examination of gender differences, ambivalent sexism, social dominance, and gender roles. *Sex Roles*, 50(7–8), 565–573. doi:10.1023/B:SERS.0000023075.32252.fd
- Sakallı-Uğurlu, N., & Glick, P. (2003). Ambivalent sexism and attitudes toward women who engage in premarital sex in Turkey. *Journal of Sex Research*, 40(3), 296–302. doi:10.1080/00224490309552194
- Sakallı-Uğurlu, N., Yalçın, Z. S., & Glick, P. (2007). Ambivalent sexism, belief in a just world, and empathy as predictors of Turkish students' attitudes toward rape victims. *Sex Roles*, 57(11–12), 889–895. doi:10.1007/s11199-007-9313-2

- Sims, C. M., Noel, N. E., & Maisto, S. A. (2007). Rape blame as a function of alcohol presence and resistance type. *Addictive Behaviors, 32*(12), 2766–2775. doi:10.1016/j.addbeh.2007.04.013
- Smith, K. B. (1985). Seeing justice in poverty: The belief in a just world and ideas about inequalities. *Sociological Spectrum, 5*(1–2), 17–29. doi:10.1080/02732173.1985.9981739
- Strelan, P. (2007). The prosocial, adaptive qualities of just world beliefs: Implications for the relationship between justice and forgiveness. *Personality and Individual Differences, 43*(4), 881–890. doi:10.1016/j.paid.2007.02.015
- Sutton, R. M., & Douglas, K. M. (2005). Justice for all, or just for me? More evidence of the importance of the self-other distinction in just-world beliefs. *Personality and Individual Differences, 39*(3), 637–645. doi:10.1016/j.paid.2005.02.010
- Thompson, E. H. Jr., & Bennett, K. M. (2015). Measurement of masculinity ideologies: A (critical) review. *Psychology of Men and Masculinity, 16*(2), 115–133. doi:10.1037/a0038609
- Thompson, E. H. Jr., & Pleck, J. H. (1986). The structure of male role norms. *American Behavioral Scientist, 29*(5), 531–543. doi:10.1177/000276486029005003
- Tomaka, J., & Blascovich, J. (1994). Effects of justice beliefs on cognitive appraisal of and subjective physiological, and behavioral responses to potential stress. *Journal of Personality and Social Psychology, 67*(4), 732–740. doi:10.1037/0022-3514.67.4.732
- Truman, D. M., Tokar, D. M., & Fischer, A. R. (1996). Dimensions of masculinity: Relations to date rape supportive attitudes and sexual aggression in dating situations. *Journal of Counseling and Development, 74*(6), 555–562. doi:10.1002/j.1556-6676.1996.tb02292.x
- Valor-Segura, I., Expósito, F., & Moya, M. (2011). Victim blaming and exoneration of the perpetrator in domestic violence: The role of beliefs in a just world and ambivalent sexism. *The Spanish Journal of Psychology, 14*(1), 195–206. doi:10.5209/rev_SJOP.2011.v14.n1.17
- Van der Bruggen, M., & Grubb, A. (2014). A review of the literature relating to rape victim blaming: An analysis of the impact of observer and victim characteristics on attribution of blame in rape cases. *Aggression and Violent Behavior, 19*(5), 523–531. doi:10.1016/j.avb.2014.07.008
- Willis, C. E., Hallinan, M. N., & Melby, J. (1996). Effects of sex role stereotyping among European American students on domestic violence culpability attributions. *Sex Roles, 34*(7), 475–491. doi:10.1007/BF01545027
- Yamawaki, N., Ostenson, J., & Brown, C. R. (2009). The functions of gender role traditionality, ambivalent sexism, injury, and frequency of assault on domestic violence perception: A study between Japanese and American college students. *Violence Against Women, 15*(9), 1126–1142. doi:10.1177/1077801209340758
- Zuckerman, M. (1975). Belief in a just world and altruistic behavior. *Journal of Personality and Social Psychology, 31*(5), 972–976. doi:10.1037/h0076793
- Zuckerman, M., & Gerbasi, K. C. (1977). Belief in a just world and trust. *Journal of Research in Personality, 11*(3), 306–317. doi:10.1016/0092-6566(77)90039-3

Elena V. Ulybina – professor, Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Academy of National Economy and Public Administration, DSc in Psychology.
Research Area: psychology of religion, tolerance to uncertainty, identity psychology, gender psychology, personality psychology, general psychology.
E-mail: evulbn@gmail.com

IS IT BAD TO CONTROL TOO MUCH? THE EFFECT OF THE REGULATORY FOCUS ON THE ESTIMATION OF SHORT TIME INTERVALS UNDER COMPETITIVE PRESSURE

V.A. GERSHKOVICH^a, N.V. MOROSHKINA^a, A.K. KULIEVA^a

^a Saint Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

Choking under pressure is the phenomenon known in sport as errors in the automated motor skill execution that appear under circumstances that increase the importance of good or improved performance (Baumeister, 1984). Several theories claim that the reason for this phenomenon lies in control reinvestment, which provokes skill de-automatization. According to our hypothesis, control reinvestment appears due to fear of making a mistake, because an attempt to check “if the mistake is made or not” paradoxically provokes a mistake (Allakhverdiv, 2000; Wegner, 1994). In our study we analyzed the influence of two factors: the “value” factor (regular vs valuable trials); and the “frame of the task” factor (bonus vs penalty). Participants played a computer game “Virtual Golf”, competing with each other. In a golf-like virtual scenario, a player had to learn to putt the ball to a hole displayed on the screen by pressing and holding a key for a certain period (2, 4, 6, 8 sec). The value of the target was manipulated during the competition session. In addition, one group was penalized for failing to hit the valuable target, whereas the other group received extra rewards for a hit. The generalized data of the experiment is in line with the theory of control reinvestment, as well as the idea that excessive control adversely affects performance of simple automated tasks. We observed choking under pressure when participants were putting balls in the closest targets (2 sec): participants made more errors putting the ball to valuable targets than to regular ones. The influence of task frame on the time taken for preparation for the trials was discovered: the “penalty” group prepared longer. We also found out that when more time was taken preparing for the shot, more errors were made.

Keywords: choking under pressure, competitive pressure, reinvestment of control, estimation of time intervals, regulatory focus, task frame, penalty, reward, errors.

Introduction

Choking under pressure is the phenomenon known in sport as errors in the automated motor skill execution that appear under circumstances that increase the importance of good or improved performance (Baumeister, 1984). In sport, this phenomenon is often related to emotional pressure caused by competition. There is

no single view on mechanisms that lead to a failure in skill execution during high-pressure situations.

Traditionally, in Russian sport psychology this problem is seen as the problem of sportsmen's performance reliability in the instances of competitive pressure (Plakhtienko & Bludov, 1983; Malinina, 2006). Even though sometimes there can be improvement of performance during competition, impairment of performance appears more often, and worry, caused by competition, provokes deterioration in skill execution (Vainstein, 1981; Kochetkova, 2000; Medvedev et al., 1973). According to Safonov (2018) the discrepancy between real and desirable results provokes the cognitive dissonance in performance regulation. And only if sportsmen retain the ability to control the situation, can they correct their actions. The type of achievement motivation is an important factor here, because it mediates the engagement and direction of attention to the different aspects of performance regulation (Ibid.).

In foreign psychology several theories explaining the role of attention and cognitive control in choking under pressure have also been developed. The processing efficiency theory (Eysenck & Calvo, 1992) states, firstly, that errors are caused by distraction of attentional resources toward worry about the result; and, secondly, that this reduction in available attentional resources may be compensated for by an increased effort. This theory postulates that the increase of control is not the reason for errors, but reacts to detrimental effects of anxiety on performance and can apply additional resources (e.g. lengthen the processing time) and/or different strategies to compensate for the negative effect (Eysenck & Calvo, 1992; see also Wilson, 2008 for review). Contrariwise, the explicit monitoring theory (reinvestment theory) states that choking under pressure decrements occur due to refocusing extra attention and control to the skill components (Beilock, Carr, MacMahon, & Starkes, 2002; Masters, 1992); thus disruptive effects occur when a person tries to consciously control (apply explicit rules to) their movements. These accounts are built on the theory of stages of skill learning (Fitts & Posner, 1967). This idea is very similar to the one outlined by Bernstein (Bernstein, 1966), who described the concept of de-automatization of movements due to the conscious attention allocation to lower levels of movement coordination. Thus, it seems reasonable to pose the following question: why does reinvestment of control provoke errors in a competitive situation? Several theories claim that the reason for this phenomenon lies in an individual's desire not to make a mistake, which in turn evokes ironic control assessing if the mistake is made or not, which, in turn, paradoxically provokes a mistake (Allakhverdov, 2000; Wegner, 1994). Hence the higher the desire not to make a mistake, the greater the possibility that it will be made.

Thus, if the frame of a situation emphasizes the high cost of errors it influence on the strategy of goal achievement (Moroshkina, Gershkovich, Ivanchei, & Morozov, 2012; Gershkovich et al., 2013; Gershkovich & Urikh, 2017), changing the strategy of goal achievement. This idea is based on D. Kahneman and A. Tversky prospect theory (Tversky & Kahneman, 1979), which states that values of gain and losses are not equivalent. Also, according to the regulatory focus theory (Higgins, 1997) goal-directed behavior is regulated by two different motivational

systems (self-regulation strategic systems) – promotion focus and prevention focus, which can be situationally induced (Higgins, 1998; Shah & Higgins, 2001). Prevention regulatory focus strives for security and non-losses, while the promotion focus strives for positive end-states and gains. The reward structure can be seen as one of the factors that evoke a certain regulation focus: the promotion focus can be situationally induced by stressing possible rewards; the prevention focus can be induced by stressing possible penalties.

In our previous research (Moroshkina et al., 2012; Gershkovich et al., 2013) participants had to shoot at moving targets in a simple computer-based game. We increased the value of every fifth target and manipulated the frame of the situation: Group one received five more points for a hit, while Group two was penalized by minus five points for a miss on that particular target. The task framing effect on sensorimotor performance was demonstrated. Though no difference in accuracy between bonus/penalty groups was found while shooting at the high-value targets, preparation time for the high-value (5-th) target in the penalty group was significantly longer, thus indicating a change in the control strategy.

The aim of the present study was to replicate the results within a different cognitive task based on short-time intervals estimation. This cognitive task was used because of several reasons. It is considered that choking is a decline in skill performance, which is, supposedly, due to reinvestment of control. However, there is data that demonstrates that a switch from automatic to controlled actions changes the subjective estimation of temporal duration (Herai & Mogi, 2014; Lewis & Miall, 2003). Hence, if the hypothesis of control reinvestment is true, we observe a prominent effect of choking in tasks associated with time interval estimation. We have chosen the “Virtual Golf” task (Gershkovich & Urikh, 2017). In a golf-like virtual scenario, a player had to putt the ball to a hole displayed on a screen by pressing and holding a key for a certain period of time (the subjective estimation of a time interval). We have shown that the execution of such a task is prone to competitive pressure.

Therefore, in the present paper we tested the following hypotheses:

1. Participants will make more errors in the situation of competitive pressure, shooting at valuable targets than for regular ones, because they will increase control over desire not to make an error.

2. We will observe an effect of task frame: the penalty instruction would induce prevention focus, which in turn would evoke safety-oriented strategy (carefulness, striving for non-losses), causing choking and increased probability of error.

3. The increase of control will manifest in the increase of time, taken for preparation for shooting. Thus, we assume that preparation for shooting at valuable targets will take more time than for regular ones, and preparation for shooting within the penalty task frame will take more time than within the reward task frame, but performance will decrease.

Method

Participants and design. A total of 30 participants (27 females) aged 18 to 23 ($M = 19.4$, $SD = 1.2$) took part voluntarily in the study. All participants were

undergraduate-level students of Saint Petersburg State University. All participants had normal or corrected to normal visual acuity. Participants were motivated to win a monetary reward in a competition during the experiment. In addition, each participant received a candy bar after the experiment. Upon arrival, each participant signed the informed consent form. Participants were assigned to two experimental groups (penalty vs bonus) with matched-subjects design, based on Prevention Scale scores for Regulatory Focus Questionnaire (Higgins et al., 2001, Russian adaptation Gershkovich, Moroshkina, Kulieva, & Nasledov, 2019). A total of 16 participants (14 females), aged 18 to 23 ($M = 19.4$, $SD = 1.15$), M prevention focus scores = 19.71, $SD = 2.84$ took part in the penalty group, and 14 participants (13 females), aged 18 to 23 ($M = 19.3$, $SD = 0.73$), M prevention focus scores = 18.75, $SD = 3.41$) took part in the bonus group.

We varied two independent variables: the value of the target (in within-subject manner) and the frame of the task (in between-subject manner). We also controlled for the task complexity: there were four different distances to targets.

Method

The experiment was organized as a computer game competition. The “Virtual Golf” scenario was used (Gershkovich & Urikh, 2017). The screen showed two objects: a ball and a target located on horizontal line. The location of the ball was constant; the target changed its position along horizontal line. The four positions of target were used: 4, 8, 12 or 16 cm from the ball.

The task was to put the ball in a target. In order to do this the participant had to press and hold the spacebar; the longer the player holds the key, the further the ball goes (the speed of the ball is 2 cm per second). There was no visible scale on the screen and the player had to subjectively estimate time intervals. Four different time intervals were used in the game – 2 seconds, 4 seconds, 6 seconds and 8 seconds, respectively to the distance. Hitting the target occurs if the ball is completely covered by the target (the participant should hold the spacebar for 2, 4, 6 or 8 seconds ± 225 msec); then the target becomes green. If any part of the ball is outside the target, the result is a miss and the target becomes red. After each trial, feedback appeared in the screen – a message indicating the size of error in conditional “meters” (1 conditional “meter” is 1 cm), its direction (“+” – overshoot, “–” – undershoot) or indicating a correct hit. Participants played wearing headphones. Hits and misses in the game were followed by the sound of applause or a disapproving rumble, respectively.

The value of the target was manipulated during the competition session. There were two types of targets – regular ones (where the participant was awarded with 1 point for each correct hit and misses were not penalized by any points) and valuable ones (where the participant was either awarded with 5 points for each correct hit and misses were not penalized by any points (the so-called “bonus” group); or the participant was awarded with 1 point for each correct hit, but they were penalized for misses by the subtraction of 5 points (the so-called “penalty” group)).

The pressure situation was simulated by announcing a competition with other participants. It was announced that there would be three prizes for each group – for the first place (3,000 rubles), for the second place (1,000 rubles) and for the third place (500 rubles).

Procedure

A strategy for non-losses was an important parameter for our research, so we controlled for individual Prevention Regulatory Focus with the help of the Regulatory Focus Questionnaire, developed by Higgins et al (Higgins et al., 2001). We used a Russian adaptation of the Questionnaire (Gershkovich et al., 2019). In order to ensure that filling in the questionnaire did not influence the experimental procedure, we had tested the participants one week before the main part of the experiment.

The experiment was conducted in groups. Upon arrival at the laboratory, the participants were told that they would compete with each other, and the winners would receive a prize. They read and signed the informed consent forms, though the information about differences in target values during competition was not revealed in the form and was disclosed only after the experiment. Then the participants took their places and all of them started the experiment in parallel. The participants could not use any clock or watches.

Participants read the instruction outlining the rules of the “Virtual Golf” game. They were informed that there would be 2, 4, 6 or 8 sec time intervals. Two short training sessions were used to familiarize the participants with the relationship between the distance to target and the time interval.

The 1st training session (warm-up) consisted of 8 trials (two for each distance). The 2nd training session consisted of 20 trials (5 for each distance presented in successive order). Then the competition was announced. It consisted of 200 trials (160 regular ones and 40 valuable ones) presented in a pre-defined order to control the distance to targets (each distance appeared 50 times). Two valuable targets would never appear successively. The regular target was colored in violet, while the valuable one – in golden. The participant could press the spacebar immediately after the ball and the target appeared in the screen. After each shot a feedback message (hit/miss) and scores were presented and the participant had to press “OK” to proceed. The experimental task was self-paced and took approximately 35 min (32 to 37 min).

Apparatus

For the experiment, 30 equal computers and monitors in St. Petersburg State University computer class were used. Monitor parameters – size 22”, resolution 1680×1050, update frequency 60Hz.

Measures

As dependent variables we measured: the proportion of hits (the number of correct hits divided by overall number of shots); error deviation from the target center in conditional “meters”); time spent for preparation for each shot (in seconds).

Results

Training

General performance: hit/miss. We found no significant effect of group in the number of hits and misses during the training stage (bonus group: M (hits) = 0.4; penalty group: M (hits) = 0.43; $\chi^2(1) = 0.74, p = .39$). ANOVA RM did not show significant effect of group on the absolute error size ($F(1, 28) = .90, p = .35$), but showed significant effect of target distance ($F(3, 84) = 15.47, p < .001$) between “2 sec” targets ($M = 0.74; SD = 0.84$), “4 sec” ($M = 0.87; SD = 0.87$), “6 sec” ($M = 0.97; SD = 0.80$) and “8 sec” targets ($M = 1.52; SD = 1.43$). We can conclude that the groups did not differ in terms of performance before the experimental manipulation.

Time taken for preparation to shoots. ANOVA did not show significant main effect of group ($F(1, 28) = 0.00, p = .97$) on preparation time for each trial.

Competition

General performance: hit/miss. The proportion of hits for each target type was counted (by the factors of distance and value) and aggregated for each participant. ANOVA RM was conducted, with the factors being: target distance (2 sec, 4 sec, 6 sec, 8 sec), target value (valuable *vs* regular) and group (bonus *vs* penalty). The significant impact of the factors: target distance ($F(3, 84) = 29.83, p < .001, \eta = .26$) (see Table 1) and the interaction of target distance and target value ($F(3, 84) = 3.25, p = .026, \eta = .02$) was demonstrated.

The difference between the groups did not reach significance ($F(1, 28) = 3.92, p = .06$; bonus: $M = 0.56, SD = 0.22$; penalty: $M = 0.64, SD = 0.19$; see Figure 1).

Thus, in terms of errors, the more distant the target, the more complicated is the task for participants. Also, a significant interaction effect of target value and distance

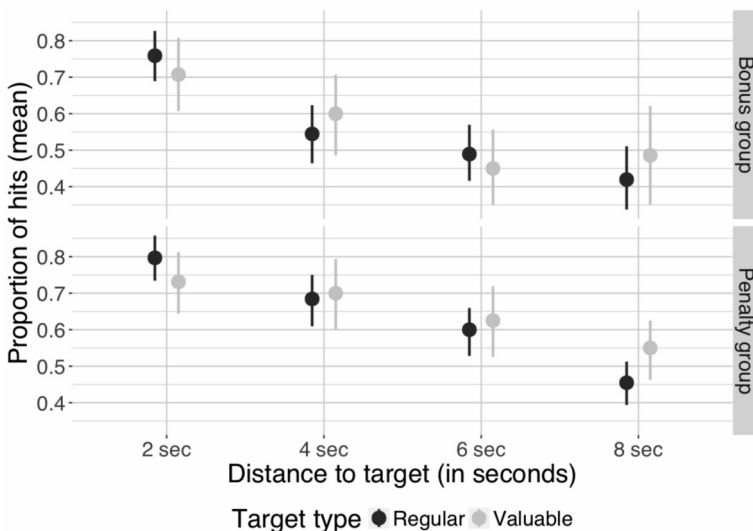
Table 1

Proportion of Hits Dependent on the Target Distance

Target distance	Proportion of hits
2 sec	0.75 (SD = 0.17)
4 sec	0.64 (SD = 0.19)
6 sec	0.55 (SD = 0.19)
8 sec	0.48 (SD = 0.18)

Figure 1

Mean Proportion of Hits for the Bonus and Penalty Groups for Regular and Valuable Target Types and Different Distance Trials

to target was demonstrated: participants had more misses for valuable targets than for regular ones when shooting at the closest targets, and the opposite for the most distant ones in both groups. Contrary to our hypothesis, the penalty group was slightly more efficient in general than the bonus group.

General performance: error deviation from targets center. We aggregated error data (in conditional “meters”) from target center for each participant, excluding accurate hits (error = 0), 2% of data points over 3 SD’s below and above each participant’s mean were excluded from the database.

Mean error deviation aggregated for each target distance were submitted to ANOVA RM, with factors being target distance, target value and group. This revealed a significant main effect of group ($F(1, 28) = 4.48, p < .050, \eta^2 = .07$; bonus: $M = 0.67, SD = 0.61$; penalty: $M = 0.56, SD = 0.53$), target distance ($F(3, 84) = 36.00, p < .001, \eta^2 = .28$; see Table 2) and their interaction ($F(3, 84) = 2.79, p < .05, \eta^2 = .02$).

Table 2

Mean Error Deviation Dependent on the Target Distance

Target distance	Mean error deviation from the target center (in conditional “meters”)
2 sec	0.40 (SD = 0.38)
4 sec	0.55 (SD = 0.51)
6 sec	0.68 (SD = 0.61)
8 sec	0.80 (SD = 0.67)

Also a significant interaction of target distance and target value ($F(3, 84) = 3.86$, $p < .01$, $\eta = .02$) was revealed (Figure 2).

Using such data as error deviation from the target center, we demonstrated that the penalty group was more accurate than the bonus group. In addition, the previously described result was confirmed: for the closest targets participants were less accurate shooting at valuable targets than for regular ones, and the opposite for the most distant ones in both groups.

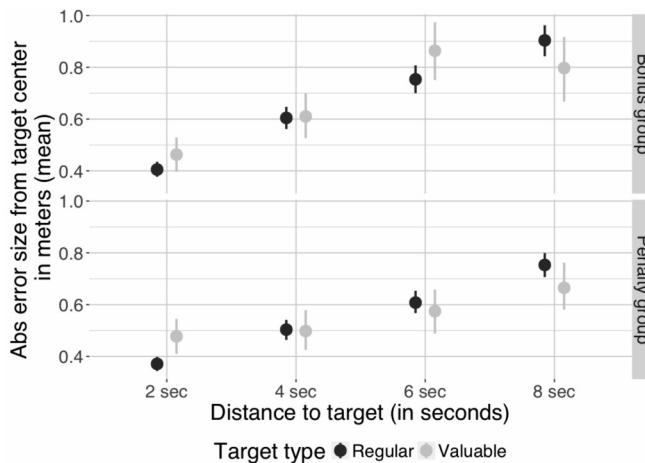
Time taken for preparation. We analyzed the time each participant took to start pressing a button after the ball and the target appeared on the screen. Data were aggregated for each participant, 2% of data points over 3 SD's below and above each participant's mean were excluded.

ANOVA RM (2×2) with such factors as group and target value was conducted. Significant impact of the following factors: group ($F(1, 28) = 7.27$, $p < .05$, $\eta = .19$; bonus: $M = 0.95$, $SD = 0.60$; penalty: $M = 1.29$, $SD = 0.75$) and target value ($F(1, 28) = 42.22$, $p < .001$, $\eta = 0.10$; regular: $M = 1.08$, $SD = 0.65$; valuable: $M = 1.33$, $SD = 0.85$) was revealed. It took more time for the participants to prepare for valuable targets than for regular ones. Participants from the penalty group prepared longer than participants from the bonus group (Figure 3).

Analysis of the relation between time taken for preparation (time delay) and the subsequent proportion of hits and misses. We found out that preparation for shooting at valuable targets took more time than for regular ones, and preparation for shooting within the penalty task frame took more time than within the reward task frame. However, we also assumed that a longer preparation would negatively relate to performance. To test this hypothesis, we conducted the following analysis: data

Figure 2

Mean Error Deviation from Targets Center for the Bonus and Penalty Groups for Regular and Valuable Target Types and Different Distance Trials (accurate hits, with error size = 0 were excluded from the analyses. Trials with error size larger than $M \pm 3SD$ for each participant were excluded)

was aggregated for each participant separately for each target distance and separately for subsequent hits and misses, 1.25 % of data points over 3 SD's below and above each participant's mean were excluded.

ANOVA RM (2×2×4) with such factors as group, performance (hit/miss), and target distance was conducted. Significant impact of the following factors: group ($F(1, 28) = 10.39, p = .003, \eta = 0.203$), performance ($F(1, 28) = 9.82, p = .004, \eta = 0.021$) (see Figure 4), and an interaction of performance and target distance ($F(3, 84) = 3.87, p = .012, \eta = 0.019$) (see Figure 5) was revealed. It took more time for the penalty group to prepare for a shot ($M = 1.29, SD = 0.75$), than for the

Figure 3

Mean Preparation Time before Shooting for the Bonus and Penalty Groups for Regular and Valuable Targets Types

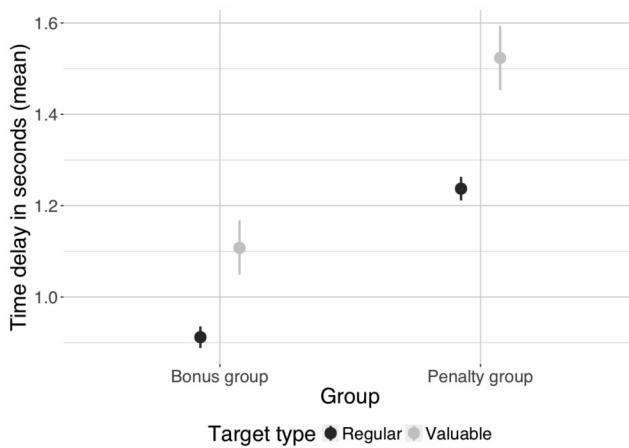

Figure 4

Mean Preparation Time before Shooting for the Bonus and Penalty Groups for Regular and Valuable Targets Types

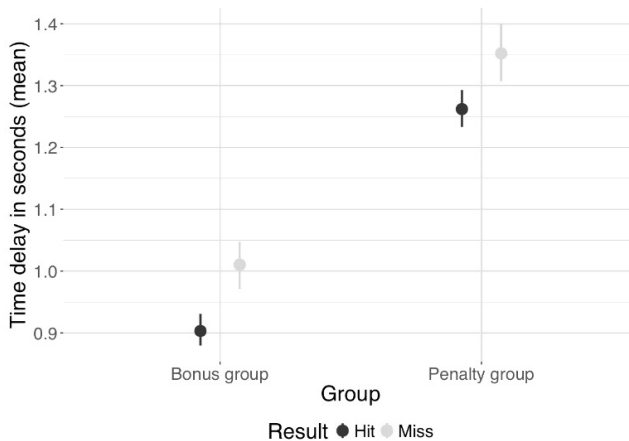
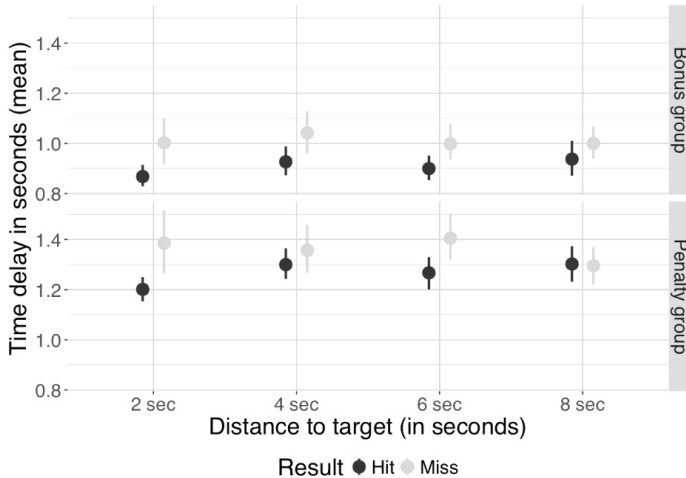

Figure 5

Mean Preparation Time before Shooting for the Bonus and Penalty Groups with Regard to the Subsequent Performance Result (Hit or Miss) and Targets Distance

bonus group ($M = 0.95$, $SD = 0.60$). In general, it took more time for the participants to prepare before miss ($M = 1.10$, $SD = 0.66$) than hit ($M = 1.17$, $SD = 0.76$). This effect is especially significant for the closest targets that in turn can cause differences in the overall means.

Discussion

We did not find any significant difference in performance between trials with valuable and regular targets. However, a significant interaction effect of target value and distance to target was demonstrated: participants made more mistakes for valuable targets than for regular ones when shooting at the closest targets, and the opposite for the most distant ones.

In other words, we observed choking under pressure when participants were performing simple tasks (short distances). The increased value of the trial outcome led to a deterioration in performance in both experimental groups. When participants performed a more complex task, the increased value of the outcome, on the contrary, led to improved performance. In our previous studies (Moroshkina et al., 2012; Gershkovich et al., 2013) we did not control for the task difficulty and the task was rather complex for the participants. Our current results are in line with the view suggested by S. Beilock and T. Carr (Beilock & Carr, 2001), where negative influence of control reinvestment on task execution becomes crucial for tasks that are proceduralized and run largely unattended. In addition, according to regulatory focus theory, choking should be observed in easy tasks (where the base rate of hitting the goal is high). According to this theory, it is more of a failure to miss in an easy situation than in a difficult one, because it is subjectively perceived as

“missing the opportunity” and an obligation to score a goal, and hence evokes prevention focus (Unkelbach, Plessner, & Memmert, 2009).

We might nevertheless mention that our results are valid only for the female sample. It is still unclear if there are gender differences in the link between pressure and performance, and especially there is not much evidence for gender differences in responding to competitive pressure. For example, Gneezy, Niederle and Rustichini (2003) demonstrated that in competitive pressure men’s performance increased, but not women’s. But this effect was stronger when women have to compete against men than in women’s competitive environments. On the other hand, Ariely et al. (2009) demonstrated that monetary rewards decreased performance, but they did not observe gender differences. Several studies analyzed professional sport data (tennis), searching for gender differences. Results were also controversial. In one study it was observed that although women show a drop in performance in crucial stages of competition, this drop was smaller than that of men (Cohen-Zada, Krumer, Rosenboim, & Shapir, 2017), whereas another study (De Paola & Scoppa, 2017) suggested that women are more discouraged in a pressure situation, when receiving negative feedback at the beginning. In our study we observed the negative effect of control reinvestment on simple task execution within women.

This generalized data is in line with the theory of control reinvestment, as well as the idea that excessive control adversely affects performance of simple automated tasks. The main factor in our research was the value of the target, i.e. the impact of the possible outcome on the overall competition result. In this case, we suppose, participants reinvest control during task execution, which harms performance in simple trials.

In line with our hypothesis, the penalty group took longer to prepare before the shot; this result is the evidence for increased vigilance and control. In addition, participants in both groups prepared longer before shooting the valuable targets. Thus, longer time taken for preparation for valuable targets can be seen as a manifestation of reinvestment of control for error prevention. However, this extra control does not help to prevent errors. On the contrary, the more time that is taken preparing for a shot, the greater is the possibility to err. Moreover, it is especially so for the shortest distance targets.

Contrary to our hypothesis, we also demonstrated that the vigilant strategy for non-losses evoked in the penalty group somehow helped them to be more accurate, partially due to the longer distances of the targets. Maybe, this effect is due to the specificity of the given task. The longer time intervals provoke greater error in their subjective estimation, and in this case, the vigilant strategy turned out to be a benefit for this group.

Our results demonstrate the necessity to pay attention to task specificity, especially with regard to time estimations included in that task. Although every action we do has temporal characteristics and the timing of brief intervals is frequently linked with motor control, we should shed light on the problem of motor task components that are either changed or deteriorated within a choking situation.

References

- Allakhverdov, V. M. (2000). *Soznanie kak paradoks. Eksperimental'naya psikhologika* [Consciousness as a paradox. Experimental psychologies] (Vol. 1). Saint Petersburg: DNK. (in Russian)
- Ariely, D., Gneezy, U., Loewenstein, G., & Mazar, N. (2009). Large stakes and big mistakes. *The Review of Economic Studies*, 76(2), 451–469. doi:10.1111/j.1467-937X.2009.00534.x
- Baumeister, R. F. (1984). Choking under pressure: self-consciousness and paradoxical effects of incentives on skillful performance. *Journal of Personality and Social Psychology*, 46(3), 610–620. doi:10.1037/0022-3514.46.3.610
- Beilock, S. L., & Carr, T. H. (2001). On the fragility of skilled performance: What governs choking under pressure? *Journal of Experimental Psychology: General*, 130(4), 701–725. doi:10.1037/0096-3445.130.4.701
- Beilock, S. L., Carr, T. H., MacMahon, C., & Starkes, J. L. (2002). When paying attention becomes counterproductive: impact of divided versus skill-focused attention on novice and experienced performance of sensorimotor skills. *Journal of Experimental Psychology: Applied*, 8(1), 6–16. doi:10.1037/1076-898X.8.1.6
- Bernstein, N. A. (1966). *Ocherki po fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti* [Essays on the physiology of movements and physiology of activity]. Moscow: Meditsina. (in Russian).
- Cohen-Zada, D., Krumer, A., Rosenboim, M., & Shapir, O. M. (2017). Choking under pressure and gender: Evidence from professional tennis. *Journal of Economic Psychology*, 61, 176–190. doi:10.1016/j.joep.2017.04.005
- De Paola, M., & Scoppa, V. (2017). Gender differences in reaction to psychological pressure: evidence from tennis players. *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 26(3), 444–456. doi:10.1080/1359432X.2017.1307178
- Eysenck, M. W., & Calvo, M. G. (1992). Anxiety and performance: The processing efficiency theory. *Cognition and Emotion*, 6(6), 409–434. doi:10.1080/02699939208409696
- Fitts, P. M., & Posner, M. I. (1967). *Human performance*. Belmont, CA: Brooks/Cole.
- Gershkovich, V. A., Moroshkina, N. V., Allakhverdov, V. M., Ivanchei, I. I., Morozov, M. I., Karpinskaya, V. U., ... Volkov, D. N. (2013). Vozniknovenie povtoryaushchikhysya oshibok v protsesse sensomotornogo naucheniya i sposobi ikh korrektsii [Appearance of repeated mistakes in the process of sensorimotor learning and ways of their correction]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seria 16. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of St Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy], 3, 43–54. (in Russian)
- Gershkovich, V., Moroshkina, N., Kulieva, A., & Nasledov, A. (2019). Measure of chronic regulatory focus: Adaptation of T. Higgins Regulatory Focus Questionnaire in Russia. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 16(2), 318–340. doi:10.17323/1813-8918-2019-2-318-340 (in Russian)
- Gershkovich, V., & Urikh, D. (2017). The “I am losing” effect in a simple sensorimotor task. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*, 14(1), 178–188. doi:10.17323/1813-8918-2017-1-178-188
- Gneezy, U., Niederle, M., & Rustichini, A. (2003). Performance in competitive environments: Gender differences. *The Quarterly Journal of Economics*, 118(3), 1049–1074. doi:10.1162/00335530360698496
- Herai, T., & Mogi, K. (2014). Perception of temporal duration affected by automatic and controlled movements. *Conscious and Cognition*, 29, 23–35. doi:10.1016/j.concog.2014.07.012

- Higgins, E. T. (1997). Beyond pleasure and pain. *American Psychologist*, *52*(12), 1280–1300. doi:10.1037/0003-066X.52.12.1280
- Higgins, E. T. (1998). Promotion and prevention: Regulatory focus as a motivational principle. *Advances in Experimental Social Psychology*, *30*, 1–46.
- Higgins, E. T., Friedman, R. S., Harlow, R. E., Idson, L. C., Ayduk, O. N., & Taylor, A. (2001). Achievement orientations from subjective histories of success: Promotion pride versus prevention pride. *European Journal of Social Psychology*, *31*, 3–23. doi:10.1002/ejsp.27
- Kochetkova, S. V. (2000). *Povyshenie sorevnovatelnoi nadezhnosti sportsmenov-strelkov na osnove makro- i mikrovremennykh faktorov ee formirovaniya* [Improving the competitive reliability of sporting shooters based on macro- and micro-temporal factors of its formation] (Ph.D. dissertation). Kuban State University of Physical Culture, Sport and Tourism, Krasnodar, Russian Federation. (in Russian)
- Lewis, P. A., & Miall, R. C. (2003). Distinct systems for automatic and cognitively controlled time measurement: evidence from neuroimaging. *Current Opinion in Neurobiology*, *13*(2), 250–255. doi:10.1016/S0959-4388(03)00036-9
- Malinina, S. V. (2006). Pokazatel nadezhnosti sportsmenov – osnovy sorevnovatelnoj deyatel'nosti [The reliability indicator in athletes as the basis of competitive activity]. *Nauchno-Teoreticheskiy Zhurnal "Uchenye zapiski" [Scientific and Theoretical Journal "Scientific Notes"]*, *22*, 32–37. (in Russian)
- Masters, R. S. (1992). Knowledge, knerves and know how: The role of explicit versus implicit knowledge in the breakdown of a complex motor skill under pressure. *British Journal of Psychology*, *83*(3), 343–358. doi:10.1111/j.2044-8295.1992.tb02446.x
- Medvedev, V. V., Rodionov, A. V., & Khudakov, N. A. (1973). O psikhicheskikh sostoyaniyakh v sportivnoy deyatel'nosti [About mental conditions in sports]. In P. A. Rudik, V. V. Medvedev, & A. V. Rodionov (Eds.), *Psikhologiya i sovremenniy sport* [Psychology and Modern Sport] (pp. 217–241). Moscow: Fizkul'tura i sport. (in Russian)
- Moroshkina, N. V., Gershkovich, V. A., Ivanchei, I. I., & Morozov, M. I. (2012). Vliyanie struktury voznagrazhdeniya na vypolnenie sensomotornykh navykov [Influence of the reward structure on the performance of sensorimotor skills]. In V. A. Barabanshchikov (Ed.), *Ekspirimentalniy metod v strukture psikhologicheskogo znaniya* [The experimental method in the structure of psychological knowledge] (pp. 239–244). Moscow: Institute of Psychology of the RAS. (in Russian)
- Plakhtienko, V. A., & Bludov, Yu. M. (1983). *Nadezhnost' v sporte* [Reliability in sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport. (in Russian)
- Safonov, V. K. (2018). Cognitive dissonance in sports motivation (Practical experience at high performance sports). *Peterburgskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, *23*, 122–135. (in Russian)
- Shah, J., & Higgins, E. T. (2001). Regulatory concerns and appraisal efficiency: The general impact of promotion and prevention. *Journal of Personality and Social Psychology*, *80*(5), 693–705. doi:10.1037/0022-3514.80.5.693
- Tversky, A., & Kahneman, D. (1979). Prospect theory: An analysis of decision under risk. *Econometrica*, *47*(2), 263–291.
- Unkelbach, C., Plessner, H., & Memmert, D. (2009). "Fit" in sports. In J. P. Forgas, R. F. Baumeister, & D. M. Tice (Eds.), *The Sydney symposium of social psychology: Vol. 11. Self-regulation and athletic performances* (pp. 93–105). Psychology Press.
- Vainstein, L. M. (1981). *Psikhologiya v pulevoi strelbe* [Psychology in shooting sports]. Moscow: DOSAAF. (in Russian)

Wegner, D. M. (1994). Ironic processes of mental control. *Psychological Review*, 101(1), 34–52.
doi:10.1037/0033-295X.101.1.34

Wilson, M. (2008). From processing efficiency to attentional control: A mechanistic account of the anxiety-performance relationship. *International Review of Sport and Exercise Psychology*, 1, 184–202.
doi:10.1080/17509840802400787

Valeriia A. Gershkovich – Associate Professor, Department of the Problems of Convergence in Natural Sciences and Humanities, Saint Petersburg State University, PhD in Psychology.
Research Area: cognitive psychology, cognitive control in memory and learning tasks, choking under pressure, achievement motivation, memory illusions.
E-mail: valeria.gershkovich@gmail.com

Nadezhda V. Moroshkina – Senior Researcher, Laboratory of Cognitive Studies, Saint Petersburg State University, PhD in Psychology.
Research Area: cognitive psychology, implicit learning and implicit memory, consciousness and cognitive unconsciousness, frame effects, achievement motivation.
E-mail: moroshkina.n@gmail.com

Almara K. Kulieva – PhD Student, Department of General Psychology, Saint Petersburg State University.
Research Area: cognitive psychology, consciousness, psychology of will, visual illusions.
E-mail: almara.kulieva@gmail.com

Плохо ли, когда контроля слишком много? Влияние регуляторного фокуса на оценку коротких временных интервалов в ситуации соревновательного давления

В.А. Гершкович^а, Н.В. Морошкина^а, А.К. Кулиева^а

^а Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9

Резюме

Срыв навыка под давлением — это феномен, известный в спорте как ошибка в выполнении автоматизированного действия, которая проявляется в условиях повышенных требований к качеству выполнения задачи (Baumeister, 1984). В ряде теорий утверждается, что причиной такого срыва является избыточный контроль, который приводит к деавтоматизации навыка. Согласно нашей гипотезе, избыточный контроль возникает вследствие страха совершить ошибку, поскольку попытка проверить, «не совершаю ли я ошибочное действие», может спровоцировать само ошибочное действие (Allakhverdov, 2000; Wegner, 1994). В работе исследовалось влияние двух факторов: фактора ценности (обычные попытки vs ценные попытки), фактора фрейма задачи (вознаграждение vs штраф). Участники играли в компьютерную игру «Гольф», соревнуясь друг с другом. Для попадания в лунки разной дальности им необходимо было научиться удерживать клавишу «пробел» в течение определенного времени (2, 4, 6, 8 сек). В ходе

соревнования варьировалась ценность лунок, при этом одна группа штрафовалась за промах по ценным лункам, тогда как другая группа дополнительно поощрялась за попадание по ним. Полученные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы избыточного контроля. Обнаружен эффект «срыва навыка под давлением» при выполнении ударов по ближним лункам (2 сек): по ценным лункам испытуемые обеих групп промахивались чаще, чем по обычным. Обнаружено влияние фрейма задачи (вознаграждение vs штраф) на время подготовки к выполнению ударов: группа «штраф» готовилась дольше. Также показано, что чем больше времени требовалось на подготовку к удару, тем более вероятно было последующее совершение ошибки.

Ключевые слова: соревновательное давление, срыв навыка под давлением, избыточный контроль, оценка временных интервалов, регуляторный фокус, фрейм задачи, штраф, вознаграждение, ошибка.

Гершкович Валерия Александровна — доцент, кафедра проблем конвергенции естественных и гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, когнитивный контроль, научение, соревновательный стресс, мотивация достижения, иллюзии памяти.

Контакты: valeria.gerhskovich@gmail.com

Морошкина Надежда Владимировна — старший научный сотрудник, лаборатория когнитивных исследований, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат психологических наук.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, имплицитное научение и память, сознание и когнитивное бессознательное, эффекты фрейма, мотивация достижения.

Контакты : moroshkina.n@gmail.com

Кулиева Алмара Кудрат кызы — аспирант, кафедра общей психологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Сфера научных интересов: когнитивная психология, психология сознания, психология воли, зрительные иллюзии.

Контакты : almara.kulieva@gmail.com

THE EFFECT OF EXPERIMENTAL CONDITIONS, THE SAMPLE SIZE AND SESSION DURATION ON RESTING-STATE SUBJECTIVE EXPERIENCE

G. V. PORTNOVA^a, A. O. TETEREVA^{a,b}, A. M. IVANITSKY^a,
O. V. MARTYNOVA^{a,b}, K. M. LIAUKOVICH^a

^a *Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, 5a Butlerova Str., Moscow, 1174855, Russian Federation*

^b *National Research University Higher School of Economics, 20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation*

Abstract

Our research aims to study the difference in resting-state during EEG and fMRI experimental conditions, each of which has its own peculiarities. Therefore, we conducted EEG and fMRI experiments very close in terms of conditions, during which 108 and 109 healthy participants, respectively, were recorded at rest for ten minutes. Subjective content of conscious during resting-state was assessed using the Amsterdam Resting-State Questionnaire (ARSQ) 2.0. To approve the 10-factor structure of the questionnaire in both groups we used the method of confirmatory factor analysis, the differences between groups were assessed using the Mann-Whitney U test. In general, it was found that responses towards the Amsterdam Resting-State Questionnaire 2.0. were similar in both groups. However, during resting-state the EEG group had larger scores for Comfort, Sleepiness and Visual Thought, while the fMRI group had larger scores for Health Concerns. The gender differences were similar in both groups for the dimension of Verbal Thoughts, which was significantly higher in females. Thus, our findings imply a substantial effect of the experimental environment difference for fMRI and EEG on subjective thoughts and feelings during resting-state experience, even when the experimental conditions are similar. That should be taken into account when planning a research experiment and analyzing data.

Keywords: Amsterdam Resting-State Questionnaire, resting-state, fMRI, EEG, mind wandering.

Introduction

The content of a person's consciousness consists of a sequence of internally experienced states that form a single stream of consciousness, even during quiet

The collection and analysis of data from respondents participating in the EEG study was carried out within the state assignment of Ministry of Education and Science of the Russian Federation for 2019-2021 (No. AAAA-A17-117092040004-0). Data collection from respondents participating in the fMRI study, as well as general data analysis, were supported by the Russian Science Foundation, grant RSF 16-15-00300.

wakefulness (James, 1890; Killingsworth & Gilbert, 2010). This content, reflected in fluctuations of brain activity, includes inner speech, a sequence of alternating visual images, sounds and melodies, and feelings that accompany these experiences (Lee, Smyser, & Shimony, 2013; Glover, 2011). Until recently, psychological and neurophysiological studies of the content of human consciousness as a rule examined activation of the brain in response to the presentation of stimuli or tasks. Thus, the reactivity of the brain has been explored, rather than its activity. Indeed, it was not until recently that neuroimaging could confirm the existence of stable and structured brain activation in a resting-state (Raichle et al., 2001; Fox et al., 2005; Damoiseaux et al., 2006; Sojoudi & Goodyear, 2016). It has been suggested that this neural activity maintains both physiological functions (Krug, Salzman, & Waddell, 2015) and consciousness (Fenigstein, 1987; Heine et al., 2012; Stoffers et al., 2015).

Electroencephalography (EEG) and magnetoencephalography (MEG) revealed stable frequency patterns but variable topography of spectral power distribution among healthy participants (Cantero, Atienza, & Salas, 2002); functional magnetic resonance imaging (fMRI) allowed the identification of a stable neural activity in specific brain regions (resting-state networks) (Raichle et al., 2001). Accumulated findings on EEG and fMRI signatures of RSNs initiated a search for correlates of the observed background brain activity with the content of consciousness during mind wandering.

Several psychological tests were designed to qualitatively assess a cognitive state at rest. One such is the Amsterdam Resting-State Questionnaire (ARSQ) (Diaz et al., 2013; Diaz et al., 2014), which offers a qualitative and quantitative assessment of thoughts and feelings during a five-minute eyes-closed resting session (Diaz et al., 2013). The questionnaire utilized retrospective self-report to estimate the personal conscious experience according to the ten-dimension model (Diaz et al., 2014). Except for the ARSQ, several questionnaires have been designed to evaluate the content of consciousness at rest. One of them is the New York Cognitive Questionnaire (NYC-Q) (Gorgolewski et al., 2014), which is an improved and revised version of the Dundee Stress State Questionnaire (DSSQ) (Matthews et al., 2002). NYC-Q organizes mind wandering into categories of content (future, past, positive, negative, social) and form (words, images, specificity). However, the ARSQ has been tested and standardized using the most significant number of respondents. The recently extended 54-item ARSQ 2.0 was completed on-line by 993 participants (Diaz et al., 2014). An fMRI study showed that ARSQ scores correlated with patterns of RSNs in 106 participants (Stoffers et al., 2015). In addition to the qualitative differences between EEG and fMRI approaches to reflect neural correlates, the EEG and MRI experimental procedures may peculiarly modulate the cognitive state at rest and consequently effect answers to retrospective questionnaires. The original study of ARSQ 1.0 (Diaz et al., 2013) compared data from EEG ($n=89$) and fMRI groups ($n=68$ with extensive sample data ($n=813$) of ARSQ gathered within a natural environment). A direct comparison of factors showed a significant variability of responses to the ARSQ in home and experimental conditions.

In the current study we further clarify the question of the variability of psychometric data in the resting-state cognition obtained using the newer version of ARSQ 2.0. As in the case of the original study of ARSQ 1.0 (Diaz et al., 2013), we aimed to reveal whether the experiential environment may cause a substantial impact on resting-state cognition reflected in subjective assessment by ARSQ 2.0. For this purpose, we compared the ARSQ 2.0 scores obtained from 109 participants after EEG recordings and from 108 participants of fMRI scanning sessions during resting-state condition, which preceded different active tasks. We focused at differences in the ARSQ factor isolation between the EEG and fMRI groups as well as at their possible variance with previous ARSQ 2.0 data obtained within a natural environment (Diaz et al., 2014).

Additionally, we investigated the impact of session duration, as we used the questionnaires' data collected after a 10 minute session (unlike in the original study of Diaz et al. (2013, 2014) where the resting-state sessions last 5 minutes). This task was due to the choice to conduct fMRI scanning for 10 min. Most current studies of resting-state using fMRI acquire more than 6 min of fMRI data. This duration is based on findings implying from this amount of data that the strength of functional connectivity is stable (van Dijk et al., 2010; Lee et al., 2013; Mantini et al., 2007). The following research also showed that the reliability and similarity of fMRI data could be significantly improved by increasing the scan lengths from 5 min up to 13 min during resting-state (Birn et al., 2013).

Finally, we addressed the issue of a reliable sample size to correlate with the 10-factor model of ARSQ 2.0. The usual sample size for task-based fMRI studies is limited to 25-30 subjects. For clinical use, the best option is to develop a psychometric instrument showing substantial results at an individual level, which provides a correlation with individual neuroimaging data. The strong correlations of ARSQ scores and neuromarkers, such as fMRI and EEG, were shown only for a large number of subjects (Stoffers et al., 2015) or a large number of observations (223 trials in 13 subjects in the sleep study of Diaz et al., 2016). In the recent study of EEG and fMRI correlates of resting-state activity we also revealed an association between the EEG fractal dimension for the band of 2–10 Hz and the ARSQ factor Health concern. However, in the group of 25 healthy participants the correlation of ARSQ with fMRI data did not pass a correction for multiple comparisons (Portnova et al., 2018). The ARSQ is proposed as a psychometric measure to assess resting-state cognition, as it shows a stable covariance structure between factors, and according to the ARSQ authors' opinion, it appears to reflect stable subject characteristics associated with traits or health status (Diaz et al., 2013). However, if even group ARSQ cross-correlation patterns differ substantially depending on the sample size due to individual variability, could we rely on the retrospective questionnaire such as ARSQ in cases of less subject data? To clarify this question we also tested a correlation and covariation structure along with differences in mean scores of ARSQ 2.0 factors at the half and quarter the reference data sets of the EEG and fMRI groups.

Materials and methods

Amsterdam Resting-State Questionnaire

The Russian-language version of the ARSQ 2.0 was requested and received by e-mail from the ARSQ developers, along with instructions on how to perform the test. As we did not find any published articles regarding the validation of the Russian version of the ARSQ, we adjusted some statements in translation to better convey their intended meanings.

Participants

We used ARSQ 2.0 data collected from 217 native Russian speakers (Table 1) who participated in different studies in the last three years. Among them, 109 healthy volunteers (61 females, age 23.36 ± 3.2) completed the ARSQ 2.0 after a 10-min resting-state session with simultaneous EEG registration, and 108 healthy volunteers (50 females, age 24.95 ± 4.1) completed the questionnaire after a 10-min resting-state session during fMRI scanning. All participants were students of higher education institutions at the undergraduate or graduate levels and were recruited via student networks. Before the study, volunteers were interviewed to screen for neurological or mental deficits, pain conditions, and medications. Participants were asked not to drink beverages containing alcohol more than 48 hours before the study, and coffee and tea more than 12 hours before as these substances could affect data collection. All participants provided a written informed consent before each study. All studies were conducted in accordance with the Helsinki Declaration, and the study protocol was approved by the Ethics Department of the Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of RAS.

Analysis of respondent answers to Russian ARSQ 2.0 and comparison with data from the original ARSQ 2.0

To keep results compatible with Diaz et al.'s (2014) data, both datasets (EEG and fMRI groups) were filtered based on (1) reported interruption, (2) low motivation (rating of "disagree" or lower), (3) low ability to remember thoughts/feelings (rating of "disagree" or lower), (4) reported inability to recall resting-state cognition (rating below "agree"), (5) not having eyes closed (rating below "agree"), and (6) exhibiting extreme responses on the majority of items. Data of 217 participants included in this study passed through this selection procedure.

Participant responses to 30 main (non-validating) questions were summed up according to a model containing 10 factor measurements implemented by Diaz et al. (2014) in the ARSQ 2.0: (1) Discontinuity of Mind, (2) Theory of Mind, (3) Self, (4) Planning, (5) Sleepiness, (6) Comfort, (7) Somatic Awareness, (8) Health Concerns, (9) Visual Thought, and (10) Verbal Thought. Each answer was equated to a certain number of points: -1 (completely disagree), -2 (disagree), $+/-3$ (unsure – neither agree nor disagree), $+4$ (agree), and $+5$ (completely agree).

Procedure

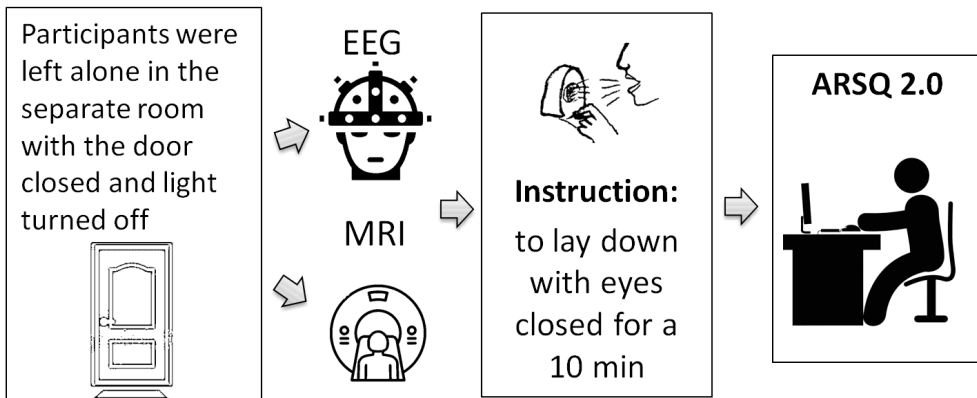
In the study of Diaz et al. (2013, 2014) respondents were sitting for 5 minutes duration with instructions to relax and keep their eyes closed and then answer the ARSQ. In our study participants of EEG and fMRI acquisition lay supine for 10 min with similar instructions. The resting-state session preceded the active tasks in all experimental paradigms. Immediately after the resting-state sessions participants were asked to fill out the computer-based ARSQ 2.0 in the separate room. Figure 1 illustrates the experimental procedures for fMRI and EEG conditions.

Before the resting-state session, EEG electrodes were attached to participants of the EEG group ($n=109$), who were then asked to lay supine on a bed in an acoustically and electrically shielded chamber with the light off. Participants spent 10 min in this chamber after being instructed to close their eyes, lie still, and try not to move, sleep, or purposefully think about anything. At the end of the resting-state session, subjects were taken out of the scanner and led to another room where they were asked to fill out the questionnaire on a computer. After completing the questionnaire, EEG recording continued; EEG results are not considered in this article.

The fMRI group ($n = 108$) completed the questionnaire after a resting-state session with fMRI scanning. Before the resting-state acquisition, participants of the fMRI group for 5 minutes also had scanning of sagittal brain anatomy. Similar to the EEG recording conditions, subjects lay in a supine position in the MRI scanner with the light off. Through the microphone subjects were instructed to close their eyes and try not to move, sleep, or purposefully think about anything for 10 min. The heart rate and recursive estimation of respiratory motion were registered during MRI to exclude the episodes of sleep. At the end of the resting-state session subjects were taken out of the scanner and led to another room where they were asked to fill out the questionnaire on a computer. There were no time limits for completing the questionnaire imposed on either experimental group.

Figure 1

The Block-Scheme of the EEG And fMRI Experimental Studies

Data analysis

Confirmatory factor analyses were conducted to support the 10-factor structure implemented following the previous approbation of the ARSQ 2.0 (Diaz et al., 2014). The 10-factor model was subjected to a maximum-likelihood confirmatory factor analysis. First, the analysis was conducted on the whole sample ($N = 217$) and replicated 100 times for 75% of data. Second, a multigroup confirmatory factorial analysis was used to assess measurement invariance concerning the experimental paradigm as well as across the fMRI and EEG groups. Cross-correlation analysis between ARSQ factors was performed separately for the fMRI and EEG groups; group differences between factors were again analyzed using the Mann-Whitney test.

Confirmatory factor analyses, correlation analysis, and other non-parametric statistics were performed via Statistica software (Statistica 10, StatSoft Quest Software Inc., Tulsa, OK, USA).

Correlation between factors, as well as with age, was analyzed using Spearman's correlation analysis ($p < 0.05$). The differences in responses between the fMRI and EEG groups and between men and women were assessed using the Mann-Whitney test ($p < 0.05$). Factorial ANOVA tested mixed Group and Gender effects. Cross-correlation analysis between ARSQ factors was performed separately for the fMRI and EEG groups; group differences between factors were again analyzed using the Mann-Whitney test. Correction for multiple comparisons, where applicable, was performed using false discovery rate $p < 0.05$ (Benjamini & Hochberg, 1995). Correlation analysis and other non-parametric statistical tests were performed via Statistica software (Statistica 10, StatSoft Quest Software Inc., Tulsa, OK, USA).

Results

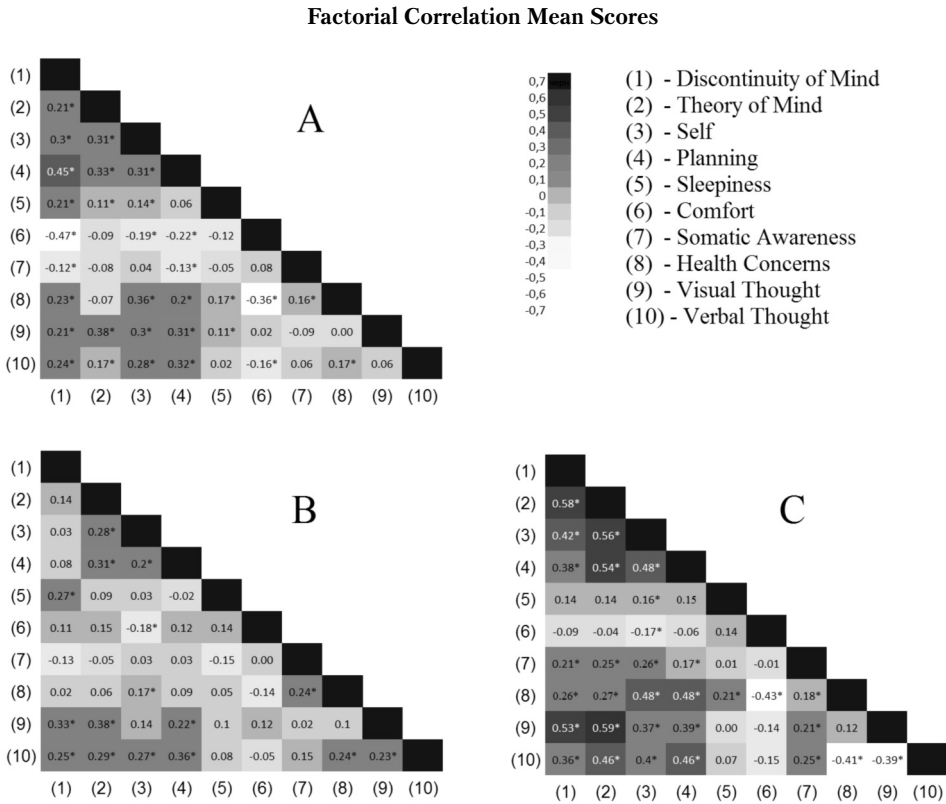
Comparison of Between-Factor Correlation with Original ARSQ 2.0 Data

In initial approbation of the ARSQ 2.0 (Diaz et al., 2014), the scores of Discontinuity of Mind positively correlated with scores for Theory of Mind, Planning, and Self. In the current study, we found a similar correlation in the fMRI group. However, no similar correlation was found in the EEG group (Figure 2). The values of the Comfort dimension were inversely correlated with the values of Discontinuity of Mind and Theory of Mind (Ibid.); in the current study no similar correlation was observed. Additionally, while an inverse correlation between Comfort and Health Concerns was found among Dutch-speaking respondents (Ibid.), a similar correlation was found only for the fMRI group in the present study.

Differences in factor scores between EEG and fMRI groups and between genders

Significant between-group differences were found for the dimensions of Theory of Mind, Sleepiness, Comfort, Health Concern and Visual Thought: the EEG group

Figure 2

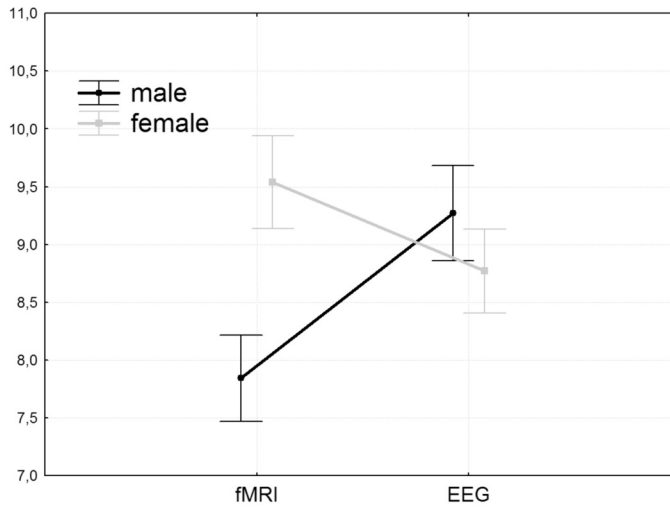
Note. Questionnaire factors: (1) Discontinuity of Mind, (2) Theory of Mind, (3) Self, (4) Planning, (5) Sleepiness, (6) Comfort, (7) Somatic Awareness, (8) Health Concerns, (9) Visual Thought, and (10) Verbal Thought. A represents the data of Diaz et al. (2014) (Copyright © 2014 Diaz, Van der Sluis, Benjamins, Stoffers, Hardstone, Mansvelder, Van Someren, and Linkenkaer-Hansen), B represents the EEG group, and C represents the fMRI group. Shades of colour ranging from blue to red correspond to the values of the correlation coefficient. The symbol * indicates a significant correlation ($p < .05$)

had larger scores for Theory of Mind ($z = -3.4, p = 1e-06$), Sleepiness ($z = -4.85, p = 1e-06$), Comfort ($z = -8.11, p = 1e-06$) and Visual Thought ($z = -3.59, p = 1e-06$) compared with the fMRI group (Figure 2). The fMRI group had larger scores for Health Concerns ($z = -4.2, p = 1e-06$).

The dimensions of Verbal Thoughts and Theory of Mind were significantly different between males and females. During the resting-state session, women reported a greater frequency of Verbal Thoughts ($z = -2.96, p = 0.003$) and Theory of Mind ($z = -2.2, p = 0.02$).

The mixed effect of Group and Gender showed that Discontinuity of Mind was significantly higher in female participants in the fMRI group and male participants in the EEG group: $F(1, 2013) = 8.0019, p = 0.005$ (Figure 3).

Figure 3

Mixed-Effect of Group and Gender for the ARSQ Dimension of Discontinuity of Mind*Ten-Factor Model of Russian ARSQ 2.0*

The confirmatory factor analyses showed that, consistent with previous data (Diaz et al., 2014, p. 271), the sample data fit the 10-factor structure. Goodness of fit was estimated as $\chi^2(360, N = 217) = 2571.264$, root-mean-square error of approximation (RMSEA) as 0.082, and comparative fit index (CFI) as 0.97. Multigroup confirmatory factorial analysis supported the hypothesis of invariance from the experimental paradigm to the 10-factor ARSQ structure. The resulting 95% confidence intervals were satisfactory for both CFI (0.89, 0.92) and RMSEA (0.085, 0.084) for the EEG and fMRI groups separately and combined.

Moreover, confirmatory factor analysis confirmed the high correspondence of items to the factors both in fMRI and EEG group (Table 1).

Discussion

Between-factor correlation coefficients manifested similar features in the present sample as in the initially reported results (Diaz et al., 2014). Specifically, similar positive correlations were found between Discontinuity of Mind and Planning and, in the fMRI group, similar negative correlations between Comfort and Health Concerns.

Nevertheless, there were also differences in the correlation of factors. In Diaz et al.'s (2014) study, the Comfort dimension was inversely correlated with Discontinuity of Mind and Theory of Mind among Dutch-speaking respondents, indicating that a state of discomfort accompanied thoughts about others and difficulty restraining a particular thought or thoughts. In contrast, data obtained from

Table 1 (finishing)

Factors:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	fMRI group									
Items:	0.75	0.81	0.80	0.87	0.79	0.75	0.69	0.65	0.84	0.82
1.1 'I had busy thoughts'	0.64									
1.2 'I had rapidly switching thoughts'	0.89									
1.3 'I had difficulty holding on to my thoughts'	0.72									
2.1 'I thought about others'		0.95								
2.2 'I thought about people I like'		0.93								
2.3 'I placed myself in other people's shoes'		0.54								
3.1 'thought about my feelings'			0.81							
3.2 'I thought about my behavior'			0.75							
3.3 'I thought about myself'			0.84							
4.1 'I thought about things I need to do'				0.89						
4.2 'I thought about solving problems'				0.85						
4.3 'I thought about the future'				0.87						
5.1 'I felt tired'					0.57					
5.2 'I felt sleepy'					0.92					
5.3 'I had difficulty staying awake'					0.89					
6.1 'I felt comfortable'						0.80				
6.2 'I felt relaxed'						0.85				
6.3 'I felt happy'						0.59				
7.1 'I was conscious of my body'							0.71			
7.2 'I thought about my heartbeat'							0.61			
7.3 'I thought about my breathing'							0.76			
8.1 'I felt ill'								0.59		
8.2 'I thought about my health'								0.76		
8.3 'I felt pain'								0.61		
9.1 'I thought in images'									0.83	
9.2 'I pictured events'									0.83	
9.3 'I pictured places'									0.85	
10.1 'I thought in words'										0.89
10.2 'I had silent conversations'										0.89
10.3 'I imagined talking to myself'										0.68

Note. Questionnaire factors: (1) Discontinuity of Mind, (2) Theory of Mind, (3) Self, (4) Planning, (5) Sleepiness, (6) Comfort, (7) Somatic Awareness, (8) Health Concerns, (9) Visual Thought, and (10) Verbal Thought.

Russian-speaking respondents revealed a positive relationship between Comfort and Discontinuity of Mind as well as between Comfort and Theory of Mind.

One possible explanation for this difference is that participants in the initial ARSQ 2.0 approbation were recruited from the Dutch Sleep Registry Database (www.sleepregistry.org/) and may thus have had concerns about their quality of sleep before beginning the study. Importantly, more recent studies of insomnia have revealed a relationship between sleep disorders and high scores for Discontinuity of Mind (Palagini et al., 2016).

When we compared respondent data obtained from two different experimental conditions (fMRI- and EEG-recording sessions), we found the following differences in the ARSQ dimension scores: higher Theory of Mind, Sleepiness, and Comfort values for the EEG group and higher Health Concerns values for the fMRI group. The ratings of Sleepiness and Health Concerns might be unstable (Diaz et al., 2014) due to their dependence on external factors (McKiernan, D'Angelo, Kaufman, & Binder, 2006).

We suspect that the experimental conditions may have influenced these ratings. The fMRI group may have reported lower Comfort and greater Health Concerns than the EEG group due to the stressful nature of MRI scanning, which requires volunteers to stay still in a constrained space. Consistent with this assumption, increased levels of anxiety during MRI scanning have previously been reported (van Minde, Klaming, & Weda, 2014). Supporting previous results (Diaz et al., 2014), we observed a negative correlation between Health Concern and Comfort. In our EEG group scores for Comfort were higher than in the fMRI group that could also be related to the experimental conditions of EEG and fMRI studies (Gusnard, Raichle & Raichle, 2001; He, Yang, Wilke, & Yuan, 2011).

The present study also found gender differences for the Verbal Thought dimension of the ARSQ 2.0. Female respondents were more prone to verbal thinking during the resting-state session. The same phenomenon was also observed in Diaz et al.'s (2014) study. Other researchers have consistently emphasized this gender feature. Women, in general, tend to express their thoughts in words and are more successful at performing verbal tasks than men (Hyde, 2005; Mittal, Verma, Jain, Khatter, & Juyal, 2012), even in early childhood (Buitink, 2017).

In conclusion, our results indicate that the experimental environment may affect the self-reported rating of subjective experience during rest. The fMRI and EEG groups demonstrated differences in ARSQ scores. The fMRI participants felt less comfortable and reported a higher rating of health concerns during fMRI resting-state session. We suggest that the Russian ARSQ can potentially be used in future studies of mind wandering using both EEG and fMRI if the mediating effect of the experimental conditions is taken into account.

Conflict of Interest

The authors declare that the research was conducted in the absence of any commercial or financial relationship that could be construed as a potential conflict of interest.

Author contributions

GP, AT, KL, AI and OM conceived of and designed the study; GP, AT, and KL collected data; GP, AT and KL analyzed the data; and GP and OM wrote the manuscript.

Acknowledgments

We gratefully acknowledge the developers of the ARSQ (principally, Dr. Linkenkaer-Hansen) for providing us with all testing materials required for this study.

References

- Aldao, A., Nolen-Hoeksema, S., & Schweizer, S. (2010). Emotion-regulation strategies across psychopathology: A meta-analytic review. *Clinical Psychology Review, 30*(2), 217–237. doi:10.1016/j.cpr.2009.11.004
- Benjamini, Y., & Hochberg, Y. (1995). Controlling the false discovery rate: a practical and powerful approach to multiple testing. *Journal of the Royal Statistical Society. Series B (Methodological), 57*(1), 289–300.
- Birn, R. M., Molloy, E. K., Patriat, R., Parker, T., Meier, T. B., Kirk, G. R., ... Prabhakaran, V. (2013). The effect of scan length on the reliability of resting-state fMRI connectivity estimates. *NeuroImage, 83*, 550–558.
- Buitink, M. (2017). *A gender-comparison between verbal and figural divergent thinking in 4-year-old children, using the Torrance Test of Creative Thinking and the Alternative Uses Task* (Master thesis). Retrieved from Utrecht University Repository.
- Cantero, J. L., Atienza, M., & Salas, R. M. (2002). Human alpha oscillations in wakefulness, drowsiness period, and REM sleep: different electroencephalographic phenomena within the alpha band. *Neurophysiologie Clinique/Clinical Neurophysiology, 32*(1), 54–71.
- Damoiseaux, J. S., Rombouts, S. A. R. B., Barkhof, F., Scheltens, P., Stam, C. J., Smith, S. M., & Beckmann, C. F. (2006). Consistent resting-state networks across healthy subjects. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 103*(37), 13848–13853. doi:10.1073/pnas.0601417103
- Diaz, B. A., Hardstone, R., Mansvelder, H. D., van Someren, E. J., & Linkenkaer-Hansen, K. (2016). Resting-state subjective experience and EEG biomarkers are associated with sleep-onset latency. *Frontiers in Psychology, 7*, 492. doi:10.3389/fpsyg.2016.00492
- Diaz, B. A., van der Sluis, S., Benjamins, J. S., Stoffers, D., Hardstone, R., Mansvelder, H. D., ... Linkenkaer-Hansen, K. (2014). The ARSQ 2.0 reveals age and personality effects on mind-wandering experiences. *Frontiers in Psychology, 5*, 271. doi:10.3389/fpsyg.2014.00271
- Diaz, B.A., van der Sluis, S., Moens, S., Benjamins, J. S., Migliorati, F., Stoffers, D., ... Linkenkaer-Hansen, K. (2013). The Amsterdam Resting-State Questionnaire reveals multiple phenotypes of resting-state cognition. *Frontiers in Human Neuroscience, 7*, 446. doi:10.3389/fnhum.2013.00446
- Fenigstein, A. (1987). On the nature of public and private self-consciousness. *Journal of Personality, 55*(3), 543–554. doi:10.1111/j.1467-6494.1987.tb00450.x

- Fox, M. D., Snyder, A. Z., Vincent, J. L., Corbetta, M., Van Essen, D. C., & Raichle, M. E. (2005). The human brain is intrinsically organized into dynamic, anticorrelated functional networks. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *102*(27), 9673–9678. doi:10.1073/pnas.0504136102
- Glover, G. H. (2011). Overview of functional magnetic resonance imaging. *Neurosurgery Clinics of North America*, *22*(2), 133–139, vii. doi:10.1016/j.nec.2010.11.001
- Gorgolewski, K. J., Lurie, D., Urchs, S., Kipping, J. A., Craddock, R. C., Milham, M. P., ... Smallwood, J. (2014). A correspondence between individual differences in the brain's intrinsic functional architecture and the content and form of self-generated thoughts. *PLoS ONE*, *9*(5), e97176. doi:10.1371/journal.pone.0097176
- Gusnard, D. A., Raichle, M. E., & Raichle, M. E. (2001). Searching for a baseline: functional imaging and the resting human brain. *Nature Reviews Neuroscience*, *2*(10), 685–694. doi:10.1038/35094500
- He, B., Yang, L., Wilke, C., & Yuan, H. (2011). Electrophysiological imaging of brain activity and connectivity—challenges and opportunities. *IEEE Transactions on Biomedical Engineering*, *58*(7), 1918–1931. doi:10.1109/tbme.2011.2139210
- Heine, L., Soddu, A., Gomez, F., Vanhauzenhuysse, A., Tshibanda, L., Thonnard, M., ... Demertzi, A. (2012). Resting state networks and consciousness: alterations of multiple resting state network connectivity in physiological, pharmacological, and pathological consciousness states. *Frontiers in Psychology*, *3*, 295. doi:10.3389/fpsyg.2012.00295
- Hyde, J. S. (2005). The gender similarities hypothesis. *The American Psychologist*, *60*(6), 581–592. doi:10.1037/0003-066x.60.6.581
- James, W. (1890). *The principles of psychology*. New York: H. Holt.
- Killingsworth, M. A., & Gilbert, D. T. (2010). A wandering mind is an unhappy mind. *Science*, *330*(6006), 932. doi:10.1126/science.1192439
- Krug, K., Salzman, C. D., & Waddell, S. (2015). Understanding the brain by controlling neural activity. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, *370*(1677), 20140201. doi:10.1098/rstb.2014.0201
- Lee, M. H., Smyser, C. D., & Shimony, J. S. (2013). Resting-state fMRI: a review of methods and clinical applications. *American Journal of Neuroradiology*, *34*(10), 1866–1872. doi:10.3174/ajnr.A3263
- Mantini, D., Perrucci, M. G., Del Gratta, C., Romani, G. L., & Corbetta, M. (2007). Electrophysiological signatures of resting state networks in the human brain. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *104*(32), 13170–13175. doi:10.1073/pnas.0700668104
- Matthews, G., Campbell, S. E., Falconer, S., Joyner, L. A., Huggins, J., Gilliland, K., ... Warm, J. S. (2002). Fundamental dimensions of subjective state in performance settings: task engagement, distress, and worry. *Emotion*, *2*(4), 315–340. doi:10.1037/1528-3542.2.4.315
- McKiernan, K. A., D'Angelo, B. R., Kaufman, J. N., & Binder, J. R. (2006). Interrupting the “stream of consciousness”: an fMRI investigation. *NeuroImage*, *29*(4), 1185–1191. doi:10.1016/j.neuroimage.2005.09.030
- Mittal, S., Verma, P., Jain, N., Khatter, S., & Juyal, A. (2012). Gender based variation in cognitive functions in adolescent subjects. *Annals of Neurosciences*, *19*(4), 165–168. doi:10.5214/ans.0972.7531.190406
- Palagini, L., Cellini, N., Mauri, M., Mazzei, I., Simpraga, S., dell'Osso, L., ... Riemann, D. (2016). Multiple phenotypes of resting-state cognition are altered in insomnia disorder. *Sleep Health*, *2*(3), 239–245. doi:10.1016/j.sleh.2016.05.003

- Portnova, G. V., Tetereva, A., Balaev, V., Atanov, M., Skiteva, L., Ushakov, V., ... Martynova, O. (2018). Correlation of BOLD signal with linear and nonlinear patterns of EEG in resting state EEG-informed fMRI. *Frontiers in Human Neuroscience*, *11*, 654. doi:10.3389/fnhum.2017.00654
- Raichle, M. E., MacLeod, A. M., Snyder, A. Z., Powers, W. J., Gusnard, D. A., & Shulman, G. L. (2001). A default mode of brain function. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, *98*(2), 676–682. doi:10.1073/pnas.98.2.676
- Sojoudi, A., & Goodyear, B. G. (2016). Statistical inference of dynamic resting-state functional connectivity using hierarchical observation modeling. *Human Brain Mapping*, *37*(12), 4566–4580. doi:10.1002/hbm.23329
- Stoffers, D., Diaz, B. A., Chen, G., den Braber, A., van 't Ent, D., Boomsma, D. I., ... Linkenkaer-Hansen, K. (2015). Resting-State fMRI functional connectivity is associated with sleepiness, imagery, and discontinuity of mind. *PLoS ONE*, *10*(11), e0142014. doi:10.1371/journal.pone.0142014
- Van Dijk, K. R., Hedden, T., Venkataraman, A., Evans, K. C., Lazar, S. W., & Buckner, R. L. (2010). Intrinsic functional connectivity as a tool for human connectomics: theory, properties, and optimization. *Journal of Neurophysiology*, *103*(1), 297–321. doi:10.1152/jn.00783.2009
- Van Minde, D., Klaming, L., & Weda, H. (2014). Pinpointing moments of high anxiety during an MRI examination. *International Journal of Behavioral Medicine*, *21*(3), 487–495. doi:10.1007/s12529-013-9339-5

Galina V. Portnova — Senior Research Fellow, Human Higher Nervous Activity Lab, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, PhD, MD. Research Area: brain activity of different groups of patients (schizophrenia, autistic spectrum disorder, patients in coma or vegetative state, patients after stroke or with chronic ischemia), cognitive and emotional processes during development and aging, consciousness process including resting-states.
Email: caviter@list.ru

Alina O. Tetereva — Junior Research Fellow, Laboratory of Human Higher Nervous Activity, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences; Research Assistant, Centre for Cognition and Decision Making, National Research University Higher School of Economics, MSc.
Research Area: fMRI correlates of human cognitive functions.
Email: alina.tao@mail.ru

Alexey M. Ivanitsky — Professor, MD, PhD, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences.
Research Area: human brain physiology, brain base of human mind and consciousness.
Email: alivanit@aha.ru

Olga V. Martynova — Head of the Laboratory of Human Higher Nervous Activity, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences; Senior Scientist, Centre for Cognition and Decision Making, National Research University Higher School of Economics, PhD.
Research Area: EEG and fMRI correlates of human cognitive functions.
Email: olmart@mail.ru, omartynova@hse.ru

Krystsina M. Liaukovich — PhD student, Human Higher Nervous Activity Lab, Institute of Higher Nervous Activity and Neurophysiology of the Russian Academy of Sciences, MSc.
Research Area: sleep, consciousness, EEG, and cognitive ERPs. The scientific interest is in the process of the level of consciousness recovery after awakening from different phases and stages of sleep.
Email: krystsina.liaukovich@gmail.com

Влияние экспериментальных условий, размера выборки и продолжительности исследования на субъективные ощущения в состоянии покоя

Г.В. Портнова^а, А.О. Тетерева^{а,б}, А.М. Иваницкий^а, О.В. Мартынова^{а,б}, К.М. Левкович^а

^а *Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, 117485, Россия, Москва, ул. Бутлерова, д. 5а*

^б *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20*

Резюме

Статья посвящена изучению особенностей состояний покоя в условиях регистрации электроэнцефалограммы (ЭЭГ) и функциональной магниторезонансной томографии (фМРТ), каждое из которых имеет свою специфику. С этой целью были проведены максимально приближенные друг к другу по экспериментальным условиям фМРТ- и ЭЭГ-исследования, в которых 108 и 109 здоровых добровольцев соответственно в течение 10 минут находились в состоянии спокойного бодрствования во время проведения данных процедур. Субъективное содержание сознания в состоянии покоя у испытуемых оценивалось при помощи опросника Amsterdam Resting-State Questionnaire (ARSQ) 2.0. Для подтверждения 10-факторной структуры опросника в обеих группах испытуемых был применен метод конфирматорного факторного анализа, межгрупповые различия оценивались при помощи теста Манна-Уитни. Было выявлено, что в целом ответы на вопросы опросника Amsterdam Resting-State Questionnaire 2.0. в обеих группах испытуемых были схожими. Однако в состоянии покоя при ЭЭГ-исследовании испытуемые чаще выбирали ответы, соответствующие состояниям Комфорта, Сонливости и Визуального мышления, тогда как участники фМРТ-исследования сообщали о более частых мыслях, связанных с беспокойством о собственном здоровье. Кроме того, в обеих экспериментальных группах были обнаружены гендерные различия, проявляющиеся в большей активности вербального мышления у женщин в состоянии покоя. Таким образом, было выявлено, что мысли и ощущения испытуемых, не выполняющих никаких заданий и находящихся в состоянии покоя, зависят от применяемых методов исследования даже при максимально схожих экспериментальных условиях, что следует учитывать при планировании исследования и анализе данных.

Ключевые слова: Амстердамский опросник состояний покоя, состояния покоя, фМРТ, ЭЭГ, мыслительная активность.

Портнова Галина Владимировна — старший научный сотрудник, лаборатория высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, кандидат биологических наук, невролог, врач функциональной диагностики.

Сфера научных интересов: клинические особенности работы мозга при различных видах психической и неврологической патологии, когнитивные эмоциональные процессы, исследование осознаваемых и неосознаваемых процессов при помощи методов ЭЭГ и функционального МРТ.

Контакты: caviter@list.ru

Тетерева Алина Олеговна — младший научный сотрудник, лаборатория высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии; стажер-исследователь, Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Сфера научных интересов: фМРТ когнитивных функций человека.

Контакты: alina.tao@mail.ru

Иваницкий Алексей Михайлович — советник РАН, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук, чл.-корр. РАН, профессор, доктор медицинских наук.

Сфера научных интересов: физиологические основы психики и сознания человека.

Контакты: alivanit@aha.ru

Мартынова Ольга Владимировна — заведующая лабораторией высшей нервной деятельности человека, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук; старший научный сотрудник, Центр нейроэкономики и когнитивных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», PhD.

Сфера научных интересов: ЭЭГ и фМРТ когнитивных функций человека.

Контакты: olmart@mail.ru, omartynova@hse.ru

Левкович Кристина Михайловна — аспирант, Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии Российской академии наук.

Сфера интересов: сон, сознание, ЭЭГ, когнитивные вызванные потенциалы.

Контакты: krystsina.liukovich@gmail.com

Правила подачи статей и подписки можно найти на сайте журнала:

<http://psy-journal.hse.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-66610 от 08 августа 2016 г. зарегистрировано Федеральной
службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).

Адрес издателя и распространителя
Фактический: 117418, Москва, ул. Профсоюзная, 33, к. 4,
Издательский дом НИУ ВШЭ
Тел. +7(495) 772-95-90 доб. 15298
Почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел. +7(495) 772-95-90, E-mail: id.hse@mail.ru

Формат 70x100/16. Тираж 250 экз. Печ. л. 14